

Кут Хуми
Сон Раваны
ВОСТОЧНАЯ МИСТЕРИЯ

*Неизвестное творение
Великого Учителя*

Махатма Кут Хуми

...Поверьте мне, мы еще можем шагнуть вместе по этому трудному пути. Мы еще можем встретиться, но если да, то это должно произойти на тех "Адамантовых скалах, которыми наши оккультные законы нас окружают", – и никогда вне их, как бы горько мы не сетовали...

R. H.

СОН РАВАНЫ

МИСТЕРИЯ

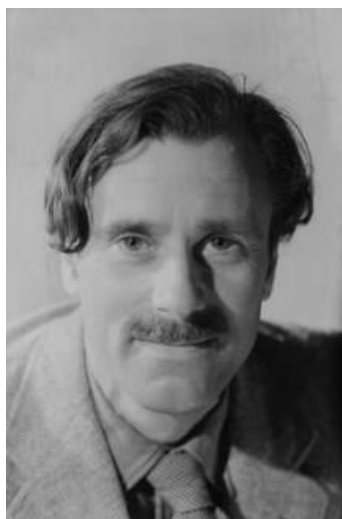

Предисловие к первому
английскому изданию

Впервые «Сон Раваны» был опубликован в виде серии статей в журнале «The Dublin University Magazine» за 1853—1854 годы. Имя автора не было раскрыто, но кем бы он ни был, это, несомненно, был ученый и мистик. Любому честному исследователю индийской теософической литературы совершенно очевидно, что он изучал Рамаяну по текстам оригинала и владел философией Веданты, что он говорил о вещах, которые были для него реальностью, а не предметом пустых спекуляций. Ни в какой другой западной публикации три «состояния» человеческого сознания не были представлены столь впечатляюще и с такой ясностью, как у данного автора. Это мистическое изложение наделит душой такие интеллектуальные труды как «Лекции о Веданте» проф. Макса Мюллера¹ и «Система Веданты» д-ра Пауля Дойсена² и вдохнет в них дыхание жизни. Несмотря на то, что повествование носит характер фантазии с изрядной долей странности, так что обычный читатель воспримет его просто как изощренную арабеску, мистик и исследователь йоги обнаружит немало хорошо знакомых ему, но слегка замаскированных истин и полностью раскрытых тайн.

1895

Дж. Р. С. М

Хью Лансон Фоссет

Говард Костер негатив на фотобумаге, 1944 NPG x12213

© Национальная портретная галерея, Лондон

Предисловие

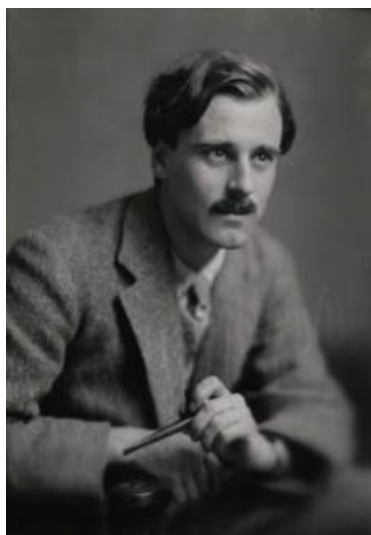
к американскому изданию*

«Сон Раваны» представляет собой блестящее изложение извечного конфликта между божественной царственностью и ее перевернутой тенью — демонической тиранией желания. Это глубокое исследование, опубликованное анонимным автором в журнале *The Dublin University Magazine* в 1853 и 1854 годах, посвящено этическому и духовному противостоянию происходящем в каждом человеческом существе, а также тайне Кармы. Этот текст предлагает детальную интерпретацию сна Раваны и проливает свет на три состояния человеческого сознания и мистический путь к сознательному бессмертию. Его автор, прекрасно владевший философией Веданты и религиозной мифологией, писал с блестящей ясностью о более глубоких измерениях самосознания. **Хью Л'Ансон Фоссет писал в рецензии на «Сон Раваны»: «Это работа поэта и провидца одновременно. Она содержит элементы веселой фантазии. Но даже фантазия — завеса, за которой можно обнаружить истинное видение. Ее должны прочитать все, кто стремится к рождению нового сознания и нового человека, от которого зависит будущее мира».

1983

* Печатается по: *The Dream of Ravan: a Mystery*. — London-Santa Barbara-New York: «Concord Grove Press» / Institute of World Culture, 1983.

** Хью Л'Ансон Фоссет (1895–1965), писатель и литературный критик

Хью Л'Ансон Фоссет

Эллиотт и Фрай бромидный принт NPG x89214

© Национальная портретная галерея, Лондон

Предисловие

ко второму английскому изданию

Значительная часть сна носит характер видения и мелодии, временами напоминающих Шелли и Поупа. Подобно религиозным ораториям харидасов и рамадасов, он сочетает «этические и религиозные наставления с лирической музыкальной поэзией, мифическим повествованием, в котором время от времени мелькает знакомая мудрость или забавный анекдот». ... [Он] весь насыщен очаровательным настроением поэта, который еще и мистик, не только владеющий философией Веданты, но и доказавший своей жизнью истины этой древней Науки Бытия. В прозаических интерпретациях сна читатель обнаружит глубочайшую духовную мудрость. Возможно, наиболее важная из них та, что определяет три «состояния» сознания, через которые индивид должен достичь завершенности. Этот предмет, на котором всё более сосредоточиваются западные умы, изложен с блестящей ясностью...

[Это] работа поэта и провидца одновременно. Она содержит элементы веселой фантазии. Но даже фантазия — завеса, за которой можно обнаружить истинное видение.

Ее должны прочитать все, кто стремится к рождению нового сознания и нового человека, от которого зависит будущее мира, ибо в ней тот путь к целостности, то восхождение от бессознательности через самосознание к чистому бытию, которые всё больше становятся центром внимания наиболее чувствительных умов Запада, явлены тем, кто сам стал цельным, чье видение по этой причине было не конвульсивным и демиургическим, а прозрачно спокойным, кто светом, воссиявшим в нем самом и в его восточных предшественниках, сумел показать, как человек может сбросить покров тьмы, заслоняющий его дух, и восстановить свой первозданный свет.

Хью Л'Ансон Фоссет

The Aryan Path, сентябрь 1931

О великом комментарии к великому тексту

Предисловие к российскому изданию

Произведение, опубликованное в этой книге, необычно в силу нескольких причин. Его трудно отнести к определенному жанру. Перед нами одновременно и древняя цветистая сказка, и драма, и философский трактат, излагающий высокую философию Востока и комментирующий некоторые важные места из знаменитого индийского эпоса «Рамаяна».

В центре повествования события мистического сна, который снится Раване — легендарному демоническому персонажу древнеиндийского эпоса. Эзотерические учения отождествляют образ Раваны с падшим ангелом Люцифером. Равана ведет битву с Рамой, считающимся в индийской сакральной традиции Высшим Божеством, своего рода духовным солнцем вселенной.

Е. И. Рерих в своих письмах писала на эту тему следующее: «Индусские сказания увековечили падшего во многих образах, наиболее известный среди них облик царя Раваны с острова Ланки (Цейлон), противника богоподобного царя Рамы и похитителя его жены Ситы».

По мнению Е. И. Рерих, реальные события, отраженные в «Рамаяне», восходят к куда более древним эпохам, нежели период создания «Рамаяны»: «В индийских сказаниях имеются намеки на великую борьбу между “Сынами Бога” и “Сынами Темной Мудрости” — нашими праотцами; или же между Адептами арийцами и Адептами атлантами. Вся история этого периода изложена аллегорически в “Рамаяне”, которая является мистическим повествованием в эпической драме борьбы между Рамой — первым царем Божественной династии ранних арийцев — и Раваной, символическим олицетворением Расы атлантов (Ланка).

Первые были воплощениями Солнечных Богов; последние — Лунных Дэв. Это была великая Битва между Добром и Злом, между Белой и черной Магией за превосходство божественных сил над низшими земными или космическими силами».

Автор предисловия к американскому изданию, известный теософ Дж. Р. С. Мид, утверждает, что перо, создавшее текст «Сна Раваны», принадлежало человеку, блестяще знающему как древнеиндийские мифологические источники, так и возвышенную философию Веданты, включающую в себя космологию, религию и духовную психологию. Тогда, в конце XIX века, теософам не удалось раскрыть авторство этого замечательного произведения. Однако многие теософы были убеждены, что «Сон Раваны» написал один из Великих Учителей Востока — Гималайских Махатм, известный под именем Кут Хуми. В середине XX века некоторые исследователи, обобщившие сведения из теософской литературы, приводят необыкновенно интересные данные, касающиеся контактов Великих Учителей Востока с миром Запада.

Особенно много сделали для этого исследовательницы истории Теософского Общества и биографы Е. П. Блаватской Вирджиния Хансон и Мэри Нэф (Нэфф). В своей книге «Махатмы и человечество: история переписки А. П. Синнета с Учителями Гималайского Братства» В. Хансон пишет: «В связи с традицией, утверждающей европейское образование Махатмы К. Х., особенно интересны размышления Мэри К. Нэфф, изложенные ею в статье под названием “Юная мадам Блаватская знакомится со своим Учителем”, опубликованной в “Теософе” за ноябрь 1943 г. В этой статье после изложения широко известной истории о встрече Е. П. Блаватской с Махатмой М. в Лондоне в 1850 г., когда Махатма прибыл в Лондон в составе делегации от Его Высочества Раджи Непала, мисс Нэфф пишет далее о том, что имена всех участников делегации были приведены в Лондонской “Times” за 2 марта 1850 г.

В этом списке, по убеждению мисс Нэфф, есть и два имени, под которыми в Лондон прибыл сам Махатма М. и его протеже молодой К. Х. (как известно, выезжая во внешний мир, члены Ложы всегда делают это инкогнито). Ее аргументы в поддержку этого предположения не так уж важны, гораздо важнее ее предположение о том, что К. Х. прибыл в Англию для получения образования. Мисс Нэфф отмечает, что многие известные теософы всегда утверждали, что Учитель был студентом Дублинского университета и во время учебы там написал книгу “Сон Раваны”, опубликованную в четырех номерах Дублинского университетского журнала; впоследствии эта книга вышла отдельным изданием, предисловие к которому составил Дж. Р. С. Мид.

Мисс Нэфф добавляет также, что Махатма К. Х. вновь прибыл в Лондон в начале 60-х годов и, как говорят, поступил в Оксфордский университет. В одном из своих Писем он говорит о том, что посещал одну группу в Лондоне “более полдюжины раз”».

Кут Хуми, или Кут Хуми Лал Сингх, считается в теософской традиции духовным учителем, принадлежащим к линии Гималайских Махатм, или Великих Учителей, достигших наивысших ступеней в духовной эволюции человечества. Иногда это сообщество духовных учителей называют Белым Братством, которое помогает человечеству в его развитии и совершенствовании.

Теософская литература утверждает, что учитель Кут Хуми много работал с сознанием западных людей и для приближения к их менталитету обучался в ряде европейских университетов.

Помимо Дублинского университета, он еще учился в Оксфорде, а также в Дрездене, Вюрцбурге, Нюрнберге и Лейпциге, где общался с одним из известных немецких ученых, считающимся основателем психофизиологии и психофизики. Кут Хуми переписывался с европейскими учеными, и оригиналы этих писем хранятся в Британском Музее.

В своем земном существовании он связан с Кашмиром и является кашмирским брахманом. Несколько европейских и восточных его учеников оставили о нем свои воспоминания.

Ученик К. Х. Дамодар К. Маваланкар свидетельствовал: «Позже, в Джамму... мне выпала редкая удача быть посланным и получить позволение посетить священный ашрам, где я провел несколько дней в благословенном окружении, состоявшем из гималайских Махатм и их учеников, в существовании которых так сильно сомневаются. Там я встретился не только с моим любимым Гуру Кут Хуми и Учителем полковника Олкотта Морией, но и с несколькими другими Братями, в том числе с одним из Высших... То есть я не только увидел своего Гуру как живого человека, очень молодого по сравнению с некоторыми другими из этой благословенной компании, но и более того: временами они снисходили даже до бесед со мной. Так, на второй день моего пребывания мне было позволено более часа беседовать с моим Учителем. Когда он с улыбкой спросил меня, почему я так недоуменно смотрю на него, я, в свою очередь, задал ему вопрос: "Как вышло, Учитель, что некоторые члены нашего Общества полагают, что вы совсем старик, и что будто они с помощью ясновидения обнаруживали, что вам по внешнему виду далеко за шестьдесят?" В ответ он по-доброму рассмеялся...».

С какой целью Великий Учитель Востока, по уровню своего духовного развития и мудрости, неизмеримо превосходящий уровень сознания обычного человека, проходил обучение в двух европейских университетах?

На первый взгляд этот шаг Высокого Посвященного выглядит довольно странным, но тот, кто знаком с историей Теософского Общества и миссией Елены Петровны Блаватской, должен согласиться с тем, что и самые продвинутые Духовные Учителя для осуществления своих планов должны были хорошо знать среду, в которой они собирались действовать. И что удивительного в том, что Учитель Кут Хуми, цель которого на Западе состояла в том, чтобы максимально помочь Е. П. Блаватской в распространении теософских идей в Европе и Америке, принял решение глубоко изучить западный мир, культуру, обычаи и человеческую психологию и для этого прошел обучение в двух, может быть, наиболее привилегированных учебных заведениях Старого Света?

Вспомним, в каких восторженных тонах в автобиографическом романе «Портрет художника в юности» уже в XX веке писал о своем альма-матер — Дублинском университете — Джеймс Джойс, создатель знаменитого «Улисса». Что говорить об Оксфордском университете, до сих пор являющемся эталоном западного образования. Во всяком случае, сам факт обучения восточного духовного Учителя в цитадели западного рационализма лишний раз подчеркивает, насколько правы были Махатмы и в своих письмах, датированных восьмидесятыми годами XIX столетия, и в книгах Живой Этики, утверждавшие, что в отличие от многих людей Запада, высокомерно отвергавших философию Востока, они, восточники, хорошо знакомы с лучшими достижениями западного гения.

Наверное, текст «Сна Раваны» был написан и опубликован с целью открыть для духовных искателей Запада огромный континент индийской духовности — древнюю мифологию «Рамаяны», каждое слово и образ которой пронизаны глубоким смыслом и неразгаданной символикой.

Если в отношении другой жемчужины индийской мысли — священной книги «Бхагавадгита» — подобная работа по разгадке ее многозначного текста, образов и аллегории благодаря стараниям ряда европейских ученых, таких как, например, Макс Мюллер, была успешно проделана (чего стоит одна расшифровка смысла великой битвы между племенами пандавов и кауравов, олицетворяющей извечное противоборство между силами света и тьмы), то в случае с «Рамаяной» — это произведение, исполненное глубокой мудрости, было практически неизвестно для западных читателей. Следует подчеркнуть, что публикация «Сна Раваны» состоялась за 30 лет до появления «Тайной Доктрины» Блаватской, произведения, благодаря которому для западного сознания был открыт сокровенный Восток. Можно предположить, что «Сон Раваны» был первым звеном грандиозного плана Великих Учителей, призванного соединить лучшие искания Запада с восточной мудростью.

Автор счел необходимым опубликовать перевод на английский язык некоторых глав поэмы и дать блестящий эзотерический комментарий к эпизодам текста, заключающим в себе целую мистерию преображения человеческого духа.

Стилистика повествования и сам язык комментария по своему художественному богатству удивительно перекликается со слогом, которым были написаны знаменитые письма Великих Учителей, позднее опубликованные под названием «Письма Махатм Синнету». Но хотя этот комментарий к восточному эпосу, некоторые имена, детали и оттенки мысли свидетельствуют, что автор одинаково хорошо знает и сокровенные миры Востока, и эзотерические тексты Запада. Об этом говорят присутствующие в тексте кельтские мотивы, имена христианских святых, западных мистиков, а также — самое парадоксальное — европейские имена ряда персонажей, которые приводит в своем рассказе о сне индус (!)

Равана — Зингарель, Флорибель. Здесь приводятся ссылки на книгу Иова и учение розенкрейцеров, встречаются суфийские понятия и образы, фамилии известных западных философов.

События столь разных эпох связывает образ того Великого Женского Начала, к которому Равана-Люцифер всегда стремился прикоснуться. Она воплощалась Ситой, о которой говорится в Рамаяне, Матерью друидов Вайдетрундой, Исидой египетского предания и многими другими великими историческими персонажами. И почти всегда Её стремился поглотить падший ангел, принимавший соответствующие исторические облики и стремившийся разлучить Её с Её Духовной Половиной, с Её Вечным Мужем, воплощавшимся в это же время Рамой, Кришной, Осирисом, Главным жрецом друидов и др. Об этом говорил Махатма М. в беседах с Е. И. Рерих.

Очевидно, что изложение событий Рамаяны сделано в достаточно вольном, свободном стиле, что опять-таки присуще манере письма Великих Учителей, не привязанных к какой-то одной религиозно-духовной традиции. Конечно, кому-то все сказанное может показаться недостаточным, чтобы сделать однозначный вывод о том, что «Сон Раваны» написан Махатмой Кут Хуми, однако многое позволяет считать это утверждение чем-то большим, чем просто гипотеза. Во всяком случае, текст «Сна Раваны», в отличие от множества современных псевдоэзотерических подделок, без зазрения совести присваивающих себе высокие имена Великих Учителей, несет на себе отпечаток той глубины духа и подлинности знаний, которые невозможно симитировать.

Но, в конце концов, кем бы ни был автор «Сна Раваны», как совершенно справедливо утверждает Мид, «это был и ученый, и мистик».

Невозможно пересказать все, о чем рассказывает это небольшое, но удивительно емкое творение высокого ума. Яркий, хотя довольно и запутанный сюжет, изложенный в главе «Рамаяны», описывает приключения, происшедшие с Раваной, который похитил у Рамы его божественную супругу Ситу и через некоторое время после этого увидел в высшей степени необычный, страшный и нехарактерный для себя сон.

Во время этого сна он посещает различные миры, созерцает необычные картины, видит пустыню смерти, величественные миражи, любимую женщину с печальными чертами. Все это приводит Равану в состояние трепета и ужаса, после чего он обращается ко всем своим советникам, посвященным и мудрецам за помощью в истолковании увиденного.

Повествование произведения представляет собой чередование обращений Раваны, ответных слов хора, состоящего из риши — мудрецов и пандитов, и, наконец, комментариев автора, в которых высокая философия Веданты и описание разновидностей йогических сиддх (сверхспособностей человека) соседствует с отрывками, излагающими механизм достижения просветленного состояния и содержащими вполне научное объяснение природы гипноза. Сам по себе прием, вводящий в повествование хор, который ведет напряженный диалог с главным героем повествования, превращает произведение в особый жанр философско-эзотерической драмы, граничащей с мистерией.

Следует отметить глубокий символизм ряда сюжетных линий — так похищение жены Рамы Ситы, наряду с историческим прототипом этой истории, символизирует похищение человеческой души темными силами. Сам мотив подобного похищения присутствует во многих произведениях Востока и Запада, относящихся к древним духовным традициям.

Как уже говорилось, Равана — это индуистское подобие католического Люцифера, причем данное сравнение только подчеркивает мысль, что подобное отнюдь не значит тождественное. Равана в «Рамаяне» не столько Князь Тьмы и воплощение абсолютного зла, сколько ракшас, демон, существо, в котором темная титаническая природа преобладает над человеческой.

Вместе с тем ему присущи и какие-то человеческие качества и эмоции, одним из ярких проявлений которых в данном произведении является привязанность к Великому Женскому Началу, порой доходящая до состояния интенсивной тоски. Об этом свидетельствуют некоторые монологи Раваны, в поэтических интонациях описывающие его видения своей мистической подруги, которую он называл то Флорибель, то Кристаллина.

Е. И. Рерих, переведя на русский язык наиболее значимую часть писем Великих Учителей и назвав эту книгу «Чаша Востока», со ссылкой на эзотерические источники утверждала, что падение Люцифера началось уже с первых времен Атлантиды. Потому Равана, как «символическое олицетворение Расы Атлантов», в момент, аллегорически изображенный в «Рамаяне», видимо, еще не достиг той глубины падения, о которой повествуют «Криптограммы Востока». Далее мы приводим полностью отрывок из «Криптограмм Востока», что позволяет понять, как видят природу Люцифера на современном этапе Великие Учителя.

КНЯЗЬ МИРА СЕГО

Люцифер

В чем было восстание Люцифера? Он захотел остаться в пределах планеты, и легенда о Князе Мира сего довольно правильна.

Около себя он начал собирать духов, довольствующихся земляной аурой. Чтоб удержать приверженцев, он начал развертывать перед ними возможности земли, подражая иногда довольно искусно противоположениям другой стороны.

Можно говорить о чудесах Антихриста. «Зачем нам сознание о будущем, когда могу показать вам силы земли!»

Но между его последователями никто не скажет, покидая землю: «Восхожу, Господи». Но содрогнется, отрываясь от земного сверкания.

Правда, Люцифер был прекрасен и дал людям по-своему познание земного сияния. Но без него не было бы определенной границы между землей и другими сферами. Без него различие жизни на земле и в других сферах должно было постепенно стираться, давая воплощенным духам подвижность материи.

Но древний Князь Мира, наоборот, приковывает материю к коре занимаемой им планеты. Как планетарный дух, он знал недра земли, но его заблуждение лежит в нежелании сотрудничества с другими планетами. Именно оно дало миру Христа.

В то время, когда Люцифер превозносит свет земли, Христос указывает на красоту всего Мироздания.

Мы говорим: «Пусть горит свет Люцифера, но за ним не скроется величие других огней». Мы не боимся произнести его имя. Мы знаем его существование.

Мы говорим: «Путь твой не может завершить земли судьбу, ибо только общением с другими мирами жизнь твоей тверди обновится. Износятся твои скалы и где утвердишь престол свой? И жизнь вечная и обмен вечный дает нам вечный дом.

Христос ничем не отличался от слуг твоих, но показал преимущество движения за пределы земли. Христос говорил: «Могу переночевать на прекрасной земле, чтоб продолжить путь. Но, Хозяин земли, удержи слуг, чтоб не препятствовали Мне

при восходе продолжить путь».

Итак, один восхитился материей, другой же идет к мирам возможностей Света.

Люцифер, настанет время, когда обновить лампу твою!

Люцифер, могущий быть Представителем Единства, предпочел оградиться от соседей. Борьба отчаяния изменила Носителя Света, и рубиновая аура наполнилась алым заревом. Последователи его поистине начали прибегать к постыдным средствам.

Бедный Носитель Света, в кончине Христа ты допустил непоправимую ошибку. Кедр Ливанский, поднявший тело Христа, лишь сократит путь к Высшему Миру. И придется тебе отойти на Сатурн, потому уже давно тебя называют Сатаной. Но и там Садовник материи найдет поля и может трудиться, как на земле. И прими последний совет — пересмотри ряды слуг твоих.

По лестнице жизни ты хотел опередить Учителя. Вот тебе дано остережение. Вот стоит свидетельница твоей участи. И звезда Матери Мира встала знаменем безумия твоего, когда ты решил унижить носительницу Духа.

Видишь, вернется жена на место сужденное!

Очевидно, что Люцифер, к настоящему моменту планетарной эволюции и человеческой истории достигший предельной степени падения, что выразилось в том числе и в унижении Женского Начала, в отличие от Раваны, не способен ни на глубину чувств к недоступной для него прекрасной женщине, ни на экзистенциальную тоску по несбывшимся возможностям по-другому распорядиться своей судьбой. Он может быть только богоборцем. Драма Люцифера, олицетворяющего собой низший принцип человеческой души, восставший против принципа высшего, по-разному отражается в сознании людей. Кто-то вместе с Падшим Ангелом сам пал давно и бесповоротно, а кто-то продолжает сопротивление внутренней тьме. Равана — демон, который находится еще в начале своего падения. Он, как уже было сказано, олицетворяет низший принцип человеческой души и состояние человечества на данном этапе его развития, где высокое переплетено с низшим и низшее, невежественное, увы, преобладает.

Как совершенно справедливо сказано в предисловии к американскому изданию книги, «Сон Раваны» представляет собой «изложение известного конфликта между божественной царственностью и ее перевернутой тенью — демонической тиранией желания».

Как уже говорилось, сюжет данного произведения и все комментарии вращаются вокруг души демона, который совершенно неожиданно для себя увидел необычный сон.

В мировой литературе было немало произведений, представлявших собой высокие пророческие сны их авторов, граничащие с визионерством. «Потерянный рай» Мильтона, «Божественную комедию» Данте, «Розу мира» Даниила Андреева можно сравнивать с особыми неземными снами, в каком-то смысле более реальными, нежели материальный мир в его наиболее грубых формах.

Нередко визионерские сновидения мистиков представляют собой прорыв сознания в грядущее сквозь плотную завесу земного измерения. Потому такие сны бывают эсхатологическими. Конечно, характер сна зависит от того, кто видит этот сон, но далеко не всегда в истории мировой духовной культуры значимые сны видели лишь святые люди и высокоразвитые существа. В конце концов, ни легендарный библейский Валтасар, ни вполне исторический персонаж Юлиан Отступник, не были святыми людьми, хотя каждый из них, как свидетельствует предание, видел яркий вещий сон, содержание которого сохранила история.

Эсхатологический сон, увиденный Раваной и прокомментированный автором этого произведения — это сон Падшего Ангела, но он не перестает от этого быть менее реальным. Мудрецы, толкующие этот сон в духе Веданты, подчеркивают, что сопровождающие его видения Раваны «предвещают и представляют реальные события, хранимые во чреве далекого будущего, далеко за пределами внешней жизни». Они объясняют, что видения и миражи, приснившиеся Раване, в аллегорической форме рассказывают о строении вселенной, разных уровнях и мирах, через которые проходит человеческий дух в своем бесконечном странствии и, наконец, о Божественной Основе, пронизывающей каждую точку мироздания. Интересно, что мудрецы, хорошо осознающие, кто перед ними и понимающие, сколь сильна демоническая природа ракшаса, с оптимизмом смотрят на перспективу духовной эволюции Раваны и отнюдь не ставят на нем крест.

В этом смысле их позиция близка представлениям эзотерического христианства, которое утверждало, что первоначально известная каждому верующему формула: «изыди, Сатана!» звучала несколько по-иному: «Иди за мной, Сатана!», что давало шанс искупления грехов и возвращения на истинный путь даже для Князя Мира сего. Мудрецы призывают Равану найти единственно правильный выход из запутанного лабиринта миражей, снов и заблуждений — пробудиться к осознанию Истинной Реальности. Представляется, что этот призыв обращен ко всем человеческим существам, поскольку в каждом из нас живет Внутренняя Тень — частица Раваны, порождающая иллюзорное восприятие мира как сугубо материальной сферы и арены для удовольствий и суеты. Лишь пробудившийся от сна и осознавший Истинной Бытие побеждает Тень и вместе с ней Яму, как называли в Индии смерть, ядовитое дыхание которой отравляет жизнь человеку, и обретает бессмертие. Обо всем этом очень ярко, выразительно и глубоко рассказывает небольшое произведение, написанное великим пером.

Думается, что любой человек, интересующийся эзотеризмом, духовной культурой Востока, проблемами поисков, исканий смысла жизни и бессмертия с наслаждением и большой пользой для себя прочтет это небольшое, но очень насыщенное и глубокое произведение.

Сергей Ключников

I

ТАЙНА

Какие удивительные листки хранятся в пещерах Восточной Сивиллы — или роятся в уме! Они исписаны странными иероглифами и не лишены глубокого смысла, не чуждого пророческому высказыванию *Teste David cum Sibylla* (Испытай Давида Сивиллой). Они отрывочны, разрознены, непоследовательны, тем не менее, при должном усердии они временами образуют случайную мозаику, привлекающую внимание подобно узору на поверхности агата. Такой ворох сивиллиных листков представляет собой «Сон Раваны», некоторые из потрепанных и порванных фрагментов которого мы предлагаем сложить вместе и истолковать.

В эпосе «Рамаяна», который, благодаря своей древности и величавой простоте, стоит в одном ряду с «Илиадой», а превосходной мелодичностью стихов и, в не меньшей степени, возвышенной этикой может на законном основании бросить вызов любой из существующих поэм, Вальмики рассказал нам об основных эпизодах истории Рамы и его врага — титана Раваны³. Вряд ли стоит уведомлять читателя о том, что, подобно Илиаде, Рамаяна представляет собой повествование об осаде города из-за незаконно похищенной жены.

Рама, сын Дашаратхи, царя Айодхьи изгнанный отцом на четырнадцать лет ради удовлетворения амбиций Кайкейи, одной из его младших жен, возжелавшей обеспечить престол своему сыну Бхарате (восхитительный пример проявлений полигамии), отправляется со своей несравненной женой Ситой, являющей один из прекраснейших женских поэтических образов, и братом Лакшманой, неукротимым лучником, в настоящее время известным как Лаксуман,⁵ странствовать по диким местам тогда малонаселенной Индии, исследуя и восхищаясь встречающимися на пути величественными лесами, реками и горами, навещая святых мудрецов и отшельников, живущих в отдалении среди девственной природы, неведомой взору масс, и бесчисленно убивая демонов, гоблинов и великанов.

Сита, хоть и являлась героиней и центральной женской фигурой, вокруг которой разворачивался весь сюжет поэмы, а также непосредственной причиной войны между Рамой, религиозным и брахманическим принцем Айодхьи, ныне Оуде, и титаном Раваной, идолопоклонником и антибрахмански настроенным туземным правителем Ланки, или Цейлона, была, тем не менее, вторичной и случайной причиной событий. Первичной причиной войны, или *teterrima causa belli*, явилась сестра Раваны, ракшаси⁵, или великанша-людоедка, чьи ногти имели размер и форму индийской корзины, за что ее прозвали Шурпанакха.

Эта дама выбрала для своего содержания лес, который назывался Джанастанха, занимавший огромное пространство на юге Индии, и жила там в довольстве со своим братом в окружении многочисленных слуг-ракшасов, используя в качестве пищи муниб, или мудрых отшельников, множество коих удалялись в укромные места этого леса, как впоследствии [Эдип] в Фивы, для того чтобы в его тиши проводить со своими учениками жизнь в святом созерцании ради достижения совершенства, невозможного в суматохе мирских соблазнов.

Учитывая, что эти отшельники вели жизнь самоотречения и умерщвления плоти: некоторые стояли на голове или на одной ноге, другие — вытянув руки над головой; некоторые висели на дереве вверх ногами, и притом десятилетиями, столетиями и тысячелетиями, а также, что самые склонные к роскоши среди них питались листьями и кореньями, в то время как многие были «вата-бхакша», или «поедателями воздуха», — боюсь, что даже в самый удачный день охоты на святых отшельников Шурпанакхе и ее титанам-придворным приходилось всё же довольствоваться весьма скудной пищей. Тем не менее, великанша была вполне счастлива, не ведая мук любви.

И всё же однажды, в роковой день, рыща по лесу в надежде изловить бродячего отшельника, она увидела след мужчины, который был столь изысканно прекрасен, что она тотчас влюбилась в его обладателя; преследуя его в чащобе с помощью острого чутья лесного следопыта, она, в конце концов, наткнулась на того, кто оставил след — молодого прекрасного Раму. Последовавшие за этим события мы передадим в кратком изложении Адхьятмы Рамаяны (Арьяна канда, сарга V).

Следует сказать, что Рагхава, что значит «сын или потомок Рагху»⁷ — отчество Рамы; Саумитри, или «Сын Сумитры», — отчество Лакшманы. Ракшасы — титаны, или великаны, индийской мифологии, враги и вурдалаки индийских кладбищ, людоеды-великаны и гоблины индийских детских спален.

НЕСЧАСТНАЯ ЛЮБОВЬ ВЕЛИКАНШИ-РАКШАСИ ШУРПАНАКХИ И ТРАГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЕЕ МЕСТИ

Тогда же в великом лесу некая ракшаси, по желанию менявшая форму,
Чудовищной силы, бродила, живя в Джанастанхана;
Однажды на берегу Гаутами⁸, вблизи Пяти Баньяна Дерев,
След Владыки Вселенной, отмеченный лепестками лотоса,
Узрела, воспламенившись страстью, очарованная прекрасными ступнями,
Следом пошла, пришла, наконец, к Рамы жилищу.

Там владыку успеха, с Ситой живущего,
Видя прекрасным Кандарпой, любовью опьяненная,
Молвила ракшаси Рагхаве:

«Кто ты и чей? В обители этой чего
Добиваешься, с волосами в пучке и в мочало одетый? Ответь мне.
Я — ракшаси, по желанью меняю все формы,
Шурпанакха мне имя;
Я — сестра царя ракшасов,
Раваны великодушного.
Здесь в лесу я живу вместе с Кхарою, братом.
Мне царем всё подарено.
Я живу, мудрецов поедая.
Кто ты, желаю я знать, Расскажи, красноречивый вития».

Ей он ответил: «Я — Рама, сын царя Айодхьи⁹;
Эта прекрасная женщина — Сита, жена она мне, дочь [царя] Джанаки;
Тот прекраснейший юноша — младший мой брат Лакшмана.
Что я должен исполнить?
Скажи мне, краса мироздания!»

Слыша Рамы слова, отвечала, терзаясь любовью:

«О Рама, идем со мной в лес; приди и охоться в горах и рощах.

Я больна от любви; не могу я оставить тебя, лотосоглазый».

Рама, искоса глядя на Ситу, сказал улыбаясь:

«Это жена моя, счастлива со мною, с кем никогда не расстанусь.

Как, не сделав ей больно, можешь стать ты моей, о прекрасная?

Там брат мой стоит Лакшмана, юноша красоты совершенной;

Он может стать тебе мужем.

Иди, странствуй с ним».

После этих речей говорит она Лакшмане:

«Будь мне мужем, о дивный.

Покорясь воле брата, соединимся сегодня; не медли».

Так говорила ужасная ракшаси, одержима желаньем.

Ответил ей Лакшмана:

«Добрая дама, я премудрого раб. Ты станешь рабыней его.

О, что печальнее этого!

Иди же к нему, и удачи тебе; царь он — владыка всего.

Когда к ней так обратились,

Злодейка вернулась к Рагхаве:

«Почему ты, неверный, дурачишь меня? — в гневе вскричала. —

Сейчас, на глазах у тебя, я пожру твою Ситу».

Так сказав и приняв ужасную форму, она бросилась на дочь Джанаки.

Тогда, обнажив меч по приказу Рамы и схватив её,

Проворный Лакшмана отсек ей уши и нос.

Со страшным воем, залитая кровью, в спешке,

С пронзительным визгом к Кхаре бежала она.
«Что это значит?» — воскликнул Кхара еще страшнее.
«Кто тебя так изувечил, ввергнув в пасть смерти?
Скажи мне; его я мгновенно убью, хоть похож он на Рок».

Так ракшаси молвила:

«В компании Ситы и Лакшманы, Рама
Живет на берегах Годавари, освобождая лес Дандаку от страха.
По приказу Рамы его брат меня изувечил.
И если ты сын благородной расы и герой, убей врагов моих,
Чтоб я крови испила и пожрала бы ту наглую пару,
Иначе я, жизнь утратив, оправлюсь во владения Ямы¹⁰.

Слыша это, Кхара стремглав помчался, вне себя от гнева;
Четырнадцать тысяч ужасных ракшасов
Послал он против Рамы, желая погубить его.
Сам Кхара, и Триширас, и Душана¹¹ —
Все ракшасы
Пошли на Раму, вооружась разнообразно.

Заслышав шум, Рама молвил сыну Сумитры:
«Послушай сей рев!
То, несомненно, близятся ракшасы.
Воистину меж нами сегодня бой будет страшный.
Ситу в пещеру веди и стой там, могучий.
Всех ракшасов жажду ужасных я перебить.
Не возражай же ты мне — тебя заклинаю».

Лакшмана покорно Ситу в пещеру отвел.
Подпоясавшись и взяв свой лук беспощадный

И два неиссякаемых стрел колчана, встал наготове владыка.
Все ракшасы на Раму набросились
И пустили в ход
Орудия свои, и камни, и деревья.
Мгновенно их Рама рассек, играя, как сезама зерно;
И тысячею стрел губя тех ракшасов,
А также Кхару, Тришираса и Душану —
Всех перебил в течение половины стражи сын Рагху знаменитый.
А Лакшмана, Раме из пещеры Ситу приведши
И ракшасов видя убитых, был изумленья исполнен.
Сита обнимала Раму, излучая радость;
Дочь Джанаки раны потеряла¹², нанесенные членам оружием.
Но та прочь убежала, увидев убитых начальников ракшасов.
На Ланку спешила —
Визжа на совет, устремилась и к Раваны пала стопам,
Она, титана сестра, на земле распростерлась.

Увидев сестру, пораженную ужасом,
Равана к ней обратился:
«Встань, дорогая, бедная, встань!
Увечье твое,
Даже если от Индры — о благодатный! — или от Ямы, Варуны,
Иль от Куверы, поведай.
Его я немедленно огнем в прах превращу».

Ответила ракшаси:
«Излишне ты дерзок и разумом вял;
Выпивке предан, женам покорен, себя дуракомставляешь:
Без соглядатаев, этих монарха очей, как можешь ты царствовать?
Внемли! Кхара пал в битве, с ним Триширас и Душана,

И четырнадцать ракшасов тысяч, духом могучих,
В мгновение ока Рамой убиты, асуров¹³ врагом.
Весь лес Джанастанга теперь он сделал свободным для мунис;
А ты, о глупец, и не знаешь; тебе это я сообщила!»

Равана

«Кто этот Рама?
Как и за что асуров он погубил?
Поведай мне точно.
Я всех до конца истреблю».

Шурпанакха

«Однажды я вышла на берег Гаутами из леса, что Джанастанга зовется,
К убежищу древнему мунис, что известно как Пять Баньяна Дерев¹⁴.
В обители там я узрела лотосоглазого Раму,
Великолепного, с луком и стрелами; волосы собраны кверху; в лыко он был одет.
И так же, как он, оснащен Лакшмана, младший брат;
Большеглазая Сита, жена Рамы прекрасная, как вторая богиня Шри.
Меж богов, гандхарвов¹⁵ и нагов, среди человеков, такую
Не видел никто и не слышал, о царь; красота ее лес озаряла!
Когда я пыталась ее увести тебе в жены, о совершенный,
Ее брат Лакшмана нос мне отсек
И два уха — этот могучий, которым командовал Рама.
Рыдая от боли и мук, Кхару я разыскала.
Сопровождаемый множеством ракшасов, напал он на Раму,
И в тот же момент силой украшенный Рама
Ракшасов всех перебил — так страшен он мощью.
Коль он захотел бы, три мира в половину мгновения ока,

Несомненно, в пепел бы он обратил; так, мой владыка, сдается мне.

Ах! Будь Сита твоею женой, ты был бы рожден не напрасно!

Теперь постарайся, о царь, чтоб она твоею возлюбленной стала.

Лотосоокая Сита единая в мире прекрасна.

Ты же в присутствии Рамы, Владыки, не сможешь открыто стоять;

Ее обретешь ты, коль околдуешь великолепного Рагху потомка».

Такое услышав, утешением, дарами и выраженьем почтения

Сестру ублажив, монарх удалился в покои.

«Как Рама, из смертных, смог уничтожить моего могучего Кхару!

Как брат мой, отважный, могучий и гордый, убит был Рагху потомком!

Должно быть, тот Рама не смертный, а сам высочайший Владыка,

Возжелавший своей многочисленной силой меня вместе с войском убить!

Коль суждено мне погибнуть от Высочайшего Духа, то завоюю я царство Вайкунтха¹⁶.

Если же нет, то долго буду я править царством титанов;

Итак, я иду против Рамы».

Так мыслил владыка всех ракшасов,

Узнав в Раме Хари, Владыку Всевышнего.

«Враждою я к Хари иду; нескоро преданность покоряет Всевышнего!»

Итак, жребий брошен и принято роковое решение, причины которого должны казаться странными европейскому уму, а именно, что враждебная борьба с Вишну, воплощенным в личности Рамы, и смерть от его руки, отнюдь не будучи наказанием для души, была её победой — по существу, союзом с Божеством, более быстрым царственным путем к его достижению, нежели медленный и изнурительный путь преданности. Так всё последующее насилие и все преступления Раваны обретают религиозную окраску. Всё поведение Раваны, раба земных страстей в глазах человека, было, в сущности, мотивировано решимостью навлечь на себя катастрофу, ведущую к райскому блаженству, и ускорить столкновение, которое должно было воссоединить его с высшей мировой душой; сколь ни поразительна такая интерпретация, она естественно вытекает из пантеистической картины мира.

Вскоре после этого Равана похищает Ситу, супругу Рамы, вызвав грандиозное возмущение со стороны собственной королевы, добродетельной великанши по имени Мандодари, которая, видимо, была весьма полной дамой, так как ее имя, если только не передавать его с помощью уникального термина, который Св. Павел использовал в отношении жителей Крита, должно переводиться напыщенным словом «тяжелобрюхая». Во всяком случае, это имя ничем не хуже того, которым наши белокурые ольстерские друзья награждают своих более смуглых сестер и которое на Юге используют по отношению ко всем без разбора уроженцам графства Форт.

Поддерживаемый армией говорящих обезьян — расы, которая, по нашему мнению, еще не вымерла ни в Индии, ни в других уголках мира, — предводительствуемой Хануманом, искусным прыгуном и мастером строевого шага, которого до сих пор почитают в Индии и которому посвящен храм в Бомбее, Рама преследует его в южном направлении, наводит мосты через Манарский пролив, осаждает его столицу Ланку, — возможно, современный город Канди. Затем от лука Лакшманы гибнет героический сын Раваны и Мандодари Индраджит; гибнут несколько ведущих военачальников армии титанов; Рама занимает и сжигает Ланку, убивает десятиглавого титана и спасает Ситу, которую Равана так и не смог склонить к любви ни лестью, ни угрозами.

Сон Раваны — то же для Рамаяны, что гомеровская битва лягушек и мышей для Илиады, так как, несмотря на обилие в них печального и серьезного, оба эти тяжелых эпизода связывает друг с другом их легкий и иногда нелепый характер. В этом смысле «Сон» свободен, как Дон Жуан, и по его прочтении можно задаться вопросом, следует ли воспринимать всю поэму как несущую глубокую и серьезную мораль или же как *jeu d'esprit* (игру ума).

Можно не без основания сомневаться в авторстве Вальмики. И действительно, мы не слишком колеблемся, вынося приговор против этой идеи, поскольку, как мы увидим, хоть «Сон» и содержит некоторые описания, напоминающие отрывки из Рамаяны, и хотя такие эпитеты как «десятиглавый», «несравненный лучник» и «поразительный мастер шага» очень близко соответствуют тем, что Вальмики использует в отношении соответственно Раваны, Лакшманы и Ханумана, таких совпадений следует ожидать от подражателя. Более того, есть явные анахронизмы, вопиющие против авторства Вальмики, а пророчества о будущем Индии, сделанные Раване риши¹⁷, по меньшей мере, вызывают серьезные подозрения.

Поэма начинается внезапно — после возвращения Раваны с тяжелой битвы против Рамы и Лакшманы. Он удаляется ко сну в сопровождении своей королевы-великанши Мандодари; он видит страшный сон; пробудившись в тревоге, подобно Валтасару¹⁸, сзывает всех своих мудрецов и советников, особенно всё племя йогов, мун и риши — аскетов, святых и священных мудрецов, которые, странно сказать, пользуются неизменным вниманием и явным почтением при дворе титана, — чтобы они истолковали смысл этого

сна. Первая песнь поэмы называется «Сабха парва» («Песнь о Собрании»), поскольку посвящена ему; в ней излагаются события, следующие непосредственно за гибелью Индраджита. Основное действие первой части (канда) этой песни (парва) заключается в чередовании рассказа Раваны и возгласий, преимущественно ведантического и всегда пророческого характера, хором риши, или собравшихся мудрецов, что придает всей поэме драматическое звучание.

В последующих разделах появляется третий собеседник, юный Провидец, в котором риши наложением на голову рук (месмерически?) пробуждают джняна дришти, или «гностическое видение», то есть, очевидно, ясновидение. Озаренный таким образом, он по просьбе Раваны рисует как происходящие в настоящем сцены далекого будущего, в которых будет участвовать Равана.

ПЕСНЬ О СОБРАНИИ

Часть I

Теперь процитируем начало и изрядную порцию первой части «Песни о Собрании».

Вы слышите грохот и гром, ржание, рокот галопа?
То Равана, десятиглавый титан, на Ланку спешит с поля боя
С Рамой, принцем Айодхьи, с несравненным лучником Лакшманой
И с Хануманом, главой обезьян, удивительным мастером бега.
С колесницы из полированной стали царь титанов спустился
И сразу вошел в свою спальню высоко над Ланкой.
Доспехи там сняв и десятерную корону повесив,
Дюжину ведер вина пропустив, десятиглавый возлег.
Призвав супругу свою, великодушную Мандодари,
Велел ей сесть рядом на шкуре медвежьей
И умастить усталые члены его, пока он отходит ко сну
После битвы, однообразной и скучной.
Скоро титан захрапел десятью своими носами
Так громко,
Как будто согласно сто львов зарычали.
Но не был тот отдыхом сон, беспокойный и буйный:
Всё тело его содрогалось, и часто вскакивал он;
Вздымались его двадцать рук и кости гремели,
И десять голов содрогались ужасно, когда он стонал приглушенно;
Все лица его были смертельно бледны;
Наконец, он вздрогнул и с чудовищным воплем проснулся!

«Господин, что печалит тебя?» —

Мандодари спросила в тревоге;

«Что за кошмар прервал твой целительный сон?»

«Созовите совет!» — громко Равана вскрикнул. —

Всех риши, святых мудрецов,

И астрологов, толкователей снов, что читают судеб страницы;

Я видел престраннейший сон, что, боюсь, нам беду предвещает —

Спешите ж за риши, созовите советников — что медлите вы?»

Вмиг барабан застучал, литавры забили,

И прежде, чем десять минут пробежали, вся Ланка была на ногах;

Глаза, протирая, зевая, советников рать явилась во дворец, стигбаясь под грузом веков —

Седобороды, всклокочены волосы;

Военачальники и командиры, герои затем появились,

И огнеглотатели, что командуют ратью акали, молодых саламандр,

Брамины и панта-прадханы, святые подвижники риши,

Астрологи, снов толкователи, чтецы книги судеб, —

Все уважительно молча стояли, руки сложив,

Размышляя, что за причина поспешного сбора, ожидая монарха команд.

Торжественно глядя на них,

Равана молчанье нарушил,

Поклон уваженья отвесив Учителю, молвил:

«Слушайте, седые мудрецы, истощенные риши,

И йоги, чьи волосы спутаны и подняты руки,

Почтенные воины, и славные герои-акали,

И тонкорукие мирские мудрецы прекрасного сложенья,

Кого из постелей я поднял в прохладу ночную.

Видел я сон, что разум смутил мой,

Ибо услышал я крик Мандодари

И плач, что, похоже, зло предвещает;

Повелеваю я вам, о святые, истолкуйте значение сна».

Сон Раваны

Мне снилось, я шел по странной стране, из которой ушла вся жизнь,
Где всё было камнем, пустынно, мертво;
В бескрайних пустынях встречались одни мертвые города.
На улицах их, безмолвных, печальных, не было ни души,
И в храмах огромных, просторных, жрецы не зажгли огня;
И воин, и конь, и царь, и невеста царя,
Жрец, бог и казнимый, — всё камень один.
И дева, и кот ее рядом без жизни лежали.
Из камня глядели гигантские формы жизни ушедшей
Красотой печальной и вечной, временам не подвластной;
При солнца восходе жалобный стон издавали.

Хор риши

О Равана десятиглавый, берегись! —
Пусть во сне, но ты дерзнул войти
В ту землю тайную скорбящих;
На крыльях ветра попасть туда ты можешь,
Но горе Мандодари! О горе!
Сможешь ли вернуться безопасно? О нет!

Равана

По той стране, безмолвной и печальной, бродил я не один —
Со мной была красавица, что я любил и называл своею;
И хоть казалось мне, что вечно ее знаю
То не была царица Мандодари, смутная, большой души:
Мне она казалась той, которая в одном из прежних воплощений,
Сто тысяч лет назад, была подругой мне земной.

Хор риши

О Равана, Равана, это ошибка!

Внемли же возвышенной истине:

Для духа нет времени,

Раньше и позже, пространства и места,

Что было и будет, что здесь или там;

В своем первозданном единстве,

В чистоте, могуществе, славе, в себе

Отражает он все конечные судьбы,

Ими в единстве владея, взирая на всё,

Что случилось или случится когда-то

В его эволюции в пространстве и времени;

События и связи, люди и вещи,

Деяния, мысли, слова,

Что было и будет в конечном движении

Здесь и Сейчас, а не где и когда, —

Таков беспредельный круг

Всеобщности духа,

Такова духа вечная жизнь,

Без перемен состоянья,

Двоичности, страсти, борьбы:

Состоянье свободной, дважды благословенной

Высшей активности в совершенном покое —

Триединая САТ-ЧИТ-АНАНДА,

Единство в вечном блаженстве!

В вечном Сейчас этой возвышенной сферы,

Присно сущей, в том бесконечном

Всеобъемлющем Здесь,

Что без края вращается, центры имея повсюду,

В том всё включающем Целом,
Где личность с безличностью слита,
Которое мы одинаково Я и Оно называем,
Все сцены, события, пространство и время,
Все люди и жесты, речи, звуки и лица,
Что встретиться могут в наше конечное время,
Представлены духа чувствам и взору.
Поэтому люди нередко,
Узрев незнакомое место,
Куда никогда их нога не вступала,
Или голос услышав, повстречав незнакомца,
Смутно чуют издревле знакомое нечто;
Как будто он вновь проживает сцены,
Что прожил или видел во сне,
И удивляется: где же и как это случиться могло?
Это может привидеться духу высокому,
Не в прошлом, а вовсе вне времени,
Когда погружен он в себя,
Удаленный от мира страстей и наживы,
И сосредоточен глубоко
На сне просветленном, таинственном;
Тело его цепенеет, но видит дух
Свой первозданный экстаз,
Свою беспредельность он созерцает,
Отраженную в судьбах во времени,
Что ожидают его в странствиях в виде души;
Ибо тогда совокупность
Прошлых судеб иль будущих —
Открытая книга ему.

Вот что, о десятиглавый, случилось с тобой;
Не в прежнем рожденье столетья назад,
Как тебе мнилось, был ты спутником ей на земле,
А через многие тысячи лет;
На лбу твоём и на пальце большом
Начертано, кем ты в будущем станешь.
Прежде времени, вне него и наряду с ним
Вечно помнишь ее,
Ибо от века духу невеста она твоему,
Дополненье в единстве твоём,
Отъятая и обретенная вновь,
Между ней и тобою — вечная связь,
Что тебе еще обрести предстоит;
Никогда эту связь ты не сможешь порвать,
От нее никуда тебе не уйти,
Поскольку вечно нераздельны
Тип и анти-тип.
Она — часть твоего существа
На вечные веки.

Равана

Бледны были щеки ее, свободно повязаны льняные власа,
И личико детское, простое и чистое,
Хоть было прекрасно, смотрелось печально и грустно,
И двух не хватало жемчужин в ее полукруглых бровях;
Нити кораллов и морские цветы ее украшали прическу,
А на плечи ее ниспадал ярко-красный платок;
О гальку поранила нежные ноги свои
И села омыть их среди аравийских акаций.

Ветру внимала она, что вздыхал в тростнике и в кустах,
Погребальный напев и тихую песенку пела.

Песнь таинственного странника

Виденье мне было, которое я иногда вижу вновь;
Не знаю, сколь реально оно, так как, говорят, я был болен.
Но часто на закате слезами наполняются глаза,
И вновь видение приходит, а в нем моя Флорибель.
Клонился день к закату, и бриз уже затих,
Издали катились медленные западные волны,
На небе, облаках, на водах океана лежала благодать,
И солнца пурпур озарил всё темно-красным.
Когда стоял я, молча созерцая величие природы,
Мне вдруг пришло печальное воспоминанье о днях ушедших;
Детство, юность припомнились опять; мой разум помутился
От созерцания багрового заката.
Я думал о возлюбленной ушедшей, прекрасной, милой,
О сердцах, что некогда живым теплом горели,
О влюбленных, ныне мертвых.
Я вспомнил голоса, звеневшие в моих ушах, как свадебные колокольцы,
Глаза, что некогда со мной смотрели на это пурпурное солнце.
Всё прошлое ожило,
И мертвые вдруг рядом встали;
Их щеки жизни вновь полны, и саваны исчезли,
Их голоса опять звенели в моих ушах, как свадебные колокольцы,
И их глаза опять смотрели со мной на это пурпурное солнце.
Немало дней прошло с тех пор,
И много пестрых лет
Я странствовал, но всё же я боюсь, что всё ещё я болен;

Ибо часто на закате слезами наполняются глаза,
И вновь видение приходит — моя в нем Флорибель.
О, никогда не проникал так в сердце настолько трогательный звук,
Как звуки грустной песни, которую пел тихий детский голос,
И никогда не пробуждала лютни мелодии разнообразной и глубокой,
Как эти пальцы тонкие, касавшиеся струн.

О чудо мироздания!

О дивная та женская рука,
Что может управлять такими разными стихиями!
Я видел, как она своей ручонкой направляла скакуна
И заставляла смирно встать, скача во весь опор;
И как ткала узор столь изощренно тонкий
И более богатый, чем Вишвакарман ткал,
И вызывала на холсте такие очертания божественной природы,
Что слышать вы могли и крики попугаев,
И дуновенье ветра;
Вы обоняли все ароматы трав и видели оленя гон,
И плакали вы вместе с Блудным Сыном и отцом.
Ей принадлежала горняя обитель
Не одного искусства и прекрасного;
Высокий интеллект и ясный ум,
И философия — дитя их дорогое —
Воздвигли на ее челе престол
И наделили разум идеалом,
Реальным, хоть незримым,
Признав ее своею ровней.

Созерцая ее фигуру феи, задумчивые тонкие черты,
Вы думали, что это дивное дитя воспеть бы мог небесный бард,
Печально пальцами касавшуюся лютни иль клавиш клавесина

За вышивкой

Или, выписывающую бабочки крыло.

Но в комнату ее войдите и узрите

Ряды тяжелых фолиантов,

Покрытых странными значками,

Красивыми, классического вида,

Забытыми, загадочными, странными —

Таинственно глубокую науку,

Которой каждую пророчески неясную страницу

Прилежный юноша и мудрый старец

Обдумывать мог без конца

И стать еще ученей и мудрее,

Но не исчерпать, поняв удачно.

То был любимый, но суровый труд

На много тяжких лет

Для хрупкой, маленькой той ручки

Неустанной!

С таким многообразным даром, мистическим ученьем,

С такою силой мысли в тонком различенье

И неукротимым устремлением

Ко всему, что чисто и высоко,

Благородно, возвышенно, прекрасно

И бесконечно, как небесные просторы, —

С этими дарами одиноко

Ей было на земле.

Из всех друзей, кого она любила,

Была любима лишь одним —

Не понимаема другими.

На тайну бытия вокруг

Она смотрела с горечью глубокой,

Что часто вызывала слезы
К изумленью легкомысленных друзей.
Зверей, любимых в жизни,
Как малое дитя, оплакивала в смерти.
Играла с кошкою своею
И слезою встретила ее последний вздох.
Печалилась над чахнущею птичкой
И увядающим цветком
И не могла понять — никто не объяснил ей —
Почему такая темная, слепая сила,
Как смерть, на всё накладывает руку.
Ничто прекрасное не выживет,
Ничто, дарующее радость,
Не продлится!
Ее бездонные глаза
И беспредельную силу любви
Ничто здесь не удовлетворяло.
По неведомому она вздыхала,
По далекой томилась стране,
Отвергая все радости жизни.

Хор риши

О Равана! Неужто ты не видишь?
Не знаешь разве знака
Души, спустившейся с высот,
Что небу самому родня?
Таким покой неведом
Вне родного дома.
Любовь и радость отвергая,

Как старую игрушку,
Стремясь в высоты вечно,
Они восходят испытаньем;
Оставлены земные все надежды,
Любовь земная позади;
Дух кажется и слабым, и усталым;
Теперь он просветлен, и укреплен, и искуплен,
С триумфом, наконец, почил,
Свободный от скитаний,
В родном он доме,
В своей любви первозданной и последней —
В Любви божественной!

Равана

Она частенько ускользала
Поразмышлять в уединенье,
На сером камне сидя,
Иль глядя сквозь старую решетку,
Замшелую, плющом поросшую,
Созерцала уходящий день
Или восход луны над гаванью;
Либо обращала свой взор
На одинокую звезду,
Чей ясный глаз слезился, как её глаза.
Любила море созерцать
В любую непогоду
И набухающие пенистые волны,
Что гулко набегают
И глухо отступают

Средь каменистых скал и гротов,
Их окаймлявших.
Она любила стенанья ветра,
Согласные с ее печалью;
Когда была одна, без посторонних,
Янтарные распускала косы,
Чтоб ветер в них вздыхал.
И часто подносила раковину к уху
И внимала, казалось, хорошо знакомым и любимым звукам
С глубоким чувством, —
Наверное, они ей
Память детства возвращали
О прежнем доме из коралла
В неведомой далекой глубине
Сумрачного океана.
Я часто думал: кто она,
Чудесное создание, со мной соединенное —
Принцесса фей? а может быть, сирена?
Ибо часто на камне одиноко сидя
С зеркалом в руке, она расчесывала
Локоны янтарные свои и тихо
Пела нежную ту песню,
Что мягко кралась среди волн
И поднималась скорбно вверх;
Морские птицы собирались
Послушать сей напев печальный.
Я хорошо запомнил, что во сне
Я называл ее любимой Зингарель,
И потому, я думаю, она, должно быть,
Сиреной или нимфою была;

Все знают: зингарели — чудесные
Морские крошки-девы,
Что кружатся в волнах тихим летом,
Играют, резвятся в море спокойном
Вокруг прекрасного Острова Пальм.
На запястье своем амулет,
Не снимая, носила она;
Раджариши, древний мудрец,
Бродя по земле как нищий факир,
Продавая целебные корни,
Ростки, порошки,
Амулеты от лихорадки и сглаза,
Из прекрасной руки (улыбалась она той улыбкой,
Что от чистого сердца исходит)
Принял пищу и с ней золотую монету —
Свидетельство щедрости женской;
Благодарно ей на руке закрепил
Талисман драгоценный,
Что хранил от несчастий, —
Белую крошку-сирену,
Меньше малой пчелы, полагаю,
Заключенную в гроте хрустальном.
Иногда лишь ее выпускали
На пару минут, чтоб не обидеть.
В глубине того грота,
В тени, было чистое озеро,
Где кораллы и травы морские росли,
И кристаллы, цветные ракушки,
Сталактиты, снежинкам подобны,
И морские цветы всех оттенков;

В озере том, уединенном и тихом,
Наслаждалась крошка-сирена,
В море резвясь,
Купаясь, питаюсь
Свежей морской травой.
Когда грот открывали, сирена
Чуть слышный радостный звук издавала,
Игриво к двери приближалась,
Приветствуя нежным дыханьем,
Восхитительным более,
Чем запах жасмина и розы,
Что растет на горе Пехлеви.
У сирены той был бриллиантовый рог,
Остёр этот рог, как игла,
И если дразнить ее слишком
Из шалости или издевки,
Или грот надолго открыть,
Сирена внезапно бросалась —
Хоть мала, но сильна и быстра —
И полущутя, отчасти из гнева,
В нос рогом так вас колола,
Что вы, шатаясь, ревели,
Но через пару минут
Дыханьем целебным своим
Боль, успокоив, новые силы вливала.
Кристаллина ей имя.

В этот момент скорбный вопль, исходивший, как выяснилось, от царицы, смуглой Мандодари, поразил собрание. Он внимала туманным речам риши и услышала в них пророчества о своей разлуке с Раваной. Похоже, не многие из наших прекрасных замужних

читательниц испытают острый прилив скорби, узнав, что через несколько тысяч лет в их отношениях с мужьями произойдут изменения. Боюсь, что подавляющее большинство из них придёт в полный ужас при мысли, что эти отношения продлятся хотя бы одну десятую часть этого срока. Даже самые счастливые среди них могли бы слегка содрогнуться от перспективы подобного ужасного однообразия счастья! Как? «*toujours perdrix*» (куропатка) на веки вечные! Надо признать, что эта «*perdrix*», должно быть, прямо-таки райская птица, феникс, возрождающий свою молодость отнюдь не для того, чтобы изнывать от скуки и выносить это «*varium et mutabile*» (разнообразие и перемены) в течение столь длительного срока. Но всё не так в том круге идей, в котором была воспитана Мандодари.

Идеал счастья индийской женщины — постоянное возобновление союза с одним и тем же «повелителем ее жизни». И поскольку ни одна из тех, кто были подобным образом осчастливлены, никогда не возвращалась, чтобы поведать о скуке такой реальности, этот идеал сохраняется и продолжает служить своей этической задаче. Поэтому Хору мудрецов пришлось подыскать адекватное решение проблемы. Заслуги и верность Мандодари были достойны защитника, а постоянная теодицея была частью их профессионально долга, и потому в ответ на печальный вопль: «О горе, горе, горе! Что делать бедной Мандодари?» — риши обеспечили полное утешение этой бескорыстно любящей и высокодуховной смуглой царице. Ибо, несмотря на изрядную корпулентность, о которой свидетельствовало ее имя и которая оказалась бы немалым бременем для лошадей, живи она в наше время и вздумай прогуляться в карете, — несмотря на свою плачевную «полноту», Мандодари была явно высокодуховным существом, хотя мощное духовное начало в ней было бессознательным, не пробуждено интеллектом. Есть опасения, что гордые дамы, чьи одеяния подметают пол современных гостиных, опустошая кошельки их мужей, сочли бы это утешение довольно унижительным.

Мандодари было сказано не скорбеть. Хор уведомил ее, что она тоже состоит в вечной связи с Раваной; далее следует авторитетное утверждение индийской философии, которое мы постараемся передать в прозе настолько ясно, насколько это позволяет столь темный предмет. Боюсь, что, подобно всякой поэтической метафизике, стихотворные излияния Хора будут безнадежно непонятны непосвященному читателю.

Всякий, соприкоснувшийся с индийской философией, должно быть, был удивлен тремя коренными, можно сказать, призматическими, качествами, на которые разделяется вечная первозданная реальность, отражаясь через призму майи в разнообразной вселенной во времени. Каждая душа в этом отстраненном состоянии в большей или меньшей степени причастна к ним.

Обычно эти качества — тамас, раджас и саттва — переводятся соответственно, как тьма, страсть, или нечистота (мутность?), и истина, или добро, Шлегель¹⁹ передает их как *caligo*, *impetus* и *essentia*; при этом первичное значение слова «сат» — бытие; вторичное — истина,

или благо, так как только сущее истинно и благо. В четырнадцатой главе Бхагадгиты кратко освещается их сущность и влияние.

Обращаясь к Арджуне, Кришна говорит: «Существуют три гуны, или качества, происходящие из пракрити, или природы: саттва (истина), раджас (страсть) и тамас (тьма). Каждое из них заточает неуничтожимый дух в теле. Вследствие своей чистоты, гуна саттва ясна и лишена недостатков и наделяет душу нежными и приятными проявлениями, плодом мудрости. Гуна раджас — страстной природы, возникающей из последствий мирских вожделений; она заточает душу последствиями действий. Гуна тамас происходит от невежества, она приводит в беспорядок все качества ума и заточает душу опьянением, ленью и праздношью. Гуна саттва преобладает в блаженстве, раджас — в действии, а тамас, овладевая душой, преобладает в опьянении.

Когда тамас и раджас побеждены, проявляется саттва; когда подавлены раджас и саттва, появляется тамас, а когда одолены тамас и саттва, возникает раджас. Когда джняна, или знание, видна через все врата тела, то да будет известно, что в нем возобладала гуна саттва. Страсть к стяжанию, трудолюбие, инициатива, неумеренность, чрезмерное желание порождаются господством гуны раджас, в то время как признаками гуны тамас являются мрачность, праздношья, глупость и рассеянность. Если доминирует гуна саттва, то, когда распадается тело, душа отправляется в сферы тех непорочных существ, что знают Всевышнего. Если в этом случае преобладает гуна раджас, душа рождается повторно среди тех, кто привязан к плодам своих действий. Подобным же образом, если тело распадается, в то время как господствует гуна тамас, дух воплощается во чревах лишенных разума существ.

Плод благих дел называется саттвика, или чистый; плодом гуны раджас является страдание, а гуны тамас — невежество. Саттва порождает мудрость, раджас — зависть, а тамас — безумие, хаос и невежество. Те, кто от гуны саттва, возносятся: кто от раджаса — остаются посредине, а жалкие приверженцы тамаса погружаются в глубины».

Другие авторитеты дают более четкое объяснение качества тамаса, из коего следует его негативность, то есть отсутствие всякого знания, чувства, движения, проницаемости, прозрачности. Собственно говоря, это, сколь бы странным ни казалось такое выражение, — моральная основа материи или, иными словами, то инертное состояние, или форма, духа, которое вынуждает его проявляться и которое мы называем материей.

В своем повествовании о порядке творения (Вивека Синдху, раздел III, 72, 73) Макунда Раджа говорит:

«Знай, что тройственность самости, или самосознания (ахамкара), это саттвика, то есть самосознание истины, или добра; раджаса, или самосознание страсти, и тамаса, или самосознание тьмы; в каждом из них развивается, излучаясь, сила специфической энергии.

В самосознании истины, или блага, содержится сила, или энергия, знания, или мудрости; в самосознании страсти заключена сила, или энергия, действия; в самосознании тьмы всегда пребывает сила, или энергия, субстанции, или материи (дравья)».

Таким образом, можно считать качество тамаса великой характеристикой грубой материи, бесчувствия, светонепроницаемости, холодной инерции, неподвижности; в оптике это темно-лиловый или фиолетовый луч; в этике — грубая материальная склонность к неповоротливости. Ее высшая форма органического развития не поднимается выше простой животной жизни и области ощущений.

Раджас является характеристикой моральной жизни, или души; непрозрачная темнота пронизывается буйным огненным светом, но пока не становится полностью прозрачной; холодная пассивность и нечувствительность пробуждаются в муках болезненного движения; темно-лиловый или фиолетовый цвет разгораются в красный луч. Ощущение переросло в эмоциональность; чувственность заменила слепой порыв.

Саттва — характеристика духа; дух воистину противоположен телу и душе, материи и жизни и потому, несмотря на свет, яркость и славу, саттва всё же причастна к различию и скована цепями индивидуальности и ограничений. Это оранжевый цвет в оптике, готовый вырваться и слиться с чистым светом. Страдание вынуждает чувствующую душу к более глубокому самосознанию и размышлению; страсть возвышается до разума и знания. Осмысляя внешний мир, знание себя развивается во всеобщее сочувствие. Эмоциональная жизнь достигает вершины, и все прочие страсти утасают, рождая вечное чувство справедливости и любви, которые, в конечном счете, одно и то же.

Таким образом, как ощущение пробудилось в страсть и чувство, так и само чувство поднялось до вечного принципа, и подобно тому, как чувственная жизнь слепого животного порыва возгорелась в героическую жизнь страсти, эта последняя в свою очередь через размышление и знание возвысилась в спокойные сферы идеальной, или духовной жизни, в которых риши, муни и кави — мудрецы, святые и божественные пророки и поэты — живут жизнью вечных трудов в ненарушимом покое, трудов «неспешных, непрерывных» — не демиургических, а приносящих отдохновение (в том смысле, в каком сказано: «Отец до сих пор трудится»).

Еще выше изолированного качества саттвы находится сфера, называемая чистой саттвой, которую следует считать означающей *essentia pura*, чистое бытие, чистую истину, чистое добро, которая рассматривается как одна простая сущность. По-видимому, она достижима только тогда, когда отвергнута всякая отдельность; когда господствующая саттва повторно входит в раджас и тамас, проницая их своим влиянием, и все три призматических луча сливаются в чистый всеобщий свет и сознание божественного единства.

Или, как говорит Ипполит — если он действительно является автором оксфордских манускриптов, — «когда человек становится Богом»; или, как Альфонсо Лигуори²⁰, переводя с испанского Св. Терезу, выразил свою богословскую позицию: «*Anima fit unum quid cum Deo*» (Когда душа едина с Богом), — когда пластическое, эмоциональное и идеальное сливаются в совершенном единстве и когда больше нет ни материи, ни души, ни духа в собственном смысле, а есть нечто, являющееся всем этим, но ни тем, ни другим, ни третьим. Называйте это Брахмой; называйте вечной неизменной жизнью (нитью), если хотите, можете назвать это той истинной индуистской троицей САТ—ЧИТ—АНАНДА (ЕДИНСТВО БЫТИЯ — МЫСЛЬ — РАДОСТЬ), в которой вечное нисхождение и возвращение в себя Единого выражено в самой совершенной гармонии с глубочайшими размышлениями платонизма и в еще большей гармонии с глубочайшим развитием христианства Иоанна.

САТ, абсолютное самосущее бытие, развивает в себе самосознание (ахамкара); инстинктивное бытие, или Жизнь, становится ЧИТ, т. е. МЫСЛЬЮ, или РАЗУМОМ, отражающим в своей собственной природе вечное СЛОВО, или ЛОГОС, говорящий: «Я есмь Брахма, или Самосущий». Из самосознающей Мысли, созерцающей свое вечное Бытие, из вечного Бытия, развивающегося в постоянное самосознание, Мысль, или Разум, вечно выдыхается АНАНДА, РАДОСТЬ или ЛЮБОВЬ, и все три пребывают в одной ГХАНЕ, или ЕДИНСТВЕ.

Из Лилового, или Темно-фиолетового, вырвалось Красное; из Красного было выдохнуто Оранжевое. Движение Оранжевой Радости тройственно. Если, удерживаясь у своего истока в Красном, оно движется крутами согласно Правритти, или порядку, оно производит радостное Зеленое всеобщей природы, которым наслаждаются все живые существа и на котором любят танцевать феи. Если же, предпочтя путь Нивритти, или возвращения в себя, оно возвращается в свой источник, в Красное, и далее в их общий источник, Фиолетовое, и все три сливаются в чистый свет, — тогда Красное подчиняется Фиолетовому, и Свет царит во всем.

Если, отрываясь от Красного, своего источника, и не стремясь к Фиолетовому, их общему прародителю, Оранжевое стремится остаться в одиночестве, оно в своей гордой изоляции становится ядовито-мертвенно-желтым, цветом змей, драконов и безнадежных брахм-ракшасов.

Природа титанов иная: хотя тамасичность значительно преобладает, она включает немало от качества раджаса и, в меньшей степени, саттвы. Проблема, которую предстоит решить титану Раване, а также в большей или меньшей степени каждой человеческой душе пропорционально ее причастности титанической природе, заключается в следующем: как материя может возвыситься и стать духом? Как грубая темнота и инертная тупость растения или животного могут быть просветлены и стать самосознанием, мышлением, разумом, знанием? Как животная концентрация на самом себе может возгореться во всеобщее сочувствие и любовь? Как слепому инстинкту и грубым желаниям титана или титанического человека сублимироваться в вечные сознательные принципы, самоотречение и чистый идеализм божественной жизни?

Единственный способ достичь этого связан с раджасом, жизнью страстей, жизнью страдания. Следствием любой страсти в нашей природе, даже любви, — причем любви в первую очередь, — является страдание и скорбь. Первое пробуждение бессознательной материи в сознание элементарной животной жизни происходит через физическую боль; этот процесс продолжается через ментальное страдание, являющееся сущностью эмоциональной жизни души.

Только через огненные муки каменный уголь может преобразоваться в свет. Поэтому боль и скорбь, неизбежные последствия страстей раджаса, или эмоциональной жизни, являются очищающим огнем, предназначенным для устранения отбросов нашей титанической природы и преобразования их в чистую саттву, где господствуют чистота, добро и истина. Сначала животный аппетит и слепой импульс уступают место страсти; и она осуществляет свое собственное угасание через скорбь, а также размышление и сочувствие, порождаемые скорбью, и, в конце концов, поглощается любовью и полным смирением. Видимо, эта философия покоится на твердом фундаменте неоспоримой истины, ибо, постигнутая до конца, она оказывается тождественной в своих высших результатах пути Креста.

На этой-то философской основе Хор и предлагает Мандодари утешение. Она является дополнением тамасической природы Раваны. Тамас тоже причастен к добру: он потенциально заключает в себе качества как раджаса, так и саттвы, которые надо просто развить из него; точнее, это необходимая основа, или адхиштхана, без которой они невозможны. Подобно черному кремню, он холоден, темен, неподвижен и лишен чувств, однако в нем скрыто движение, огонь и боль раджаса, а также свет и радость саттвы. Сила раджасического огня и саттвического света, которые может вызвать движение, пропорциональны основанию, представленному раджасическим качеством, что замечательно согласуется с выводами современной френологии²¹; установлено, что без наличия в органах человека могучего основания в форме разрушительности, воинственности и прочих животных, или тамасических, энергий для героического величия и энергии недостаточно никакого развития моральных и интеллектуальных органов.

Иными словами, возвращаясь к данной ранее иллюстрации, тамас — это уголь, без которого не будет ни огня, ни пара, ни света. Поэтому доля тамаса в нашем существе требует для своего нормального развития соответствующей защиты со стороны любви, ибо в самых низших сферах нашего бытия, в пластичной и даже, по видимости, — но только по видимости! — мертвой атомарной сфере любовь всегда проявляется в некой сходной и познаваемой форме; она действует и охраняет.

Пока и поскольку в Раване доминирует тамас, или титаническое начало, будь то на протяжении всей жизни или только её части, Мандодари будет его необходимым опекающим дополнением, так как она обладает тамасической, или темной пластической любовью. Лишенная страсти, или героического чувства, не пробужденная к саттвическому элементу в себе, чуждая свету знания или идеализма, она обладает простой, не рассуждающей, спонтанной природной добротой, пластичной оберегающей привязанностью негритянки. Это именно то, в чем на данной стадии своего развития нуждается титан.

Когда он возвращается домой с поля боя, у нее готов горячий пирог и дымящийся ягненок для насыщения его усталого тела и удовлетворения его жаждущего аппетита; она наполнит его титанический кубок свежим бодрящим вином; она разотрет его усталые члены, как если бы она замешивала тесто; возможно, она коснется банджо²² и порадует его дикой, но не лишенной мелодичности песней или убаюкает его простым заунывным напевом; смахнет мух с его лица опахалом из павлиньих перьев и, побежденная сонливостью, погрузится в сон рядом с ним.

Но когда эта стадия пройдена, когда преодолено влияние голода и животного порыва, когда Равана созреет для более высокой страсти и истинно героического чувства, только пройдя через которое он станет пригоден для еще более высокой сферы идеальной жизни, вскормленной духовной любовью, тогда рядом с ним должно будет находиться более высокое существо, которое, обладая достаточной силой красоты, чтобы вдохновить его любовью, и достаточным сочувствием к более благородной стороне природы супруга, чтобы привлечь его расположение, будет тем не менее являть самую строгую антитезу его природе во всем том, что ущербно и требует возвышения или изменения.

Чистотой и мягкостью, которые будут укором его грубости и жестокости титана; интуитивным чувством правоты и истины, которые единым словом разрушат горы рассуждений; благородным презрением ко всякому отступлению и недостатку, которое болезненным уколом подвигнет его на поиск абсолютного, героического добра; интеллигентностью, которая оценит и будет стимулировать его собственный разум, и женской идеалистичностью, которая откроет ему низость его грубой природы и поведет его к знанию и поклонению идеальной красоте; нежностью, которая западет глубже в его душу, нежели любое иное качество, и сделает горше смерти для его души любую скорбь и

страдание, постигшее возлюбленную, и любое сокрытие лика ее любви; через агонию, производимую в его характере этими сложными эмоциями, ему предназначено очиститься, облагородиться, обрести тонкость и войти в более высокую природу.

Когда придет время и Равана станет способным подвергнуться этому процессу, Мандодари перестанет быть ему подходящей спутницей и партнершей, способной оценить его природу и испытывать счастье от равноправного сотрудничества с ним.

Поэтому с наступлением этого периода подходит к концу задача Мандодари как спутницы и сотрудницы Раваны, но не завершается ее функция доброты по отношению к нему. Хотя его тамасическая природа более не доминирует и существует лишь как основа, поставляющая горючее для эмоций, она еще не уничтожена. Его тамасический, или животный, человек всё еще нуждается в заботе, тем более что сам он будет теперь пренебрегать ею. Мандодари останется с ним, но займет более низкое положение, в котором сможет оказывать свои услуги наиболее адекватным образом. С той же незамысловатой нежностью, которая в настоящее время характеризуют ее как жену титана, она будет служить ему в качестве няньки, ухаживающей за ним в скорби и болезни.

Как мы заметили выше, такая судьба может показаться большинству наших прекрасных читательниц унижительной переменой положения, что совершенно не оправдано, ибо в ее будущей судьбе нет того резкого контраста, который мог бы вызвать такие чувства. Соединенная с ним в одной общей тамасической сфере жизни, Мандодари в будущем рождении станет матерью и безутешной вдовой. Нуждаясь в защите, она найдет её у Раваны в его будущем воплощении на земле. Она испытает неизменную доброту и безграничное доверие с его стороны и с ласковой верностью отплатит ему тем же. Между ними установится совершенное взаимное сочувствие — не как между равными, но отвечающее их новым отношениям: великодушная благородная доброта с его стороны и уважение, благодарность и материнская забота с её.

Равана закрепит их союз отцовской заботой о её умирающем сыне, и она с полным основанием отплатит любовью за любовь в собственной сфере. Ибо далеко не последним среди утешений, которые риши уготовили для Мандодари, было то обстоятельство, что прекрасной, задумчивой и таинственной Зингарель, чьей судьбе, по велению рока заменившей ее собственную, она завидует, что естественно в ее положении, было суждено стать наряду с Раваной одним из предметов ее будущей нежной привязанности, почти материнской заботы. Она будет служить ей, с удивлением взирая на нее как на непостижимое существо, которому она могла бы почти поклоняться, и в то же время как на существо, которое она не может не любить столь же свободно и нежно, как если бы то было ее собственное дитя. Она будет ласкать и нянчить обожаемого мальчика, когда его похитят, и будет вторично оплакивать своего Индраджита в любимой Флорибели.

Она будет ухаживать за Зингарелью с материнской нежностью, когда ее тело ослабеет и разум помутится, и перед тем как отправиться в путь в скорбную и безмолвную землю, описанную в сне Раваны, бледные губы плачущей странницы, оставляющей прекрасный Пальмовый Остров, запечатлеют последний поцелуй на ее смуглой преданной щеке, принадлежащей телу, которое в то время будет населять дух Мандодари. Но и это еще не всё. Несчастья, о которых еще не поведал Равана, спускаются в его сне о будущем, и когда они происходят — когда Зингарель покидает Равану — именно преданный и любящий дух Мандодари будет рядом с ним, чтобы утешить и поддержать в минуту агонии и покинутости.

Когда Мандодари узнаёт о своей судьбе, ее честное сердце переполняется чувством, глаза загораются и наполняются слезами нежной радости — она забывает о себе, забывает обо всем, кроме счастья служения Раване! Столь полно отражает любовь, благородство и божественность, как ни скромна та часть вселенной, в которой она проявлена. Однако здесь встают серьезные вопросы. Почему столь благородная, хоть и простая, любовь не заслуживает, подобно Раване, подъема в сферу раджаса, чтобы, как сейчас, стать его будущей спутницей вместо Зингарель? Потребуется ли третий партнер его духу, когда Равана преодолеет сферу раджаса и вознесется в саттвическую сферу, и придется ли Зингарель уступить место другой, как сейчас ей уступает место Мандодари?

Только ли дух мужчины вечно прогрессирует, в то время как дух женщины, с чьей помощью он добивается восхождения, остается навсегда связан и неподвижен? Если это не так, если Зингарель эволюционирует в саттвическое состояние, то почему Мандодари не может прогрессировать в раджасическое? Эти вопросы возникают в сознании Раваны, но он не спешит задать их, пока не завершил рассказ о своем сне. Позже он будет искать ответы и получит их от Хора. На этом завершается первый раздел «Песни о Собрании», и под счастливые слезы утешенной Мандодари опускается занавес.

III

ПЕСНЬ О СОБРАНИИ

Часть II

Первая часть завершилась утешением Мандодари. Вторая начинается возобновлением рассказа Раваны о своем сне. Так случилось, что пока он спал, одоленный зноем, у подножия древней колонны или обелиска на берегу полноводной реки, Зингарель, оберегавшая его сон, сидя около него, поднялась, движимая ненасытным любопытством, отличающим ее пол, чтобы более внимательно осмотреть странные буквы и иероглифы, покрывавшие древний памятник. Она вскочила так порывисто, что застежка амулета на ее руке расстегнулась, и амулет упал на грудь Раваны, чего она даже не заметила. Роковая потеря! Роковое женское любопытство, приведшее к потере! Она лишилась талисмана, гарантировавшего ей безопасность и оберегавшего ее от зла, и на время несчастье становится спутником ее судьбы. Ужасный темный предмет в водах протекавшей поблизости реки привлек ее внимание своей необычной формой, размером, странными звуками и движениями, говорившими о его силе.

Был ли то Левиафан, Бегемот, или одна из тех тварей из племени гигантских ящеров, которые владели нашим болотистым миром и его водами задолго до того, как на него ступила нога человека, порадовавшего мир своим голосом? Описание этой гигантской твари водных глубин напоминает величественный облик того, кто в «Книге Иова» назван «царем над всеми сынами гордыни»:

Свет струился, когда он чихал;

Веки подобны векам утра.

Изо рта вылетали горящие лампы

И вырывались искры огня.

Дым исходил из ноздрей,

Как из кипящего горшка иль котла.

Дыханье возжигало угли,

И пламя вырывалось изо рта.

Чудовище приблизилось, схватило и унесло Зингарель. Пробужденный ее криками, Равана бросается в реку на помощь и тщетно прилагает всю свою титаническую силу, чтобы преградить ему путь.

Меч не может сдержать его,
Ни копье, ни дротик, ни латы.
Сталь для него — что солома,
А медь как гнилушка.
Дротики — просто щетина!
Над копьями он просто смеется.
Пучина под ним как кипящий котел;
Море ему — горшок масла.
Светится путь его:
Можно подумать, глубины за ним поседели.

Так, пролагая путь через пенящиеся волны, бесформенный похититель Зингарели устремляется к морю: его жертва, рыдая на его чешуйчатой спине, простирает руки к берегу, взывая в крайней тоске:

Динам ман-дина-ватсала, катбан-вительдхасе, раджан, бхитам, асмин, саридж-дхале!
О царь, к несчастной столь нежный,
О горе, уstraшенную в водах реки как можешь покинуть?

Ошарашенный и вне себя от горя, Равана стоит в воде, наблюдая за удаляющимся монстром; движимый внезапным приступом отчаяния, он бьет себя рукой по груди и попадает по талисману, который до того не замечал. Отдавая себе отчет о его важности для благополучия Зингарели и о роковых последствиях его утраты, ужасный пример которых был уже налицо, он решается на последнюю отчаянную попытку. Если он не может спасти ее от чудовища, он может, по крайней мере, попытаться вернуть ей амулет, от которого зависит ее безопасность и с помощью которого она еще может избежать нависшей над ней мрачной судьбы.

Равана разыскивает пещеру диваров, разновидности восточных тритонов, и, сняв с себя украшенную драгоценными камнями тиару и тяжелое ожерелье из больших жемчужин, выловленных на Ланке, т. е. на Цейлоне, предлагает их диварам в обмен на помощь. Глаза диваров сияют при виде обещанного вознаграждения, и они охотно принимают его предложение, однако сделка почти проваливается вследствие жадности, зависти и извращенности их жен, которые, едва завидев сияющие жемчужины, протянутые Раваной, начинают драться за обладание ими и устраивают в пещере такой ужасный хаос, что

Дивары умоляют Равану убрать их, поскольку это единственный способ восстановить мир среди женщин.

Это предложение привело их в чувство, и чтобы вовсе не потерять драгоценности, они предлагают любопытный компромисс: драгоценности будут считаться общей собственностью, при этом каждое полнолуние жены диваров будет взвешиваться, и самая тяжелая будет обладать правом первого выбора драгоценностей на предстоящий месяц; вторая по тяжести получит право выбора вслед за ней, и так далее. Едва достигнув договоренности, они жадно набросились на еду, надеясь повысить свои шансы на успех. Освободившись от жен, дивары запрягли свою морскую карету, огромную раковину, вереницей гигантских красных морских лошадей, похожих на креветок, усадили Равану на почетное место и, прихватив с собой гарпуны и трезубцы, поспешили в море в погоню за чудовищным ящером.

Как только они приблизились на расстояние, позволявшее надеяться на успех мероприятия, Равана захотел, чтобы они осторожно подошли к чудовищу сзади. Однако, опьяненные и возбужденные вином, погоней и перспективой богатой награды, они игнорировали его увещевания и устремились к чудовищу прямо с фланга, за что были награждены ударом его могучего плавника, который сокрушил двух красных морских лошадей и едва не отправил на дно весь экипаж с его всей командой. Вняв этому предупреждению о возможной катастрофе, дивары перерезали построики убитых лошадей и перестроились вслед за монстром.

Но тут мощный всплеск его хвоста накрыл их потоком пены и образовал воронку, которая едва не поглотила их. Избегнув второй опасности, они слышат голос, предупреждающий их против дальнейших попыток, и видят туманный облик Лингастьи, древнего риши Моря, одного из любимых детей Варуны, индийского Нептуна, который, восседая в отдалении в своей раковине с двумя зеленовласыми дочерьми, предупреждает их об опасности дальнейшего приближения к чудовищу. Равана вынужден покориться голосу Лингастьи, чей опыт наделил его пророческим даром, подобным дару Протея. Бросив последний взгляд на Зингарель, он видит ее стоящей на спине гигантского аллигатора с протянутыми к нему руками; подняв Кристаллину так, чтобы Зингарель могла амулет увидеть, он что есть сил бросает его ей.

Маленькая сирена, движимая тайным сочувствием, силой собственной природы направляет полет амулета со своим гротом прямо в руки Зингарель, которая принимает его в свой платок, наполняясь радостью и мужеством при его вторичном обретении, и с грустной улыбкой машет Раване платком:

Et «longum Vale, Vale! » inquit —

(«Прощай, прощай надолго!»)

Здесь слышен вздох доброй Мандодари; и, поскольку, согласно этикету всех царских дворов Востока, считается обязательным подражать малейшему выражению чувств и эмоций монарших особ, всё собрание повторяет это скорбное возгласение, вздыхая — или имитируя вздох — в унисон с ней.

Похоже, что эта попытка вызвала раздражение некоторых из старших риши и ветеранов-военачальников как абсурдная; в результате всё кончилось грандиозным и малопристойным взрывом звуков, прервавших рассказ Раваны и испытывавших его терпение на протяжении целой четверти часа. Когда восстановилась тишина и приличие, он продолжил свое повествование.

Итак, он еще долго пребывал в состоянии тупой рассеянности, бессмысленно глядя на непрерывно уменьшавшуюся черную тень, которую отбрасывал удалявшийся монстр в лучах заходящего солнца, и едва осмеливаясь осознать реальность той грандиозной перемены, что внезапно произошла в его жизни. В конце концов, его привели в чувство дивары, озабоченные возвращением в свою пещеру не только для того, чтобы востребовать награду по исполнению, по крайней мере, одной из задач своего мероприятия, т. е. возвращение талисмана, но также и потому что, по причине увиденного ими, когда они отправлялись в погоню, у них стали появляться обоснованные опасения не застать ужина, если они не вернутся домой как можно скорее.

Равана вернулся в пещеру и вручил им обещанную награду. Он предпочел бы остаться в ней на ночь, но это оказалось невозможным. Жены диваров решили, что должны взвеситься немедленно, чтобы выяснить, кто будет владеть украшениями до ближайшего полнолуния. Дивары, чей аппетит был усугублен усилиями и свежим ветром зимнего моря, стали настаивать, что сначала необходимо отужинать, но обнаружили, что их самые худшие опасения оправдались. Женщины всё сожрали! Можно было предвидеть последствия такого открытия. Дивары прибегли к побоям, а их жены — к тому оружию, которое они в любых ситуациях и во все времена использовали с такой остротой и пронзительностью.

В дополнение к этому источнику хаоса окрестности огласили вопли тысяч ослов, в коих пребывал дух людей, которые за грубое обращение с животными и слугами в прошлой жизни были осуждены на жизнь в животном теле в этой пустынной местности, снося тяготы и побои от своих жестоких хозяев диваров. Печальные интонации, с которыми эти создания всю ночь обменивались криками друг с другом, свидетельствуют о том, что они всё еще сохраняют человеческое знание и чувства.

В сочетании со звуками непрерывно наносимых ударов, воплями и бранью диварских жен всё это было столь удручающим, что Равана пулей вылетел из пещеры, бросился на спину одного из диких ослов и удалился в мрак и безмолвие пустыни, тускло освещаемой звездами.

Всю ночь он ехал по мрачной пустыне в молчании и скорби. Едва рассвело и солнце взошло над горизонтом, он начал осознавать некоторые феномены, которые он уже ощущал однажды, когда он впервые вступил в эту безмолвную землю в обществе Зингарель. В отдалении, среди этой выжженной, лишенной растительности пустыни, он увидел обширные озера прохладной голубой воды, усеянные зеленеющими островами и окруженные рощами освежающей зелени.

Это была «мрига-джала», «оленья вода», или голубой мираж, который дразнил желание и неизменно отступал при приближении к нему; иллюзорный источник, к которому, задыхаясь, устремляется изнуренный олень; символ стремлений и надежд этого ложного мира, которые издали предстают такими желанными и прекрасными, но которые вечно ускользают, а в конце концов и вовсе исчезают, когда кажется, что вот-вот будут достигнуты, оставляя разочарованную душу, которая так долго тратила свои божественные энергии на тщетные поиски, в тоске и черном отчаянии.

Это видение иногда сопровождает другое, которое, однако, нередко возникает независимо от первого. Оно представляет собой картину роскошных воздушных, иногда небесных, дворцов, башен, замков, часто окрашенных всеми восхитительными цветами заката и напоминающих те неизгладимые проникновения в вечность, которые только закаты и иногда музыка способны на нашей земле представить душе страждущего созерцателя и зачарованного слушателя.

Это «гандхарва-нагари», или «город гандхарвов», ансамбль волшебных дворцов, следствие белого миража; оно символизирует те прекрасные и величественные воздушные замки, которые несчастная человеческая душа строит с таким трудом только затем, чтобы они через мгновение рассеялись.

Третье видение — черный колышущийся туман, который при ярком солнечном свете, кажется, вибрирует перед взором, но который невозможно зафиксировать твердым взглядом. Он как будто всегда мерцает перед вами чернотой, но тотчас исчезает под твердым взглядом; достаточно расслабиться, как он появится вновь. Это самое большее заблуждение из всех трех, так как оно обманывает не просто глаз, а разум.

Подобно тому как голубой и белый миражи, действующие в пространстве и изменяющие пространственные отношения, извращают реальные предметы и порождают фантазмагорические картины нереальных, так и этот мираж, действующий во времени и изменяющий временные отношения, переворачивает реальные события и проецирует обманчивые фантомы нереальных. Равана почувствовал, что вспоминает события следующего дня и обращается к будущему в ожидании того, что произошло вчера. Он жил в грядущих веках. Он ожидал наступления прошлого. Уже произошло разрушение вселенной подобной мечу кометой Калки, десятого аватара. Только предстояло ее создание Брахмой и последовательное сохранение в трех потопах аватарами в форме Рыбы, Черепахи и Вепря. Таков был эффект «кала-виварты», «Черного Миража», или «Миража Времени».

Два дня и две ночи без отдыха и чувства усталости длилось это наваждение; глубокая скорбь поддерживала длительное физическое изнеможение и смягчалась им. На третью ночь, когда приближался рассвет, и бледнеющая луна готова была исчезнуть за западными дюнами, он уловил необычайное видение на западных горах, на которые падали последние бледные лучи ее угасающего света. Громадная черная колеблющаяся тень опустилась на склон горы с ее вершины, подобно тени осеннего облака, быстро промелькнувшего над полем или лугом. Однако на небе не было ни облачка. Когда эта движущаяся тень распространилась на долину и окутала ее мраком, она стала похожа на черную мантию или саван, растянувшийся на многие мили и перемещавшийся невысоко над землей.

Он замер, с любопытством наблюдая это явление, и когда тень проплыла над ним, Равана отметил с изумлением, не лишенным оттенка ужаса, что она была образована миллионами черных волков, двигавшихся через равнину в боевом порядке и в мертвой тишине в направлении заходящей луны. Это видение — поскольку он не мог определить, были ли они живыми тварями или только призраками — длилось около получаса и постепенно удалилось на запад, оставив в нем ощущение холода, которое заставило его с нетерпением ожидать рассвета. Он часто смотрел на восток, чтобы в смутном полумраке уловить проблески зари, предвещающие восход солнца. Однако горизонт не озарился золотистым румянцем. Солнце так и не взошло в тот печальный день.

Он спал, окутанный облаками, в каком-то далеком туманном пространстве, «не заботясь о зове дня». Наконец, когда пробил час наступления нового дня, свет которого должен был бы озарить радостью холмы, Равана увидел вместо света восходящую на востоке черную комету; ее ядро было в зените, а хвост, в котором вследствие некоего странного эффекта преломления он увидел увеличенный образ самого себя, был обращен вниз, к земле, и становился всё больше и больше, всё ближе и ближе, пока не потерял четкость очертаний в своем чудовищном размахе и близости. У Раваны было впечатление черной бури — безмолвной, сдержанной, как будто только назревающей, незримо надвигающейся над землей.

Пока он размышлял о значении этого странного предзнаменования, начали появляться новые зловещие знамения. Огненно-медное свечение начало медленно наплывать над горизонтом. Время от времени начинались скорбные порывы ветра и внезапно прекращались. Над ним пролетали стаи мечущихся и кричащих птиц, и проносились мимо стаи диких собак, шакалов и прочих зверей пустыни, издавая звуки, свидетельствующие об отчаянии и сверхъестественном ужасе. Дикий осел, на котором он ехал, в конце концов, лег под ним и зарылся носом в песок; поскольку никакими усилиями невозможно было заставить его встать, Равана предоставил осла его собственной судьбе и побрел, пошатываясь, в одиночестве, удрученный созерцанием судорог природы, нараставших с каждым его шагом. Наконец, глубокий гулкий звук, похожий на отдаленный рев воды, достиг его слуха и заставил его ускорить бег.

Широкая синяя река, из устья которой была унесена Зингарель, вырвалась за пределы своего правого берега, в то время как само море, выйдя из берегов в южном направлении, перекрыло отступление к югу. Медно-красное свечение у горизонта переросло в багровое с чернильно-темным отливом; низкое бормотание ветра постепенно превратилось в рев; тьму прорезали красные и синие вспышки света под резкие удары грома — казалось, что вся природа возвращается к хаосу, тьме, урагану. Наверху — тьма, буря, красные молнии и водяной смерч; внизу — река и океан, с ревом заливающие землю; приближалась Махапралайя, великое растворение всего, не давая надежды на спасение.

Равана вскарабкался на вершину древнего пирамидального храма богини Умы, или Бхавани, заброшенно стоявшего в пустыне, и стал ожидать свершения своей судьбы. Он успел вовремя, так как теперь воды покрывали всю поверхность пустыни и через несколько часов угрожали залить даже высокий храм, на котором он нашел себе убежище. Среди этого катаклизма Равана увидел огромный объект, смутно вырисовывавшийся в темноте и явно приближавшийся к нему по поверхности вод. По мере приближения он явно принимал очертания корабля; к невыразимой радости, Раваны он остановился напротив храма. Но было что-то таинственное, сверхъестественное, духовное (адхьятмика) в этом туманно-призрачном корабле. Его очертания не были четкими и ясными; напротив, они были волнисты и неровны, как колышущееся облако. У него не было ни руля, ни парусов: казалось, он движется и останавливается, подчиняясь чьей-то воле.

На борту его были человеческие фигуры, тоже казавшиеся призрачными, почти прозрачными; они не говорили и не двигались — казалось, они были погружены в самадхи, глубокий транс религиозного созерцания. На них были одеяния, не известные нынешней моде. Тем не менее, это удивило Равану как нечто не вполне новое; проверив свою память он был поражен открытием, что видел всё это на картинах на религиозные сюжеты, украшавших стены его восточного дворца. Все восемь фигур в центре — семь располагались полукругом, вокруг одной, явно более важной — имели спутанные волосы, свернутые над головой в пирамиду, и одеяния из мочала.

Одна рука и одна нога центральной фигуры были сморщенными и сухими, как если бы он долгие годы, если не века, простоял в позе покаяния, что нарушило их естественные функции.

С благоговейным страхом Равана узнал в этой фигуре никого иного, как Ману Вайвасвату²³ (индийского Ноя), а в семи его приближенных — семь риши²⁴, или святых мудрецов Бхригу, Маричи, Атри, Пуластью, Крату и Васишту, которых Аватар-Рыба спас вместе с ним в ковчеге во время уничтожения мира. В таком случае, этот корабль не мог быть ничем иным как ковчегом Ману; теперь Равана понимал, почему корабль двигался без парусов и без руля, будучи привязан к рогу божественной рыбы. Но раз это ковчег Ману, значит, на земле опять начался потоп! Что же будет с Зингарель? Ланка тоже должна уйти под воду, и Сита с Рамой тоже должны погибнуть!

Тут Мандодари тихо сказала:

«Ах, Равана, ты думаешь о смерти Ситы! Для бедной Мандодари мысли не нашлось! Ни для твоей сестры, когтистой Шурпанатхи, лишенной теперь носа и ушей, ни для черноокой Сулочаны, благородной вдовы нашего brave Индраджита! Но мнится мне, что кое-кто из нас достоин памяти не меньше, чем она, поскольку, хоть лицом, несомненно, красива, чего я не осмелюсь отрицать, она, в сравнении кое с кем из нас, страдает недостатком округлости пропорций и выглядит довольно неуютно голой в районе шеи».

«Она жутко тощая», — сказала Шурпанатха.

«У нее спина кривая», — сказала Маходари.

«У нее павлиний голос», — сказала Анунасика.

«Лодыжки у нее, как у слона», — сказала Панкамагня.

«Она ужасно горделива», — сказала Аханкара.

«Она ужасная проныра», — сказала Гупта.

Равана прикусил губы при этом вмешательстве и неприятном повороте разговора и, обратившись к Сулочане²⁵, произнес с горечью:

«А ты, Сулочана, еще не говорила. Так в чем ты обвиняешь Ситу?»

Ответствовала благородная вдова Индраджита:

«Сита — прекраснейшая из женщин, истинная леди, величайшая героиня среди жен, светлейшая, дитю подобная душа, что ходит по земле. Как я хочу, чтоб мне она была сестрой, и чтобы с честью ее вернули мужу!»

Эта великодушная дань уважения со стороны той, что овдовела от руки шурина Ситы, вызвала спонтанный взрыв аплодисментов у всего собрания и порадовала Равану, несмотря на заключенный в ней упрек.

Он продолжил свой рассказ.

Рассматривая с удивлением призрачный корабль и неподвижные фигуры на палубе, он увидел, как из внутренней части судна появились три человека. По радужным крыльям и глазам антилопы он узнал в одном из них прекрасного гандхарву Давини. Равана заключил, что, судя по сходству со своим портретом, второй был сострадательным Муни Ке. В третьем, он к своему великому удивлению и восторгу признал ракшасу Суранга, одного из своих сторонников, который, как он полагал, должен был быть далеко на своей Ланке.

У него не было времени размышлять о том, как эти персонажи, особенно последний, оказались на ковчеге Ману, так как ракшаса Суранг тотчас бросился в воду, подплыл к нему, почтительно коснулся руками его ног и, приняв Равану на спину, успешно переправил его через воду и доставил на ковчег. Там Муни Ке коснулся пальцем его губ, обязав его хранить абсолютное молчание; все трое прошли вместе Раваной вперед и усьелись отдельно от медитировавших риши. Корабль опять шел с большой скоростью, и Равана мог видеть огромную массу фосфоресцирующего света перед носом корабля, выдававшую неясные очертания Рыбы, тянувшей по волнам корабль, который был соединен тросом с золотым рогом, находившемся впереди на расстоянии одной йоджаны.

Корабль шел вперед и вперед по пустынному океану. В монотонном движении, мертвой тишине и однообразии картины во всех направлениях Равана утратил всякое чувство времени. Возможно, прошло несколько часов, казавшихся ему годами, столетиями, эпохами плавания по бескрайним водам. Наконец, однообразие было нарушено ревом, доносившимся издалека; казалось, они видели, как из моря появился туманный столб и, опять погрузившись, пропал из поля зрения.

Когда корабль подошел ближе, оказалось возможным смутно различить очертания этого НЕЧТО. Оно напоминало нижнюю часть огромной раковины, из которой торчало то, что можно было принять за пятнистую шею гигантской лошади, ошетилившуюся гривой ветвящихся кораллов и увенчанную огромной, зазубренной, ракообразной кабаньей головой, задранной вверх и усеянной множеством клыков, напоминавших зазубренное

оружие меч-рыбы. У основания шеи были две вращающиеся руки, производившие вокруг себя настоящий водоворот.

Это был никто иной, как Хая-Грива, или «Конеглав», знаменитый Шанкасура, или Демон Раковины, который украл Веды изо рта спящего Брахмы и спрятал их в море; одна из задач Вишну в образе Рыбы-Аватара — убить его, чтобы вернуть Веды. Теперь конфликт между ними неизбежен. Демон Раковины и Рыба совсем близко друг от друга: демон всплыл под самым носом корабля, чтобы атаковать Рыбу с тыла, держа над водой свою огромную голову, вооруженную клыками.

Равана устремился вперед, чтобы рассмотреть чудище поближе, и, неосторожно склонившись, потерял равновесие и в полном облачении своих доспехов свалился вниз головой в отверстую задранную вверх пасть Шанкасуры. Через мгновение он был бы уничтожен, но верный Суранг, никогда не отходивший от него, ухватил его за край одежды, и хотя было слишком поздно, чтобы предотвратить сокрушительный удар от падения на острые клыки чудовища, ему удалось вовремя вытащить Равану и тем самым спасти от окончательной гибели.

Оглушенный во время падения, израненный собственной броней и острыми клыками демона, Равана лежал без сознания, истекая кровью в углу ковчега, пока к нему не подошел добрый Муни Ке, поднял, освободил от тяжелых доспехов с помощью гандхарвы Давини промыл его израненную грудь и руки и влил в губы глоток амриты, живительного небесного эликсира, который сохранил ему жизнь, но продлил беспмятство.

Когда на мгновение прервалось забытие целительной летаргии, Равана в полубессознательном состоянии услышал гимн, который глубоким голосом пел Сатьяврата, или Ману, называемый Вайвасватой, «Дитем Солнца»:

Гимн Вайвасваты Вишну,

Вечному Просветителю, Верховному Гуру, Духовному Руководителю душ

I

О Ты, чьей милостью дух,
Изнуренный хаосом мира,
Корни которого в самосознание,
Искаженным изначальной ошибкой,
Находят убежище здесь,
К кому все стремятся,
Податель свободы,
О Ты, Владыка,
Наш высший духовный Учитель.

II

Эта раса темных людей,
Деяньями прошлыми скованных,
Наслаждений желая, предается деяньям,
Приносящим только страданье.
Тот, чьим служением
Человек от порочных уходит стремлений, —
Только он может узел тот разрубить, —
Он наш Верховный Учитель.

III

Тот, чьим служением человек,
Как золото в огне, очищаясь от грязи
И тьмы, окружающей дух,
Обретает истинную ясность, —
Да станет этот неисчерпаемый Владыка
Трансцендентным нашим Учителем учителей!

IV

К тому, ничтожнейший атом
Десятитысячной части чьей милости
К человеку, Боги другие и Учители вкупе
Не в состоянии сами произвести, к нему,
О Господь, к тебе устремляюсь за помощью.

V

Как слепой поводырь, ведущий слепых,
Невежда ведет невежд;
Ты само Око-Солнце, светящее всем,
Водитель избранный наш, к тебе ищем путь.

VI

Человек других учит мудрости ложной,
Ведущей во тьму ужасной гибели;
Ты же Мудрость Бога сама,
Неисчерпаема и плодоносна,
Человека ведущая к восстановленью (давно утраченного) величия.

VII

Ты Друг человека, благой Повелитель,
Дух, Вождь, Мудрость, исполнение надежд;
Но человек, раб желаний, сердцем слепым
Не знает тебя, хоть живет в твоём сердце²⁶.

VIII

К тебе иду за просветленьем,
О Бог надмирный,
Истины пламенным словом разрушь
Преграды в сердце моем и яви нам себя.

Равана не мог сказать, что случилось после, что стало с Демоном Раковины, Рыбой, ковчегом и риши его сновидения. Обретя вновь сознание в сновиденческом мире, он обнаружил, что находится на маленьком Острове Пальм около Ланки — лежит в комнате замка ракшасы Каматура на попечении странного волшебника с севера и в окружении всех своих причитающих жен, однако ухаживает за ним с тихой нежностью только его главная жена, царица Мандодари.

«Ах, только в такие моменты нас ценят, — сказала Мандодари. — Полагаю, от Ситы тут будет не много проку». Сита хороша при ярком свете дня, среди зелени, веселых кавалькад, пестрых перьев и гирлянд, музыки и фейерверка, а Мандодари забыта. Но в полумраке и болезни, среди пузырьков, пластырей и примочек бедная Мандодари опять кое-что значит.

В этот момент, к изумлению и ужасу всего двора, как бы в качестве издевательского ответа на реплику Мандодари, сильный и глубокий голос запел сатирическую песню о женах поэта Амриты Райя:

За денежки, за деньги выходят замуж жёны,
А вовсе не за мужа;

I

Пока приносит деньги муж и делает детей,
Она его ласкает, заботится о нем —
За денежки, за деньги.

II

А если заболит, оглохнет или спятит, и если разорится,
Жена мегерой станет —
За денежки, за деньги.

III

Амрита Рай свидетельствует вам
На личном своем опыте и клятвой закрепляет;
За денежки, за деньги выходят замуж жёны,
А вовсе не за мужа — эх, никогда!

Это наглое вмешательство исходило от Мадхави, которого Равана наградил почетным титулом «Панкаджа», что придворные дамы смягчили в «Панза», за его прекрасный голос и обильный юмор. Эти был толстый коротышка, пользовавшийся всеми привилегиями, дарованными ему его положением видушаки, или придворного поэта-шута и ядовитого куплетиста.

Этимологически слово «панкаджа» означает «рожденный в грязи»; это самое обычное название лотоса, или водяной лилии, которое, как известно каждому, кто знаком с индийской литературой, используется как усилительный эпитет для всего, обладающего каким-либо качеством превосходства: «лотосоглазый», «лотосорукий» и т. д. Мадхави был горд как своим почетным прозвищем, так и положением при дворе, и формально представлялся более низким слоям населения Ланки как «Мадхави-Лотос, Придворный Шут».

Но однажды случилось так, что, возвращаясь в дождливый сезон домой в полном придворном облачении, он свалился в канаву и увяз так глубоко, что смог выбраться, только ухватившись за хвост вылезавшего из нее буйвола, за что озорные ланкийские мальчишки переименовали его в «Панка-магня», что значит «застрявший в грязи». Впоследствии, когда он появлялся на улице, они бежали за ним, крича: «Мадхави, застрявший в грязи Придворный Шут!», что вызывало взрывы смеха, к которому коротышка-шут сам добродушно присоединялся.

«Мадхави! — сказала Мандодари, — Ты привилегированная персона, и никто не принимает всерьез исходящее от тебя. Твой прекрасный голос и остроумие компенсируют тысячи твоих клевет, и в твоём случае наглость считается свободой исполнения твоих должностных обязанностей. В противном случае достойным ответом на скандальные эмоции, выраженные в этой песне, было бы утверждение, что она написана мужчиной, и прежде, чем мы примем его свидетельство, я хотела бы знать, как он обращался со своей женой».

«Более того, это написано о женах, которые будут жить в кали-югу и совершенно не применимо к нашим спутницам, живущим в наш, лучший век, который пока не настолько деградировал», — сказал Равана примирительно.

«У Мадхавы Панзы для каждого припасено доброе слово, — сказала хитрая Гупта, проказливая приятельница Мандодари. — После выражения столь лестного мнения о верности и привязанности жен я хотела бы услышать его панегирик своим братьям по полу. Вряд ли им больше повезет в его руках».

«Вы его получите, — весело ответил Водяная Лилия, — но имейте в виду, что это не я сказал, а поэт Хари Сута или, как он сам иногда называл себя, Хари Танайя. Что же касается меня, то, когда я предаюсь философским размышлениям, — а я всегда занимаюсь этим после обеда, — я нахожу, что у каждого вопроса всегда есть две стороны, два аспекта каждого отношения в жизни — благой и дурной. Однако в своем призвании видушаки я по необходимости должен предпочитать тот, что наиболее сатиричен, ироничен и способен вызвать больше веселья. Сон царя так насыщен печальными и мрачными образами, что просто необходимо немного смеха, дабы разрядить болезненное напряжение наших мозгов».

Сказав так, он своим красивым низким голосом запел песню Хари Суты о друзьях, которая была ничуть не более хвалебна, чем песня Амриты Райя о женах:

Денежки, деньги друзей привлекают,
А вовсе не струны любви.

I

Пока тугой набит карман,
Друзья нас любят наши.
Всё денежки, всё деньги.

II

Когда же ты в опасности,
Они с великой радостью
Тебя позорить будут.
Всё денежки, всё деньги.

III

Хари Танайа вам правду сказал,
На собственной шкуре ее испытал.
Денежки, деньги друзей привлекают,
А вовсе не сети любви.

«Мне, — сказала серьезная красавица Сулочана, — всё это легкомысленное веселье в тот час, когда на Ланке так много сердец оплакивают павших героев, когда под угрозой судьба города и царства, когда сам царь рассказывает сон о зловещих предзнаменованиях, представляется неуместным и бесчувственным. Продолжай, дорогой свекр! Я в нетерпении услышать, что случилось после того, как к тебе вернулось сознание и ты обнаружил, что лежишь во дворце ракшасы Каматура».

Завершение сна, поведанное самим Раваной

Тихо вошла Мандодари
В покой, где лежал одиноко я;
Беззвучно у одра зарыдала;
Ни слова — лишь стоны и слезы.
Вдруг разом, в едином вселенском порыве,
Завыли
Восемь на десять тысяч женщин,
Вкруг одра стоявших;
Глаза их слезами красны,
Щеки бледны ожиданьем;
Волосы рвали они,
Головы пеплом свои посыпая.
Бия себя в грудь,
Пронзительно выли и хрипло,
Мольбы чередуя с проклятьем,
Как будто усопшим я был.

Плач ланкийских женщин

Строфа

Кто ранил царя Равану?

Не Рама ли, Айодхьи принц?

Не Лакшмана ли, превосходный лучник?

Быть может, перс, варвар, иониец?

Антистрофа

«Я, Шанкасура, Демон Вод,

Кошмар морских глубин;

Я пасть открыл, и он упал.

Я ранил Равану;

Не Рама, принц Айодхьи,

Не лучник Лакшмана,

Не перс, не варвар и не иониец».

Строфа

Кто видел, как падал великий титан,

Склонившись, высокий, могучий,

Как башня, как крепость прямой,

Сраженный магической астрой?

Антистрофа

Я, Вайвасвату, Ману — ковчег мой,

Как ураган неся по волнам;

Я видел, как падал великий титан,

Склонившись, высокий, могучий,
Как башня, как крепость прямой,
Сраженный магической астрой.

Строфа

Кто же его за одежду поймал,
Пока он в пасть совсем не упал?

Антистрофа

Я, — сказал ракшас Суранг, —
Его латы громко звенели
О Демона Вод алмазные зубы,
Когда он с грохотом рухнул
В асура ужасную пасть.
Я вытянул мощную ракшаса руку,
И край одежды его я поймал,
Пока он в пасть совсем не упал,
Где смертью страшной
Он бы точно пропал.

Строфа

Кто бедного Равану поднял, понес
И чашу амриты ему преподнес?

Антистрофа

Я, — сказал сострадательный Ке, —
Когда он в крови без сознания лежал,
Я поднял его,
И чашу амриты к губам я поднес
И пить повелел, пока не уснет.

Строфа

Кто исцелил нам Равану?
Был ли то шака²⁷, перс, варвар или иониец?
Кто прекратил кровотечение
Лекарством или волшебным средством?
Может быть, он, сострадательный Ке,
Кто поднял его,
И чашу амриты ему протянул
И пить повелел, пока не уснул?
Или гандхарва Давини?
Или врачи-близнецы Ашвины?²⁸
Или один из тех трех риши,
Что море бороздят в ковчеге Ману?
Или мудрый Морешвар, —
Дворца его высятся башни
В лесу Грантха Нагари?²⁹
Может быть, Ватса или Валиншал,
Его ученики, живущие при нем,
Алхимию и мудрость изучая?
Кто исцелил нам Равану?
Шака, перс, варвар или иониец?

Антистрофа

Я, — сказал перс муні Бхимс, —
Волшебник, врачующий раны,
Ноги, руки и пальцы,
Вывихи челюсти, сломанный нос,
Мужчин, павлинов, женщин, коров,
Козлят, детей, лошадей и быков.
Я вылечил Раваны руку
Заклинаньями и амулетами,
Мантрой, тантрой и травами.
Экстракт пиявки и масло жука;
Медовый желудок и розы цветы,
Перепонки вампира,
Дробленое ухо мумии кошки,
Хвост серой крысы,
Изъятый из норки
Под корнем баньяна;
Ящери лапа, жало осы,
Тарантула ноги и сороконожка,
Пыль с перекрестка
И нить паутины,
Голова муравьиного льва,
Кузнечика длинные ноги,
Челюсти жабы, яйцо василиска,
Паразит, что процветает,
Жирея, на шкуре коровы,
Глаза насекомых, что вороны достали
Из уха мучимой ими коровы,
Антилопы рога и копыта,
Термиты из крыши гнилой,

Веки геккона, зуб кобры,
Сок мака, конопля и гашиш,
Пушок со щеки покрасневшей девицы,
Роса с губы ослабевшей вдовы,
Что костра испугавшись, бежала
И не будет оплакана —
Сперва почтена, потом сожжена
В день похорон,
Ногти старого скряги,
Что чахнет над золотом;
Женщины печальная слеза
По первому седому волоску;
Последние остатки черной бороды
Стареющего щеголя;
Раджи печенка, желчь брахмана —
Всё это растерев, смешав, сварив
В котле колдуньи,
Я исцелил царя.
Не риши Ке, и не гандхарва Давини,
Не близнецы Ашвины,
Не Нала Сиддх, бродячий муни,
И не Морешвар, Ватса, Валиншал —
Один, без помощи,
Я Раване помог.

Строфа

Кто выходил царя?
Шурпанакха с ногами-корзинами?
Или печальная Сулочана со вздохами вдовы,
С потоком слёз и скорбным причитаньем
По Индраджиту,
С прекрасными очами,
От коих отшельник, если мудр,
И йогин в отчаянье бежит,
Отводит муни взор,
А риши дрогнет.
Была ль то варварка, а может, ионийка?

Антистрофа

То я была, — сказала смуглая в слезах, —
Я Равану любила всю сотню лет.
«То я», — сказала Мандодари,
Сидя на медвежьей шкуре. —
Я выходила Равану —
Не Шурпанакха с ногами-корзинами,
И не печальная Сулочана со вздохами вдовы,
С потоком слёз и скорбным причитаньем
По Индраджиту,
С прекрасными очами,
От коих отшельник, если мудр,
И йогин в отчаянье бежит.
Отводит муни взор,
А риши дрогнет,
И не варварка, не ионийка.

Хор женщин

Внимайте скорбному плачу
Над морем, землею и небом
Бессмертных всех рас!
Рыдают все, лица закрыв.
Все дайтьи, данавы³⁰ — асуры
С богами прервали войну;
Все якши³¹ и ракшасы
К верховному ракше взывают;
Бхуты³² оставили мерзкий свой пир.
Раздается в склепе жалобный вопль:
Ракшани пронзительно кричат на бхутини,
Якшини вопят на дакини.
Череп пишачи отвергли
Полные крови, а нага
Капюшон раздувает змеиный;
Киннара повесил лошадиную голову,
Сидхи прервали по облаку бег,
Якши сокровища не стерегут;
Гуюки забросили стражу,
Прервали пенье гандхарвы,
Ароматы не распространяют;
Апсара, которая танцем
Изящным приветствует солнце,
Из моря поднявшись,
Внезапно застыла.
Мудрецы видхьядары перестали слагать
Волшебные формулы на небесах;
Печальные рудры слезой омывают

Урагов, что им на грудь заползают;
Все дружно сливаются в вопле
Печали и скорби по ране титана.
Природа свой жалобный стон издала
По сыну любимому.
И даже скал кремнистые сердца
Издали стон и содрогнулись;
Деревья скорбно приуныли,
Шиповник голову повесил,
Фиалка лепестков лишилась,
В тоске заплакал первоцвет,
Закрылся сонно луноцвет;
Дриады и фавны в лесах,
Наяды и келли в водах,
Все феи и духи вздыхали, рыдали,
Услышав о бедного Раваны ране!

На этом, под всхлипывания Мандодари, заканчивается таинственный сон Раваны. Его толкование начнется в четверной части. Третья, к которой мы сейчас приступим, посвящена ракшасе Каматуру и его сверхъестественному оружию.

IV

ПЕСНЬ О СОБРАНИИ

Часть III

Ракшаса Каматур и сверхъестественное оружие

При упоминании Раваной ракшасы Каматура все собравшиеся многозначительно заулыбались. «Каматур» значит «больной от любви», или «безумно влюбленный»; так как он был без ума от Ситы, то эпитет «Каматур Ракшаса», т. е. «Безумно влюбленный Титан», стал негласно применяться к Раване во всех группках сплетников вокруг ланкийского двора, поскольку, как в наше время, так и тогда подданные свободно и детально обсуждали недостатки своего монарха, хоть и преданно за него сражались и храбро умирали.

На самом деле это прозвище ему дал его собственный добродетельный брат Бибхишана, который, несмотря на верность брату и его правлению, постоянно возражал против несправедливого удержания Ситы и предупреждал его о фатальных последствиях упорствования в таком поведении. Однако это была не единственная причина тайной иронии.

Среди внимавших рассказу о сне, среди сенапати, или военачальников, занимал подобающее ему место настоящий ракшаса Каматур, упоминавшийся в рассказе Раваны. Он был самым старым другом и соратником царя титанов, а также любимцем всех его придворных. Однако ему было свойственно такое ироническое умонастроение и так эксцентрично было его поведение, что простое упоминание его имени, прочно ассоциировавшееся с юмором, в контексте столь мрачного повествования, почти трагического по своей общей окраске, стало слишком сильным контрастом серьезности собрания.

Изначально этого титана звали Кападаной; это имя указывало на сочетание в его характере гнева и щедрости, но с тех пор, когда он руководил ловлей жемчуга, его изменили на Каматур. Дело в том, что, отправляя эти функции, он в течение нескольких месяцев оказывал гостеприимство группе прекрасных апсар, чья добродетель равнялась их красоте; небесных нимф, танцующих как дымка на солнечных лучах, — и страстно влюбился в одну из них, по имени Рамания³³, что значит «Чаровница».

Его любовь была столь же рыцарской, сколь пылкой, и поскольку объект его страсти отозвался на нее не более чем благодарной дружбой, он ограничил выражение своей любви тем, что по ночам в полном обмундировании нес стражу у входа в башню, где располагалась комната красавицы, и разгонял якшей и пишачей, наводнивших окрестности с намерением выкрасть ее.

Одной из примечательных причуд Каматура была его (якобы) любовь к диким животным. Он собирал всевозможных зверей и птиц, попадавшихся ему под руку, и роскошно кормил их; он строил огромные больницы для содержания животных (вроде современных пинджара-пуров в Сурате и Бомбее) и проводил немало времени в их обществе. Он был хорошо известен среди оленей, вепрей, овец, козлят, павлинов, цаплей, голубей и т. д. и любим ими; в его благородном служении животным ему помогал буддийский монах; при этом, как ни странно, его привязанность была обманчива. Он забивал своих любимцев одного за другим и с наслаждением вкушал их — не только без малейшего раскаяния, но даже с жестоким рвением, выдававшим скрытого титана.

Истинное решение такой непоследовательности заключалось в следующем: Каматур был убежденным сторонником переселения душ. Однако к этой общей доктрине он привил собственную теорию, а именно, что счастье души после каждого ухода зависит от ее состояния (счастливого или несчастного) в момент перехода из одной сферы жизни в другую. Таким образом, величайшей милостью, которую можно оказать животному, является прекращение его существования в тот момент, когда оно полностью откормлено, пребывает в довольстве и наслаждается жизнью. По всей видимости, эта теория была ему подсказана бедственным положением старых и больных животных, влачивших жалкое существование в пинджара-пурах, или приютах для животных, что в немалой степени послужило ее оправданию. Кроме того, оказалось, что она замечательно гармонирует с очень здоровым вкусом титанов к доброму жирному бараньему филейчику, оленьему бедру и зажаренной целиком кабаньей туше.

Другой его особенностью было использование мохан-астры и восторг, который он при этом испытывал. Астры — это весьма загадочный на первый взгляд вид оружия, постоянно упоминаемый в древних индийских легендах. Иногда они имеют осязаемую форму, и то обстоятельство, что они поражают противника огнем, наводит нас на мысль, что это не что иное, как ракеты или снаряды, и что древние индийцы были прекрасно знакомы с порохом. Однако дальнейшее знакомство вносят поправки в это представление. Мы находим описания того, как использующий это оружие стоит на поле боя со сложенными руками и всего лишь силой внутренней медитации посылает свои астры, чтобы остановить или уничтожить вражескую армию.

Мы читаем о таких «стихийных» астрах как «Влажная Молния», «Сухая Молния», «Астра Дождя», «Астра Засухи», «Астра Мороза»; о духовных астрах вроде «Чар», «Обольщения», «Безумия», «Опьянения», «Трепета» и «Паники» и о физиологических типа «Склонения ко сну», «Усмирения» и «Паралича».

Так мы приходим к выводу, что всё это вооружение имеет сверхфизический характер и должно истолковываться в категориях аналогии трем сферам европейской мысли и опыта, а именно магии, месмеризма и современной электробиологии.

Мы помещаем здесь любопытный перечень этих видов оружия, взятых из Рамаяны. Рукописи значительно разнятся между собой в этом отношении, даже печатные издания Шлегеля и Горресию несколько отличны друг от друга в том, что касается порядка, количества и наименования астр. Полиграфически совершенное издание Горресию, текст которого, тем не менее, в целом выверен не столь тщательно, как у Шлегеля, содержит более полный список. Нижеследующий каталог магического оружия мы составили на основе сравнения обоих изданий³⁴:

Список астр, или сверхъестественного оружия,
доставленного Раме мудрецом Вишвамित्रой для битвы с титанами

«Брахма Аста», ужасная для всех трех миров.

Астра, или Диск, Кары, истребляющая людей.

Астра, или Диск, Дхармы (Немезида) — сам рок.

Необоримая Астра, или Диск, Судьбы.

Эфирный «Диск Вишну».

Беспощадный «Диск Индры».

Неодолимая «Молния», великолепный «Трезубец Шивы».

Ужасная «Голова Брахмана», астра, подобная стреле.

Несравненная «Брахманическая Астра», «Шанкар-астра» с пылающей пастью.

Две прекрасные дубинки Мондаки и Шикара.

Увенчанная железной головой дубинка Вишну Каумодаки.

«Петля Закона» и «Петля Судьбы».

Удивительная «Петля Варуны» (Бога вод).

Две молнии Индры, «Влажная» и «Сухая».

Астра Носителя Трезубца и «Нараяна-астра».

Огненная астра «Точка» и астра ветра, называемая «Вихрь».

Астры «Смалывающая до атомов», «Разбивающая вдребезги» и «Разрывающая врагов на куски».

Астра «Конская Голова»; «Молот» и «Клюв Цапли».

Два копыта: «Бьющее в цель» и «Победоносное».

Ужасные «Пест для скелета», «Браслет из черепов» и «Звнящий Пояс из Гремящих Костей», носимые титанами.

Великая астра видхьядхаров (поднимающихся в небо, держа во рту волшебную таблетку) под названием «Восторг».

Астры «Погружающая в глубокий сон», «Полностью Умиротворяющая» и «Парализующая».

Астры «Солнечная», «Дождь» и «Засуха».

«Сжигающая» и «Марающая».

Астры «Соблазн» и «Сводящая с ума»³⁵, близкие сердцу Купидона.

Обожаемая гандхарвами астра Мохана, или «Чары».

Астра Сура, лишаящая блеска и красоты; «Разрывающая врагов».

Астра Пайшача, или «Дьявольская», называемая также «Поедатель кровавой плоти».

Астра «Кубера» (осыпающая золотом).

Астра «Ракшаса», или «Титан», лишаящая противника удачи, храбрости и жизни.

Астры «Лишающая чувств», «Хлещущая», «Трепет» и «Настигающая врага».

Астры «Потоп», «Пучина» и «Тромбовка».

Астры «Истина» и «Ложь», а также Махамайа, или «Великая Магическая Иллюзия».

Астры «Героизм», «Величие» и «Похищение чужой славы».

Астры «Луна» и «Мороз», а также астра Тваштра, или «Демон Хаоса», страшная для врагов.

Непобедимая «Разящая астра»; астры Дайтья и Данава.

«Златоконечная Стрела», специфически человеческая астра.

Чисто духовная природа этого оружия, а также тот факт, что оно вызывается и материализуется магической формулой, хранится в разуме и пускается в ход внутренним актом воли, становится очевидным из следующего отрывка, следующего за перечнем астр:

Тогда, лицом повернувшись к востоку, выдающийся чистый муни

Довольному Раме вручил несравненную коллекцию астр:

Даже Богам это непросто постичь.

Те астры он Раме довольному устно доставил,

Бормоча про себя мантрамов список длиннейший;

Астры в видимой форме явились

И выстроились в ряд перед принцем.

Все эти астры, радуясь,

Руки, покорно сложив, Раме сказали:

«Вот мы, великодушнейший Рагху потомок!

Слуги твои — прикажи нам».

Рама, их приняв благодарно, рукою их тронув³⁶,

Так повелел им:

«В разуме мирно покойтесь

И, когда о вас вспомню,

Верно служите мне».

Когда профессор биологии простым актом воли и сказанным словом заставляет свою жертву не только поверить, что ей холодно, но самым натуральным образом дрожать от мороза в разгар летней жары, он просто своим сознанием направляет на нее «Морозную Астру». Когда он заставляет пациента прятаться под стол от атак безжалостного шторма, он использует «Влажную Молнию» и «Астру Дождя». Когда он заставляет его почувствовать вкус вина от глотка чистой воды, почувствовать опьянение и, вследствие оно, шататься на ногах, — это действие «Астры Опьянения». Когда слово приковывает ноги пациента к полу или заставляет его закрыть глаза так, что он не в состоянии их открыть, — это «Астра Паралича».

«Погружение в глубокий сон», «Полное успокоение» и «Астра паралича» имеют свои соответствия в гипнозе, к которому биология тоже имеет некоторое отношение.

«Сожжение», «порка», «размалывание до атомов», «разбиение вдребезги», «Астра паралича» и прочие астры физических страданий напоминают наказания, которыми маг Просперо угрожал непокорному Калибану в соответствии со своей хорошо известной профессиональной практикой. Астры соблазна, очарования, пленения, сведения любовью с ума принадлежат к числу признанных приемов магии; собственно говоря, любовь как таковая признается магической и месмерической силой, действующей через глаза.

Сила влияния на мозг через глазной нерв путем фиксирования взгляда на одной точке, особенно, светящейся, к которой прибегает биолог и которая представляет собой всего лишь иную форму гипноза, используемого г-ном Брейдом, а также фиксация взгляда на блестящем жестяном блюде, практикуемая Якобом Беменом, с незапамятных времен использовалась экстатическими школами Индии: многие йоги, следуя рекомендациям Кришны в Бхагавадгите, сосредотачивали взгляд на кончике носа, а другие — на уголке брови.

Однако это нечто весьма отличное от «очаровывания» посредством фиксации пристального взгляда на глазах лица противоположного пола, которая затрагивает саму душу. Нам нет нужды заострять свое внимание на вполне естественном использовании этого приема и на его последствиях в любовных занятиях. Гораздо более интересно современное применение этой практики с целью вызвать гипнотический сон, что доказывает существование несомненной связи между магией, гипнотизмом, очарованием и любовью, понять которую было бы весьма полезно.

Использование этого способа гипноза посредством взгляда тем более любопытно, что он упоминается как практиковавшийся в Индии более двух тысяч лет назад, чтобы обаять или парализовать волю женщины, или же, как ни странно, чтобы уберечь ее от встречного очарования со стороны любовника.

Ученик по имени Випула, попечению коего его учитель торжественно вверил свою жену, обнаружил, что она склонна придавать слишком много значения лести и комплементарам некоего небесного визитера, по павлиньи распускавшего перед ней хвост во время отлучек ее мужа, загипнотизировал ее, глядя ей в глаза, и настолько сковал ее волю, что она утратила способность говорить и двигаться.

Эта история, изложенная в Анешасана парва, адхья VI, Махабхараты, является одной из самых любопытных во всём корпусе индийской литературы. Как ни странно, теоретическая основа здесь совершенно иная и чисто индуистская, несмотря на используемый Випулой метод и характер его воздействия на женщину. В данном случае дух, или разумное начало, Випулы покидает его тело и входит в тело женщины через глаза и рот; его же собственное тело на это время становится как бы безжизненным.

Вот эта история, — следует лишь отметить, что Шакра — другое имя Индры, Юпитера-громовержца индуистского Пантеона, но при этом весьма второстепенно божества, в сущности, просто ангела грома и дождя в той форме индуизма, которая пришла на смену ведической и к настоящему времени с некоторыми модификациями уже почти три тысячи лет господствует в Индии. Он такой же повеса, как и его олимпийский аналог, чьим

прототипом в данном отношении он, в сущности, является, однако более последовательно представить его прекрасным небесным юношей, сошедшего на землю из Сварги.

Випула, муни-аскет, гипнотизирует Ручи, жену своего наставника,
чтобы уберечь её обольстительных речей Индры, или Шакры

Этот Випула, могучий аскет, сев рядом с супругой наставника,
Зачаровал всей силой своей прекрасную женщину, что сидела напротив.

Глазами своими глядя в нее, так что луч сливался с лучом, Вошел в ее тело Випула, как ветер
заполняет пустое пространство,

Взор ее своим взором и ртом своим рот её [проникая].³⁷

Неподвижным муни остался, тени подобно внутрь себя погрузившись;

В нем пребывая,

Управлял он женщины телом

Стремясь безопасность ей обеспечить;

однако вторженья его она не узнала.

Он охранял ее всё время, пока наставник отсутствовал

И пока домой не вернулся духом могучий, жертву свою завершив.

Однажды Дэвов Владыка, в тело красы неземной облачившись,

Думая: «Время настало моё», к муни жилищу приблизился.

В красе несравненной, страсть вызывающей, людей повелитель

В жилище вошел, красотой сияя.

Там увидел он тело муни Випулы,

Неподвижно сидевшего с взглядом застывшим, изваянью подобен,

И Ручи со взором прекрасным, с округлыми формами и грудью молочной,

С глазами как лотос и лицом, что луна в полнолуние.

Увидев его, она возжелала подняться,

Его красотой пораженная, спросить захотела: «О кто ты?»

Однако же дама, встать пожелав, была Випулой удержана;

Скованная, о Владыка людей, не могла шевельнуться.

Дэвов Владыка к ней обратил в высшей степени нежную речь:
«Знай, что Дэвов Владыка явился к тебе, чья улыбка чиста,
Страдая любовью к тебе и страстью, влекомый.
Спеши же! Времени мало осталось».

Шакру, что к ней так обратился, муни Випула услышал:
Устроившись в теле, супруги наставника,
Дэвов Владыку увидел.
Сия непорочная женщина встать не могла,
Не способна была она вымолвить слово, Випуле подвластна.
Сын Бхригу, смотревший в теле, супруги наставника,
Силой обильный пресветлый мудрец йогой сковал её, о повелитель;
Узами йоги замкнул он все её органы чувств.
Муж Сачи, узрев безразличье её, опять,
Ошеломленный, обратился к ней, зачарованной силою йоги.
Ответить ему она захотела: «Приди, о приди!»
Но Випула изменил все слова супруги наставника,
И «Боже, зачем ты пришел?» — было ответом ее,
Украшавшим матрону, что вышел из уст ее чистых, подобных луне.
Она поразилась, произнеся эту речь под контролем чужим; Изумлен был Городов
Разрушитель, стоявший пред ней.
Царь Дэвов при виде ее отвращения,
Тысячеглазый, бросив взгляд своего (духовного) небесного ока,
Муни узрел в её теле, которого видел
Как в зеркале образ, отраженный в теле, супруги наставника;
Он созерцал Городов Разрушителя, вооруженный укрощеньем ужасным.
Затрепетал тот, крайне встревожен, страшась проклятья ужасного.

Випула, знаменитый аскет, выйдя из тела супруги наставника
И вернувшись в своё, так обратился к дрожащему Шакре:
«О раб своих чувств, злонамеренный, грешный Городов Разрушитель!

Недолго будут люди и боги продолжать тебя чтить!
Не забыл ли ты, Шакра, то, что помнить ты должен:
Как был Гаутамой отпущен, заклеимённый позором?
Я знаю тебя, обладателя детского разума и бесконтрольного духа:
Глупец! Эта женщина мною хранима, — так изыди, откуда пришёл, проказник несчастный!
Не заставляй меня, о слабоумный, испепелить тебя светом священным.
Из состраданья, Сын Васу, к тебе не хочу тебя сжечь.
Но если более страшный Повелитель Ума, мой наставник, застанет тебя замышляющим злое,
Он на месте спалит тебя взором, гневом горящим.
Впредь так поступать ты не должен; брахманов должен ты чтить.
Тот, кто в Писании назван «сыном моим и слугой», сражает силою Бога,
И против него собираешься ты согрешить, доверившись мысли: «Я ведь бессмертен».
Берегись же и помни: нет того, что невозможно свершить силой аскезы.»
Услышав речи Випулы, сильного духом, Шакра,
Пристыженный, слова не молвив, на месте растаял.

Но вернёмся от рассказа о чарах к теме астр. Заметьте, что в списке этих разновидностей духовного оружия одна астра, а именно «златоконечная стрела», названа специфически человеческой. Следует признать, что он изрядно смахивает на «хладную сталь», что была излюбленным оружием нашего знаменитого соотечественника, лорда Гоу, причём мы весьма склонны сомневаться в духовности этого оружия. Тем не менее, некоторые, несомненно, духовные его разновидности достаточно устрашающи.

Существует «разящая», или «убивающая» астра, вроде той, что используется черными магами; астра страха, сеющая панику среди противника; астра обморока, или безумия, в мгновение ока парализующая свою жертву потерей сознания, а также «губящая врага»; смутные воспоминания о них сохранились в нашем языке популярных проклятий.

Кроме того, существует класс демонических астр, которые, должно быть, оказывали кошмарное влияние на воображение, таких как Дьявольская Астра, «Пожиратель плоти», и астра ракшасов «Канкала-Мушала», название которой Шлегель переводит как «пест, дробящий кости» (*borrendum pistillum ossifragum*),

однако его лучше перевести как «Пест скелетов», что полностью гармонирует с двумя ее спутницами, «Браслетом из черепов» и «Звенящим Поясом из Гремящих Костей», которые так любили носить титаны.

Однако есть некий более своеобразный и поразительный вид духовного оружия, чем любая способность причинения страданий, которую до сей поры сумело породить западное искусство сверхъестественного. Это оружие называется «Дхарма-Паша», что мы в полном согласии со Шлегелем переводим как «ПЕТЛЯ ЗАКОНА»:

Tunc legis laqueum, fatigue laqueum invictum,
Varuni quoque laqueum do tibi celebratissimum.

(Вот петлю закона, непобедимую петлю судьбы и знаменитую петлю Варуны вручаю тебе.)

Европейские колдуны и ведьмы могли сеять гибель, чуму и разные недуги кончиками своих пальцев. Американский биолог умеет поочередно бросать своего пациента в жар или холод, полить его дождем, заморозить и застрашать ураганом или громом и молнией. Однако лишь оригинальный и тонкий гений индийской магии был способен наделить своих адептов силой, которая позволяла им, удобно расположившись в собственной комнате, простым усилием «астрической» воли набрасывать на врагов «Петлю Закона» и заставлять их страдать от всех мыслимых неприятностей, напастей, мук и потерь, а также от издержек воображаемого судебного преследования в Верховном Суде! Такова была вершина магической мести.

(В конце концов, мы можем по ходу дела задаться вопросом: а реальны ли все эти астры, являются ли они настоящими духовными способностями, которыми могут обладать и пользоваться по своему усмотрению более высокие по сравнению с человеком разумные существа? Само слова «астра» — производное от корня АС, т. е. «бросать», или «посылать»; это выпущенная духовная стрела. Не заключается ли в этом некоторой аналогии посланникам, или АНГЕЛАМ, смерти, чумы, наказания и т. д., о которых мы читаем в Священном Писании?

Когда мы читаем о духе, сказавшем: «Я буду духом лжи в устах его пророков», не напоминает ли нам это «Астру лжи»? Когда ангелы поражают преследователей Лота слепотой и сумасшествием, не является ли это появлением способности, подобной астре безумия, отупения и миража? Не является ли величественный образ Ангела Господня, глядевшего из столба и мучившего египтян, примером сверхъестественного проецируемого воздействия, напоминающего астру страха и паники?

Наконец, не узнаём ли мы мучительно «Астру божьей кары, вызывающую уничтожение людей», в образе ангела кары, пред которым гибнут воинства — ангела гнева, посланного, чтобы уничтожать? Всё это заслуживает серьезного раздумья.

Теперь, после длительного, но не вполне бесполезного отступления, мы можем вернуться к ракшасе Каматуру; астра, которую он использует в этом диком повествовании, — это астра гандхарвов, Мохан, или «Астра Очарования», — случаи и характер ее применения совершенно невинны и весьма заняты. Подобно прочим ветеранам-военачальникам, Каматур имел обыкновение с восторгом рассказывать свою излюбленную историю о двух гигантах, Амуке и Тамуке, в которой он тоже фигурировал, так многократно и часто, что все успели выучить её наизусть и устали от необходимости выслушивать её вновь и вновь. Поэтому, как только он начинал произносить «Помнится, однажды Амук сказал Тамуку», все вокруг, включая даже его старого друга Равану, более чем прочие, терпимого к нему, без промедления разбегались. Это очень удручало Каматуру, так как рассказывать историю об Амуке и Тамуке стало для него жизненной потребностью. Поразмышляв некоторое время на эту тему, он оседлал своего серого коня Ваюбхакшу, что значит «Питающийся Ветром», и помчался к риши Мариче.

Марича был мудрецом-аскетом, жившим в своем ските в одном из южных лесов, деля свое время между тремя великими путями поиска индуистской трансцендентной мудрости. Первый путь, который можно несколько условно обозначить термином «покорение себя», в свою очередь включает три стадии: त्याгу, или отречение от мира и отказ от всех вещей; вайрагью, или достижение бесстрастия, безразличия и незаинтересованности путем подавления всех страстей и желаний, и тапас, или героическое умерщвление плоти путем продолжительного и мучительного покаяния.

Второй, созерцание, также включал три стадии: йогу, или воссоединение разрозненного духа путем строгого самоконтроля и удаления его из окон чувств, выходящих во внешний мир; самадхи, внутренний мистический транс, или пробуждение навстречу духовному миру как результат продолжительного сосредоточения на себе, и джняну, или гносис, интуитивное знание, ясновидение, истинное состояние духа, восстановление коего наступает вследствие предварительной подготовки.

Третий, сиддхи, или магическая сила, по идее состоит из восьми ступеней, однако, как явствует из дальнейшего, их различные перечисления, даже за вычетом всех чисто ментальных, таких как удовлетворение ума, свобода от желаний, свобода от печали и т. д., а также чисто физических и притом негативных, вроде освобождения от болезней, боли, жары, холода, влияния стихий и т. п., увеличивают число магических способностей по крайней мере до тринадцати.

Список сиддхи, или сверхъестественных способностей

Самопитание — способность моментальной спонтанной выработки питательных соков, обеспечивающих здоровую жизнь без приема внешней пищи.

Покой — способность отдыхать везде, в любое время и при любых обстоятельствах.

Ровность — способность пользоваться спокойной неизменностью состояния и жизни при любых обстоятельствах.

Малость — способность уменьшаться до размеров атома, становясь невидимым, и проникать сквозь твердые тела.

Огромность — способность беспредельно увеличивать свои размеры так, чтобы коснуться пальцем Луны и звезд.

Легкость — способность освобождаться от тяжести, ходить по воде и парить в облаках.

Тяжесть — способность беспредельно увеличивать свой вес, не поддаваясь никакому усилию сдвинуть с места.

Быстрота — способность простым усилием воли перемещаться в любую точку пространства.

Овладение — способность приобретать всё, что пожелаешь.

Метаморфоза — способность по желанию принимать любую форму.

Подчинение — способность управлять волей других людей.

Несокрушимая воля.

Верховенство — превосходство и сияние небожителей.

Марича уже овладел всеми этими качествами, кроме трех последних. Внешне он напоминал панджару, что буквально означает клетку, т.е., попросту, скелет; в отношении питания он был вайюбхакша, т.е. «питающийся воздухом», и обладал способностями кечары, т.е. мог передвигаться по небу. При всех своих выдающихся качествах он был робок и скрупулезен в делах веры, и наилучшие его суждения нередко уступали его религиозным страхам. В частности, когда Равана, решив выкрасть Ситу, явился к Мариче и попросил его принять форму прекрасного оленя и увлечь Раму и Лакшману подальше от ее обители, тот сначала отказался, но уступил угрозам ракшасы убить его и тем самым стал его сообщником в преступлении, — разумеется, не по причине земного страха смерти, а в результате довольно корыстного подсчета выгод и потерь.

Он рассуждал следующим образом: «Если я, приняв облик золотого оленя, буду убит стрелой из лука божественного Рамы, то немедленно достигну освобождения, навсегда покину этот мир феноменальной иллюзии и никогда более не вернусь в этот несчастный цикл рождений и смерти; если же, с другой стороны, я приму смерть от нечестивой руки этого титана, мои будущие возвращения в этот иллюзорный мир и уходы из него, рождения и смерти, могут оказаться бесконечными. Я навсегда утрачу надежду на возможность вырваться из океана Майи».

Соответственно, он покорился повелению титана и, превратившись для Рамы и Лакшманы в оленя и уведя их подальше от убежища Ситы, стал орудием ее похищения.

Ракшаса Каматур знал как о магических способностях риши, так и о его робости. Сначала он попробовал вынудить его самыми уважительно-вежливыми уговорами и лестью, большим мастером которой он был, уступить ему Мохан-астру, или способность гандхарвов зачаровывать, однако благонамеренный риши, знавший, для каких порочных целей может быть использована эта способность, особенно титанами, оставался глух к его лести, уговорам и увещаниям. Видя это, Каматур понял, что единственная надежда для него — религиозная совесть аскета. Он приказал вышеупомянутому буддийскому монаху, всюду сопровождавшему его и всегда готовому услужить, собрать на зеленой лужайке перед жилищем риши весь его великолепный зверинец.

Первым прибыло самое дикое племя: черные кабаны — только что из джунглей и потому всё еще полудикие, точившие клыки о деревья; огромные черные медведи с гор, жалобно завывавшие в намордниках; королевские тигры, небольшие черные львы из Катхьявара, гиены и огромные рыжие волки, — все они были закованы в цепи и охранялись.

За ними шли более спокойные виды: величественно ступавшие слоны, извергавшие из своих хоботов клубы пыли на собственные спины, чтобы прогнать насекомых; медленно, лениво и неслышно шагавшие верблюды, чьи морды выражали одновременно усталое долготерпение и готовность к мести; грациозные и стройные заморские создания из страны ионийцев; другие еще более мелкие и изящные твари с красивой шелковистой пятнистой шкурой из Ачина; крошечные, не более овчарки, непальские лошадки; плотные толстобрюхие пони из Пегу; толстые туннуки, рыжие, серые и пегие норовистые тату из Дакшина; скромные коровы, друзья человека, с влажными носами и нежным дыханием; тяжелые ленивые голубовато-серые буйволы, любители грязи, с длинными, низко посаженными, выдающимися вперед головами, широко расставленными рогами и дикими глазами; голубые коровы — наполовину коровы и наполовину олени; индийские лоси; целые стада пятнистых оленей, включая разновидности с клыками, как у кабана; совершавшие немыслимые боковые прыжки белые и пятнистые козлята с подвесками под горлом, напоминающими серьги; коричневые мангусты с пушистыми хвостами, враги змеино-го рода; шакалы и прочие разновидности собачьих; белки-летяги, черные беломордые обезьяны из горных сандаловых лесов Малабара; уникальные животные, водившиеся только в одном месте на Пальмовом Острове, и полосатые белки гхани, любящие резвиться в листве баньянов.

За ними следовали многочисленные виды птиц: крикливые журавли и цапли; высокие, торжественно выступающие глупые марабу; белые рисовые птицы, исследующие растущий рис, как если бы они намеревались заняться налоговыми операциями; какаду с высокими хохолками, крикливые, как разъяренные женщины; издающие трубные звуки павлины, колышущие своими зелено-золотыми хвостами под громовые раскаты; крапчатые цесарки с белыми и алыми венчиками перьев вокруг шеи, непрерывно преследующие друг друга, группами или в одиночку; дикие голуби, воркующие низкими звучными голосами, навевающими воспоминания об уединении и далеких долинах; визгливые попугаи с кольцами синих или темно-красных перьев вокруг зеленых или сероватых шей; лори всех цветов радуги, выделяющиеся красотой оттенков оперенья среди всей пернатой расы и самые ласковые в ней, а потому удачно выбранные, чтобы нести на себе Кандарпу, бога любви.

Созерцая эту великолепную коллекцию зверей и птиц, Марича решил, что Каматур задумал последнее испытание его добродетели, намереваясь предложить ему искупительный дар, и, соответственно, укрепил себя для дальнейшего сопротивления.

Однако, едва звери прибыли, ракшаса запер ворота, взял в руки свой лук, высыпал на землю стрелы из обоих колчанов (ибо древние воины Инда имели обыкновение носить по колчану на каждом плече) и стал угрожать Мариче немедленно начать истребление всех собранных животных, если тот не передаст ему астру очарования, так что вина за пролитие их крови падет на голову риши.

Гуманный и совестливый Марича не мог противостоять этому удару, столь же неожиданному, сколь жестокому. Умоляюще положив ладонь на руку Каматура, он принялся уговаривать его оставить свой кровавый замысел и уступил просьбе, исполнение которой было ему столь жестоко навязано силой; он оговорил лишь одно условие: Каматур должен был поклясться, что эта астра никогда не будет использована для уничтожения жизни, противодействия правому делу и причинения вреда невинным, что тот исполнил без колебаний. Звери и птицы были возвращены назад, в парк Каматура, на попечение буддийского монаха, напуганного не меньше, чем сам Марича. Риши отвел титана в глухой лесной уголок за своей обителью и приступил к торжественной процедуре передачи ему долгожданной Мохан-астры.

Сначала он обучил его тантре, двухчастной магической формуле действия. Первая часть состояла в бросании листьев растения *Asclepia gigantea* в жаровню, наполненную горящими углями, до тех пор, пока дым не поднялся белым облаком над их головами. Затем надо было полить из маленькой склянки немного санкальподаки, т. е. воды магического желания *aqua mirabilis*, которой тауматург должен обрызгать себя и объект очарования.

После этого он сообщил Каматуре мантру, или магическую формулу, то есть, заклинание.

Велев Каматуре тщательно повторять за ним мантру, риши повернулся лицом к востоку и медленно произнес Мантру, или Заклинание, Мохан-Астры:

Храм! Храм! Хрим! Храум!

Клинг!

Йушмабхихи Моханам бхавату!

Глаум!

Сан-Моханам бхавату!

Спхенг!

Пари-Моханам бхавату;

Спхинг!

Кшанг! кшранг! кшринг! кшрунг!

Кшренг! кшраинг! кшронг! кшраунг!

Сваха?

ЭЙ! ПХНПХДЖ!

Пхат!

Третья, пятая и седьмая строки этого удивительного заклинания содержали повеление «Будь околдован!» с незначительными вариациями. Краткие конечные звуки «М» и «НГ» представляли собой неодолимые заклятия божеств, или вызванных астрических сил. Однако так называемая «кила», или «скрепа» заклинания, скреплявшая его, представляла собой трудную готическую мистическую формулу; в то время как остальные строки можно было произнести ментально, эту следовало произносить вслух.

Каматур успешно справился с произнесением всех остальных строк, однако никак не мог одолеть «скрепу» и категорически заявил Мариче, что такие звуки не могло произнести ни одно существо, кроме чихающего верблюда. Марича некоторое время пребывал в растерянности; затем, поразмыслив, подошел к птичьему гнезду, висевшему на ветке дерева неподалеку от его обители, и вынул из него хрустальную шкатулку со светлым серебристым порошком, частички которого имели размер от семени тмина до камешка и который назывался «кала-бхасма», или магический Порох Времени.

Он был составлен из равных частей сгущенного сознания и длительности, и если он взрывался, то расширялся во времени и заполнял его изрядную часть, изначально заключенную в ту или иную частицу порошка; поэтому поступок, слово или мысль, предшествующие взрыву, занимая во времени всего мгновение, казались тому, под чьим носом был взорван Порох Времени, длящимися день, месяц, год, а то и всю жизнь, целое столетие или эпоху в зависимости от массы взорванного вещества. Марича надел на палец кольцо из «кошачьего глаза» и бросил самую маленькую пылинку в жаровню перед Каматуром, одновременно поливая его обнаженную голову водой из своей аргхьи, или вазы для омовений.

Кольцо из «кошачьего глаза» предохраняло самого Маричу от последствий взрыва, который при этом был совершенно бесшумным; что же касается воздействия взрыва на ракшасу, то последствием его был трехдневный дождь, промочивший его до нитки и вызвавший жестокий приступ простуды и чудовищный насморк, в течение коего Каматур с совершенной легкостью выговаривал это самое важное слово «ПХНПХДЖ» и так овладел мантрой и, следовательно, всей Мохан-астрой.

Он покинул Маричу в приподнятом настроении, однако до того, когда риши на минутку повернулся к нему спиной, он изловчился залезть пальцем в хрустальную шкатулку и извлечь из нее одну из самых крупных частиц Пороха Времени. Поскольку же, однако, ни один дурной поступок не остается в конце концов без заслуженного воздаяния, он совершенно забыл о кольце из «кошачьего глаза», абсолютно необходимом для безопасного употребления магического порошка: поэтому его неблагодарность,

выразившаяся в краже, увенчалась в конце концов наказанием, несмотря на то, что была вызвана всего лишь его предрасположенностью к веселым проделкам.

Вернувшись домой, он немедленно приступил к подготовке грандиозного развлечения, на которое он пригласил Равану, его брата Бибхишану и всех знатных придворных особ-
ракшасов; для празднества он приказал заколоть многих из тех птиц и зверей, которых, как
тщетно возомнил риши, он спас, уступив Каматуре астру очарования. Как редко достигает
цели слабохарактерная уступчивость, даже благонамеренная!

Едва завершился банкет и вино начало развязывать языки гостей, наполняя каждого
желанием рассказать какую-нибудь историю, героем которой, естественно, являлся сам
рассказчик, как Каматур, которому ассистировал буддийский монах с жаровней, сосудом
магической воды и листьями асклепии наготове, воспользовался перерывом в общей
беседе и, уставившись на Равану взором, исполненным недоброй многозначительности,
начал свое повествование с показной небрежностью:

«Кстати, мне это напомнило об одном событии, случившемся со мной во времена моего
дяди Сарва-Варты. Я помню, как однажды Амуку пришел в палаты восточного неба и сказал
Тамуку», — как только были произнесены эти роковые имена, собравшиеся обменялись
многозначительными взглядами. Взглянув на главных среди гостей, подобно тому как в
наше время хозяйка телеграфирует своим гостям прекрасного пола, что пора бы встать и
попрощаться, Равана поднялся со своего почетного места; все присутствовавшие
последовали его примеру, и он проговорил с важной учтивостью: «Прощай, доблестный
Каматур, — уже поздний час, и всем нам пора отдохнуть, ибо завтра нам предстоит
тяжелый день с Хануманом и его обезьянами».

Прежде чем Равана завершил свою речь, Каматур мысленно произнес всё заклинание,
кроме «скрепы»; белое облако дыма от листьев асклепии закружилось над головами гостей,
и Каматур, подав знак своему монаху, окропил себя и собравшихся и магической водой и
громко произнес грозное «ЭЙПХНПХДЖ!» Равана и его друзья решили, что Каматура
просто посетил внезапный приступ чиха, и собрались расходиться, воспользовавшись, как
им казалось, удачным поводом для отступления, однако вскоре поняли своё заблуждение.

Как только слово силы было произнесено, чары начали действовать. Ни один из них не мог
пошевелить ни ногой, ни языком. Они не могли даже вернуться на свои места; все были
вынуждены остаться стоять, как безмолвные статуи, в тех самых позах, в которых были
застигнуты заклинанием, в то время как Каматур, наслаждаясь свершением своей
долгожданной мести, хладнокровно подвинул свое седалище, чтобы с удобством
созерцать лицо каждого из присутствовавших, и, подобно тому другому «Древнему
Моряку» устремив на них свой сияющий взор, принялся за старый рассказ об Амукке и

Тамуке. Он вел свое повествование с жестокой тщательностью, издеваясь над испытываемыми ими моральными страданиями и продлевая их несчастное состояние периодическими паузами. Когда он видел, что их напряжение начинало ослабевать, или замечал признаки слабнущей силы заклятья, он восстанавливал ее, подбрасывая в жаровню новую порцию листьев и окропляя присутствующих чудесной водой.

В таком состоянии он продержал их до рассвета: в дополнение к физическим мукам от удержания в неизменной позе в течение длительного времени, на протяжении всей этой долгой горестной ночи их слух и разум мучили непрерывные удары постоянно поминаемых имен Амука и Тамука — что они думали, делали и говорили друг другу. Это наказание казалось Каматуру достаточным. На сей раз он не прибег к Пороху Времени, не желая расходовать все свои ресурсы за один раз. Тем не менее, когда солнце едва забрезжило над восточными холмами, он подбросил в жаровню последнюю горсть листьев и последний раз окропил всех магической водой, чтобы поддержать их в таком состоянии еще некоторое время, и вместе с монахом удалился из банкетного зала в свои апартаменты.

В течение нескольких дней горечь и обида были доминирующими чувствами титанов, которые час спустя после рассвета, обнаружив, что уже свободны, поползли по домам, полуживые от изнеможения и до одури оглушенные мучительным повторением имен Амука и Тамука. Тем не менее, по прошествии нескольких дней они начали видеть это происшествие в его истинном свете, а именно как грандиозную и весьма оригинальную веселую забаву, и прониклись еще большей любовью к этому эксцентричному изобретателю истинно титанических шуток.

В то же самое время все участники ночного происшествия решили сохранить в полной тайне как само происшествие, так и магическую силу Каматура. С тех пор все пострадавшие той ночью всегда с огромным терпением, добродушием и совершенной воспитанностью внимали вечным и непрерывно повторявшимся рассказам Каматура. Однако, поскольку он открыто навязывал их собеседникам, ему опять приходилось прибегать к помощи астры очарования, и каждая новая демонстрация его силы становилась новым источником развлечения для двора.

Таким был тот эксцентричный раکشаса Каматур, в чьем дворце на берегу моря Равана обнаружил себя во сне, очнувшись от беспамятства после того, как испил амриты.

V

ПЕСНЬ О СОБРАНИИ

Часть IV

Риши Ананта приступает к символической интерпретации сна —
взгляд на человеческую жизнь индийского мудреца —
беглый взгляд на философию Веданты

Утро, последовавшее за той ночью, когда Равана завершил рассказ о своем сне, было исполнено того особого великолепия, которое можно наблюдать только на Востоке, где величественная благодатная прохлада часов восхода и заката и жемчужный блеск ясных лунных ночей в соответствии с замечательным принципом компенсации, пронизывающим всё мироздание, приходят на смену ослепительному свету, изнурительной жаре и вялому однообразию тропического дня.

Первые признаки наступления нового дня стали проявляться задолго до того, как первые проблески зари окрасили вершины восточных холмов и осветили воды. Летучие лисы, та разновидность летучих мышей, что, предположительно, практикует вампиризм, визгливыми стаями возвращались домой на свои баньяновые и прочие деревья, окружающие пруды и храмы Ланки, после ночных набегов на разнообразные плоды, созревающие в фруктовых садах вокруг города, а также на тодди, или пальмовый сок, который собирают в сосуды из надрезанных вершин пальмовых деревьев; они устаивались в висячем положении вниз головой, прицепившись к ветвям когтями на кончиках своих кожистых крыльев, и предавались безмятежному сну в течение всего дня.

Длинные тонкие земляные черви, оставив свои норы, усердно извиваясь, ползли поперек всех загородных дорог и тропок в одном направлении, как будто отправляя какой-то ежедневный тягостный предрассветный ритуал покаяния.

Стаи пробудившихся ото сна голубей рассаживались по крышам жилых домов и храмов или устремлялись в сады.

Водоносы в сопровождении волов, украшенных колокольчиками вокруг шеи, спешили по сумеречным улицам, чтобы поскорее, пока не встало солнце, наполнить свои бурдюки водой из городских водоемов и фонтанов.

Юные ракшасы спешили верхом или в боевых колесницах на равнину за городскими стенами, чтобы потренировать своих скакунов и поупражняться в стрельбе из лука; вокруг всех городских водоемов и колодцев собрались толпы женщин, старых и молодых, иссохших и цветущих, чтобы наполнить водой свои кувшины; вперемешку с ними толпы брахманов, молодых и пожилых, сосредоточенных на медитации, совершали омовение, не снимая своих одеяний, свисавших от пояса до лодыжек, — как уже отмечалось, королевский двор ракшасов привлекал в свои окрестности множество жрецов, истово

верующих и святых людей, несомненно, озабоченных обращением этих выдающихся грешников в истинную веру.

Аванпосты обеих армий находились уже в непосредственной близости друг от друга; над холмами вставало солнце, восход которого приветствовала барабанная дробь, сопровождаемая военной музыкой, доносившейся из обоих лагерей. Вскоре к ней присоединилось пение всей резервной армии обезьян, окопавшихся вблизи воинства ракшасов и исполнявших утренний гимн в честь Рамы и Ханумана, их собственного предприимчивого предводителя.

Хор обезьян, исполнявших Бхупали, или Утренний Гимн, в честь Рамы

Рама в теле лазурном!

Золотые на нем одеянья!

Многочисленных самоцветов сиянье!

Прекрасных жемчужин убранство!

Золотая тиара увенчала корону;

По лбу струится желтый шафран.

Великолепие золотых серег;

Золотые венки цветов полевых вокруг шеи.

Желтый шелк вокруг бедер:

На ногах золотые браслеты, знаки достоинства;

Звон золотых колокольцев;

Золотые браслеты звенят.

Руку его украшает золотая медаль.

Героя браслет золотой на запястье.

У него золотая печатка;

Лук и стрелы в руке золотые.

В золотом широком шатре
Трон золотой.
На нем Рама, Сита и Лакшмана;
Даса³⁸, их верный слуга, их воспекает.

В ответ на этот вызов воины ракшасов исполнили Бхупали, или утренний гимн, Кришне, восьмому и последнему Аватару, еще не появившемуся на земле.

Поскольку обе армии так близко сошлись, военачальники титанов благоразумно изучили с целью подражания распорядок, обычные правила и религиозные обряды вражеской армии, которая принесла с собой на юг полуострова институты арийской, или брахманической, цивилизации и ввела их даже в резервной обезьяньей армии, посланной царем Обезьяньего Царства Сутривой и его премьер-министром Хануманом в помощь Раме.

(Вероятно, в лице этих сражающихся и спорящих преданных обезьян мы имеем дело с дикими автохтонными племенами южной Индии, которых Рама повстречал в ходе своего продвижения из Оуде на юг, привел в полудивилизованное состояние и использовал в качестве помощников в экспедиции против титана Раваны, правителя Ланки, т. е. Цейлона. Их потомков еще можно обнаружить среди бхиллов, чолов и прочих горных племен, всё еще сохраняющих дикие нравы и проворство своих обезьяньих предков.)

Поскольку, однако, все песнопения и гимны вторгшейся армии были связаны с восхвалением и прославлением Рамы как седьмого аватары Вишну, коварные советники Раваны тотчас порекомендовали ему нейтрализовать влияние религиозного рвения в пользу Рамы и умалить его в глазах ракшасов, а то и во мнении его собственных воинов, постоянным воспеванием и показным прославлением и почитанием еще более великого аватары, Кришны, которому предстояло прийти после Рамы и превзойти его полнотой божественности.

В результате, сражаясь с одним проявлением Вишну, ракшасы пели гимны в честь другого. И никогда, будучи воплощен на земле, не прославлялся Кришна своими поклонниками с таким рвением, как еще до своего рождения этим поколением титанов (естественно, врагов всех небожителей) исключительно из враждебности Раме.

Ненависть, или, скорее, политическое соперничество, затмили их разум, и они не осознали, что Рама и Кришна, а также Хари, Нарахари и Вамана — всего лишь разные имена единого

вечного Вишну, всепроникающего имманентного духа, принимающего на земле разные формы ради своих искренних почитателей, для искоренения зла и угнетения со стороны титанов, для поддержания добродетели и религии, для защиты коров и брахманов, от вечного Благословенного, от Маричи и его ясновидящих учеников, способных ясно прозревать будущее и с легкостью переноситься в любую эпоху, — для чего их специально обучали; они знали все predetermined события в жизни Кришны и всё, что он скажет своему любимому другу и ученику Арджуне, а также песни и гимны, которые в будущие века будут исполнены в его честь гопалами, пастухами, его юными друзьями по играм; влюбленными пастушками-гопи и благочестивыми людьми всех последующих времен.

В данном случае ракшасы выбрали утренний гимн, который кормилица Кришны Яшода в последующие времена пела у его колыбели и который по сей день исполняют девицы и матери семейств Индостана в качестве утреннего подношения, накрашив ресницы сурьмой и украсив свои волосы венком белых цветов жасмина или бледно-желтыми цветками прекрасной душистой чампы.

Хор титанов, исполняющих Бхупали, или утренний гимн, в честь Кришны

Вставай, вставай, любимый, увенчанный гирляндой цветов,

Нежно прикоснись к щеке своей матери.

Солнце встало над восточными холмами,

Кончилась темная ночь.

I

Коровы склонились к телятам;
Птицы изливают трели в листве.
Друзья твои ждут у дверей,
Они зовут тебя, о Йаду Раджа!
Вставай, вставай, любимый, и т. д.

II

Пробудись, чей цвет — пурпур грозной тучи,
Мой любимый, восторг моей души!
Спешి взглянуть на брата Балараму,
О кладезь добродетели, брат смиренных!
Вставай, вставай, любимый, и т. д.

III

Вставай скорее, мой милый,
Полон совершенства, мой темно-синий любимец Кришна!
Поспеши испить молока из моей груди
И запечатлеть поцелуй на моей щеке.
Вставай, вставай, любимый, и т. д.

IV

Заслышав голос матери,
Шри Хари (Кришна) быстро проснулся;
Начал сосать грудь,
И все исполнились радости.
Вставай, вставай, любимый, и т. д.

Они созерцали его прекрасное, совершенное тело,
Видели брата его Балараму;
Расцвело счастье Яшоды,
Созерцавшей сына, Владыку Жизни.³⁹
Вставай, вставай, любимый, и т. д.

Едва растаял последний отзвук этого утреннего гимна, как в роще вокруг боевого охранения ракшасов послышался громкий шорох и шелест среди ветвей. Часовой ракшасов, решив, что это была засада обезьян, выпустил в заросли стрелу, но, к его удивлению и ужасу, она вернулась обратно, пролетев мимо его щеки. Думая, что это был могущественный якша, охранявший сокровища гоблин, живший в том лесу, часовой швырнул свой лук и едва не бросился наутек, когда услышал голос, который произнес: «Это всего лишь Вайю, посланец царя»,

Равана покори́л и подчинил всех божеств стихий, и заставил их служить себе, как домашних слуг. Так, Агни, или Огонь, стал его поваром; Варуна, божество воды, его дхоби, т.е. исполнителем обязанностей прачки, в то время как Вайю, или Ветер, он сделал чем-то вроде носильщика или мальчика на побегушках. Утром он должен был подметать полы и чистить дворцовую мебель невидимыми щетками, а потом весь день катал его виману, т.е. воздушную колесницу, таскал огромное невидимое индийское опахало Раваны либо носился по всему войску и по всему царству, выполняя мелкие поручения и разнося послания.

Тотчас начались пересуды по поводу того, куда и к кому направлялся сейчас Вайю, и воины ракшасов приветствовали его длинной песней, которую сложил Мадхави Панкаджа и которую хорошо знали и частенько распевали в лагере.

Призыв ракшасов к Вайю

Ни звука вокруг,
И вдруг этот звук:
У-у-у, ай-юу!
О невидимый Вайю,
Постой, пойдی сюда,
Скажи нам, куда
Так спешишь,
Невидимый сам,
Гнешь кусты пополам,
Пред нами идешь,
За нами ползешь,
Ушей касаясь,
К щеке прикасаясь;
Как призрак скользя,
Грустно шепча
Жалобный плач,
Тихо свистишь.
У-у-у, ай-юу!
О невидимый Вайю,
Постой, пойді сюда,
Скажи нам, куда
Так спешишь?
Голос Вайю
Солдаты, не мешайте;
Бегу я по приказу царя
На дальний запад,
Где в баньяне о восьми стволах,
В окруженье зеленых бананов,
Живет святой отшельник.
Оттуда я должен доставить

Мудрого Ананту риши Яджаману.

Следуя за приглушенным голосом Вайю, подобным эоловой арфе, мы прибыли в приют отшельника, называемый Ашта Вати, или «Восемь баньяновых деревьев». Собственно говоря, сначала это было одно родительское дерево, однако семь его укоренившихся в земле отростков со временем образовали массивные стволы в форме неправильного восьмиугольника, включая центральный ствол, и соединились с ним и друг с другом живописными арками, от которых в свою очередь спускались к земле тонкие отростки; некоторые уже укоренились, другие же только приближались к грунту, чтобы в будущем образовать еще более мощную и раскидистую крону.

Спускающиеся отростки были так густы, что образовывали почти сплошную завесу между сводами ветвей, ограждая внутреннюю часть пристанища святого; благодаря нескольким густым группам удачно посаженных широколистных баньяновых деревьев, а также плотной массе зеленых лиан, усыпанных большими, напоминающими трубы, белыми цветами и маленькими, нежно-алыми или фиолетовыми, убежище риши было совершенно непроницаемо для постороннего взгляда. Оно располагалось на длинной и высокой гряде, занимая почти всю ее ширину между двумя стенами из неплотно прилегающих камней вокруг домиков по обе ее стороны, в которых жили друзья, почитатели и ученики риши. Впереди простиралась бескрайняя равнина, начинавшаяся постепенным спуском и зеленевшая рисовыми полями, усыпанная там и здесь разрозненными группками столетних манговых деревьев и упиравшаяся в плотные группы пальм, а еще дальше — в сплошной пальмовый лес.

С другой стороны, был крутой обрыв к еще более низкой, но менее протяженной равнине, переходящей на некотором удалении в глубокую долину, а еще дальше, за рядами баньяновых деревьев, были видны синие горы Антапы и проблески моря, заполнявшего углубления в изрезанной береговой линии. Когда-то на равнине между ашрамом и горами стояла армия, а в долине гремели жестокие бои.

Даже сейчас, иногда после захода солнца были видны марширующие отряды, а в полночь со стороны долины и горных склонов слышались странные звуки ударов, которые, по мнению некоторых, производились рыбаками, починявшими свои лодки в заливах, в то время как другие утверждали, что звуки эти доносились из долины, где покоились останки павших в битве воинов.

Весь участок ашрама звенел пением и разнообразными криками многочисленных видов птиц, наиболее крупные из коих смело приближались к самому входу, в то время как те, что поменьше, вили гнезда в самой гуще кроны баньяна и весь день щебетали над головой. С одной стороны обители толстая корова, лежа лениво жевала жвачку; небольшая белая

кобыла мирно паслась у входа; ручная газель с венком цветов вокруг шеи весело носилась вокруг скита. Белый какаду, синий с красным лори и пара зеленых попугайчиков ползали среди листвы и попеременно кричали.

В этом ските проживал риши Ананта, прозванный «Яджамана», или, в произношении придворных дам, «Эзамана», что значит «Приносящий жертву», по причине своей неизменной преданности торжественным жертвоприношениям и величавым религиозным церемониалам. Он был близким другом риши Маричи, но при этом его полной противоположностью, появившейся во вкусе, приведшем его к выбору для себя такого убежища, во внешнем виде и в умонастроениях.

Скит Маричи находился в лесной чаще в строгом соответствии с указаниями Кришны, данными им Арджуне касательно того, каким должно быть достойное убежище йога:

Местом, в котором по обыкновению поселяются садхаки, то есть те, кто практикует особую дисциплину ради достижения духовного и магического совершенства, но где никогда не слышно шагов других людей.

Где густо поросли непрерывно плодоносящие деревья, душистые до самых корней, как амрита, или нектар бессмертия.

Где на каждом шагу не только осенью встречается вода непревзойденной чистоты и где без труда можно найти обильные источники.

Куда временами проникает приглушенный солнечный свет, но где всегда тенистая прохлада; куда слабый ветерок мягко приносит освежающий воздух.

Где тихо и спокойно; где так глухо, что туда не проникают хищные животные, где нет даже птиц и скромных пчел, способных потревожить криком или жужжанием.

Недалеко от воды могут обитать лебеди или фламинго, а также иногда может появляться кокила, или черная кукушка.

Там не должны постоянно пребывать павлины, но могут временами забредать и скоро уходить; пусть себе, — я не запрещаю.

О сын Панду! Ты должен непременно искать и найти такое место; там должно быть твое глубоко сокрытое убежище или твоя молельня, посвященная Шиве.

Опять же, Марича представлял собой скелет: лицо его было испещрено миллионами мельчайших морщин; его сморщенная кожа была натерта пеплом; борода достигала пояса; голова была увенчана пирамидой свернутых кольцами седых, выжженных солнцем волос; одежда его состояла из полос грязного рваного мочала. Напротив, Ананта, несмотря на преклонный возраст, выглядел свежим и почти цветущим. От природы приятные черты Ананты носили отпечаток его любящей и почтительной природы, и святое спокойствие умиротворенного духа венчало его смешанное выражение достоинства и мягкости. Его борода и голова были тщательно выбриты; вокруг его тела была с грациозной небрежностью в два или три оборота повязана неотбеленная ткань, один конец которой свисал подобно покрывалу; мазок свежей сандаловой мази пересекал по горизонтали его лоб; одежды его были снежно-белыми и даже тонкой текстуры.

Духовные упражнения Ананты существенно отличались от упражнений Маричи. Подобно своему другу, он тоже вел созерцательную жизнь аскета, но, хоть и не осуждал категорически стремление других к обладанию сиддхи, или сверхъестественными способностями, сам он их тщательно избегал, считая весьма опасным путем, нередко ведущим в глубочайшую тьму. Но даже в мелочах его созерцательный аскетический путь был отличен от пути его коллеги. Что касается практики вайрагьи, или полной победы над любыми страстями, желаниями и своекорыстием, а также свободы от них, их пути полностью совпадали, и он достиг полного освобождения от самости.

В принципе они были согласны в отношении доктрины त्याги, или тотального отказа от всего. Однако Ананта следовал скорее ее духу и смыслу, нежели букве.

В частности, в то время как Марича скрупулезно исполнял обет отказа от любой одежды, кроме плетеного лыка, а также отказа от любого действия, Ананта носил тонкую опрятную одежду из хлопка, вовсе не гордясь ею, и принимал участие в полезной деятельности, не ожидая вознаграждения, в соответствии с утверждением Гиты (раздел 18), что:

Тот истинно отрёкся, кто отверг плоды своих деяний.

Марича предавался крайностям тапаса, или суровой практики покаяния: он годами стоял на голове, на одной ноге, на десяток лет подвешивал себя к ветке дерева за палец ноги вниз головой или стоял в полной неподвижности, глядя на солнце, и в сезон дождей обрастал с ног до головы лианами; вокруг его тела термиты сооружали свои глиняные галереи, а

птицы, не видя в нем больше никакой двойственности, переставали бояться его, спокойно садились ему на голову и строили гнёзда в листве овивших его лиан.

Но самым необычным элементом аскезы, которому он предавался на протяжении сорока лет, было ношение в одной руке горшка с тульси, или базиликом, растением, посвященным Вишну. Поскольку он не стриг ногти, они разрослись подобно когтям стервятника, проросли сквозь горшок и вонзились в его ладонь. Так образовалось единое целое из его ладони, горшка и растения. В ходе этой уникальной практики он получил прозвище Тульси Бава, что значит Святой Отец Базилик, а склонный к сарказму поэт Водяная Лилия сложил по этому поводу следующую песню:

Тульси Бава — человек-дерево

В хижине ветхой уже сорок лет
Живет сухорукий иссохший аскет.
Ежедневно приверженцев толпы
Целовать приходят мудрого стопы.
Его глаза красны от слез,
На голове — мочалка волос;
Тело покрыто корой
Кладбищенской пыли и пепла.

Питается листьями и травой,
Опием дух умирят он свой;
Ногти — что стервятника когти,
Загнувшись, пронзили ладонь.

На ней день и ночь, даже во сне,
Он держит горшок, — вот пытка что надо!
И что б он ни делал, оставить его
Не должен он до могилы!

А в этом горшочке цветет базилик,
Зеленый Священный цветок;
Силою клятвы и силой когтей
Посуда, ладонь и цветок
Настолько слились, что не различить:
То глаголющий куст иль цветущий монах?

Движеньем — живая беседка,
А речью — ужасный глас древа;
Такого ты встретишь и долго гадаешь:
Как человек зацвел по весне?

Уже сорок лет он мучит себя
Под осенним дождем и солнцем палящим;
Уж стар он и дряхл, устал он и слаб,
Но должен до смерти таскать этот куст.

Кто на шпиле сидит,
Кто висит над костром;
Кто в Ганге находит конец,
Кто жарит себя над огнем;

Но в этой земле новый вид искупленья:
Грешник для святости мучит растение,
Ногтями сковав неповинный цветок.

Несмотря на то, что риши Ананта внутренне подчинил свой дух, он избегал всех подобных крайностей, так как считал, что они нередко порождаются духовной гордыней или

фанатичным рвением, и следовал афоризму из Гиты, гласящему (раздел 6), что "Йог, который побуждает себя воссоединить свое разрозненное «Я» внутренним созерцанием, превосходит тех фанатичных тапасвинов, которые наносят себе увечья, практикуя искупление."

Он отличался от Маричи даже в своей практике йоги, или внутреннего созерцания и достижения внутреннего единства. Следуя своей склонности к мистицизму и волшебству, Марича был полон внутренних видений и откровений. Иногда, сидя, в соответствии с традициями мистической школы Пайтханы, со скрещенными ногами и медитируя в полночь под баньяном, заткнув большими пальцами уши и надавив мизинцами на веки, он видел, как перед ним проплывают гигантские огненные колеса, массы змееподобных созданий, груды сверкающих самоцветов и жемчуга; лампы, горящие без масла; белая дымка, переходящая в сияние лунного света; одинокий и неподвижный огненный лебединый глаз, горящий ярко-красным цветом, и наконец, великолепие внутреннего света, яркостью превосходящего солнце или даже весь усеянный звездами небесный свод.

В его ушах звучала внутренняя, спонтанная, никем не исполняемая музыка (анахата), и изредка то нежный ротик, то восхитительный нос, а то и целиком всё лицо утонченной, манящей красоты появлялось из облака перед его внутренним взором, смотрело ему в душу и приближалось, чтобы обнять его.

Иногда он следовал пути, проложенному еще более древней и глубокой школой Аланди, стремясь достигнуть, — и полагая, что временами это ему удавалось, — состояния просветленного йога, описанного Кришной своему другу Арджуне в шестом разделе этой самой мистической из всех мистических книг, — Джнянешвари.

Просветлённый

Когда созерцаешь этот путь, забываются жажда и голод: ночь и день неразличимы на этом пути.

* * *

Направишься ли ты к цветущему Востоку или к палатам Запада, о лучник, ты без движения пойдешь по этому пути.

На этом пути, куда бы ты ни шел, то место становится твоим собственным «Я»! как описать тебе это? Ты сам испытаешь.

* * *

Нарушены пути трубчатых сосудов нервов; уходит девятиричное качество ветра (нервного эфира: по этой причине больше нет телесных функций).

Тогда появляются луна и солнце, или то, что воображается таковыми, но так, что их невозможно ухватить, подобно тому, как ветер не может удержать лампу.

Растворен бутон понимания; в носу не остается чувства запаха; вместе с Силой⁴⁰ удаляется в среднюю палату.

Тогда, опорожняясь сверху, резервуар лунного флюида (содержащийся в мозгу) наклоняется в одну сторону и изливается в уста Силы.

Так трубки (нервы) наполняются флюидом; он проникает во все члены, и жизненное дыхание растворяется в нем во всех направлениях.

Весь воск истекает, как из нагретой колбы, и она наполняется до краев влитым в нее расплавленным металлом.

Точно так же сияние (лунного флюида бессмертия), по существу, отливается в форму тела: на периферии оно обернуто складками тела.

Подобно тому как солнце на время облачается в тучи, а затем, отбросив их, появляется в облачении света;

Точно так же находящаяся на поверхности сухая оболочка кожи опадает, подобно шелухе, скрывающей зерно.

Тогда сияние членов становится таким, что спрашиваешь себя в изумлении: что это — блеск кашмирского порфира или ростки, пробившиеся из семени драгоценного камня?

Это тело, озаренное отблесками вечерней зари, или столб внутреннего света?

Ваза, наполненная жидким шафраном или статуя, отлитая из волшебного божественного совершенства? Мне же она предстает как само персонифицированное Умиротворение;

Как картина божественной благодати, скульптура суверенного счастья, роща пряморастущих деревьев радости;

Бутон золотой чампы, статуя из амброзии, осыпанная множеством капель свежая нежная зелень.

Или же это лунный диск, который, будучи напоен осенней влагой, озарился сиянием? Или воплощенное присутствие Света, восседающее в удаленном месте?

Таким становится тело, когда змеиная (кольцеобразная) Сила напивается луной (флюидом бессмертия, изливающимся из мозга) и, о друг, Смерть страшится формы этого тела.

Тогда исчезает старость, разрубаятся на куски узлы молодости, и вновь обретается утраченное состояние детства!

Возраст остается прежним, но в других отношениях человек демонстрирует силу детства; несравненно величие его крепости.

Как золотое дерево каждый день выпускает новые золотые бутоны из свежих ростков на концах своих ветвей, так отрастают новые прекрасные ногти (на пальцах рук и ног).

Появляются также новые зубы, сверкающие несравненной красотой как два ряда алмазов.

Всё тело покрывается нежным пушком, похожим на миниатюрные, как атом, рубины.

Ладони рук и ступни ног становятся розовыми, как цветы лотоса; глаза делаются невыразимо ясными.

Когда раковина не может более удержать переполняющие ее жемчужины, ее створки распахиваются;

Точно так же взгляд, который не могут сдержать веки глаза, расширяясь, стремится вырваться наружу; воистину, он такой же, как и прежде, но теперь он может объять небеса.

Тело сияет золотом, но при этом легко, как ветер, ибо в нем не осталось ни воды, ни земли.

Тогда он видит то, что за морем, слышит язык рая и понимает, что творится в разуме муравья!

Он следует за ветром; когда он идет, его ступни не касаются воды, ибо он обретает многочисленные сверхъестественные способности.

Наконец —

Когда исчезает свет Силы, тело теряет форму, и он более не видим для глаз мира.

В прочих отношениях он, воистину, как и прежде, сохраняет члены своего тела, но он как бы создан из ветра!

Или как (тонкая) сердцевина бананового дерева, лишенного своего лиственного покрывала, или как облако, у которого образовались конечности.

Таким становится его тело; тогда его называют кхечара, или идущий по небу, достижение этого состояния — чудо для людей во плоти.

Зри: идет садхака (святой, обладающий магическими силами), но звук его шагов остается позади; в разных местах приобретает способность быть невидимым и прочие способности.

Не осуждая подобные видения и (розенкрейцеровский?) поиск подобного преображения и омоложения, не выражая недоверия и не объявляя это галлюцинацией, Ананта просто

заявлял, что в его собственном опыте не содержится ничего подобного. Допуская бесконечное разнообразие возможностей духовного мира и вечной жизни, он смотрел на Маричу с удивлением и уважением, но удовлетворялся более скромной практикой фиксации созерцания своего духа на бесконечной моральной красоте и благе божественной природы, стремясь с помощью созерцания преобразить себя в некое подобие вечной любви.

Несмотря на свою врожденную робость, Марича спускался с высот созерцания с яростным и ужасным блеском на лбу и с неистовым неземным выражением, пугавшим его собратьев, в то время как Ананта выходил из медитации с сиянием мягкости и любви, вдохновлявшим окружающих и привлекавшим их к нему.

Поэтому Марича был всеобщим пугалом: придворные дамы объявили его абсолютным страшилищем, а малые дети удирали от него, как от дьявола. Ананта риши, или, как его дружески называли, «милый Эзамана», был, напротив, всеобщим любимцем. Уважаемый всеми мужчинами, почитаемый и боготворимый всеми женщинами, всегда доверявшими ему, он был совершенным кумиром всех детей, которых он обожал. Он, воистину, любил каждое дерево и каждый цветок; он испытывал радостное чувство симпатии ко всем живым существам, но дети приводили его в восторг — особенно девочки.

Среди них у него была любимица по имени Гханта Патали, что значит «Колокольня», которая всегда была рядом с ним. Вернувшись после неудачного состязания за руку Ситы, (приемной) дочери царя Джанаки, которую Рама отбил у соперников, сломав лук Шивы, который никто из них не смог даже согнуть, Равана нашел эту девочку и её брата Ратнакару явно покинутыми среди клумб розовых цветов, окаймлявших пролив, который отделял Ланку от материка и через который Рама и его обезьяны впоследствии построили мост.

В той местности до сей поры можно видеть родник пресной воды, бьющий в самом центре залива; во время приливов его накрывают волны соленой морской воды. Это место отмечено огромным количеством красных и белых флагов и вымпелов, означающих, что там поклоняются местной богине воды. Варвары-рыбаки, живущие в этой местности, называют его Сита-Храд, то есть «Источник Ситы», ибо, согласно местному преданию, Сита тоже была найдена по соседству в борозде среди грядок тех же самых цветов. Хорошо известно, что у Ситы не было матери и что она не родилась обычным способом, а была найдена своим приемным отцом Джанакой в борозде на поле или в саду и названа Ситой, что значит «Найденная в борозде», от слова «сит», т.е. «борозда».

Еще более удивительно, что Гханта Патали была манерами внешне необыкновенно похожа на Ситу, что с каждым днем всё и больше поражало Равану и очень влекло его к девочке. Он отдал Ратнакару на воспитание Мариче, а Гханту Патали — более мягкому Ананте. За

ним часто присылали, и ей приходилось проводить немало времени при дворе; о ней тепло заботилась добрая Мандодари, которую она называла своей «белой мамой», хотя её кожа была глубокого коричневого оттенка, приближавшемуся к черному. Ласковая Сулочана, к которой девочка льнула как к своему второму «я», относилась к ней, как к родной младшей сестренке.

Ее невинный, буйный и радостный характер, в сочетании с некой врожденной деликатностью и грацией, сделал ее любимицей и предметом обожания всего двора. Когда Ситу заключили в роще Ашоки, все подарки и все сообщения доброго и любезного характера передавались через Гханту Патали, которая вскоре так очаровала чужестранку и так привязалась к ней, что добрая Мандодари почти взревновала. В свою очередь, Сита тоже полюбила ее и нередко коротала долгие печальные часы своего пленения в беседах с маленькой ласковой, очаровательной сиротой, учила её вышивать, плести гирлянды цветов и петь под аккомпанемент сарамандала, индийских цимбалов. Такова была ученица Ананты.

Когда прибыл Вайю, она, очень счастливая, сидела на крыше одного из домиков около скита, наблюдая с восторгом, как переключивали крышу. Рядом с ней в деревянной тележке растянулась пятнистая кошка, готовая откликнуться на ее зов; белый козленок с зеленой лентой вокруг шеи игриво бодал ее рогами в плечо. В тот момент ее голова была повернута в сторону, а внимание было обращено на дерево, на которое она повесила вину, индийскую лиру риши, чтобы ветер, касаясь ее струн, извлекал из них естественные нежные звуки, которые почти сводили ее с ума от восторга. Именно в этот момент он начал извлекать необычно громкий, пронзительный плач, который она уже слышала и знала, что он возвещает прибытие Вайю, то есть самого Ветра.

Справедливо заключив, что риши призывают ко двору, куда она всегда его сопровождала, она поспешно спустилась с крыши и радостно побежала в скит в сопровождении обоих своих любимцев, галопом устремившихся за ней.

Получив царское приглашение, риши в сопровождении девочки уселся в свою виману, или воздушную колесницу, которая всегда была к услугам богов, полубогов и божественных мудрецов. Формой своей вимана Ананты напоминала большую раковину наутилуса, выглядывшую скорее как старинная ладья, нежели как боевая колесница. Она была сделана целиком и полностью из ароматной травы дхарба, плотно уложенной и связанной нитями из красной шерсти и украшенной по всей поверхности блестящими зелеными крылышками декканского жука и больших светлячков, переливавшихся подобно изумрудам на фоне бледно-желтой травы. По всему периметру колесницу обрамляла бахрома из кончиков павлиньих перьев, которая придавала ей одновременно яркость и плавучесть.

Как только они уселись, невидимый Вайю возобновил свое жужжание и шепот. Колесница легко поднялась в воздух, вершины деревьев согнулись под ней, и после непродолжительной и приятной воздушной прогулки они приземлились у дворца Раваны. Группа женщин-рабынь приняла Гханту Патали, прислуживала ей и отнесла её в покои Мандодари. Ананту уважительно приветствовала толпа ученых мужей и подвижников; они без промедления препроводили его в совещательную палату, где он обнаружил риши, погруженных в дискуссию и обменивающихся друг с другом обеспокоенными взглядами. Всех их крайне озадачил высочайший приказ Раваны истолковать его сон, ибо все сошлись на том, что он предвещал большое несчастье, сообщение о котором могло быть сопряжено с огромным риском. Большинство считало, что он был предзнаменованием гибели Раваны и падения Ланки.

Однако Марича, который, сидя на полу, постоянно бросал на землю горсть раковин каури и тщательно сосчитывал количество тех, что упали отверстием вверх и тех, что упали отверстием вниз, а также наблюдал порядок, принимаемый ими в падении, загадочно качал головой и говорил, что, хотя эти несчастья несомненно случатся в будущем, они не являлись настоящим толкованием, а лишь предшествовали ему; что конкретные несчастья, на которые указывал сон, относились к отдаленному будущему состоянию бытия, в которое Равана не поверит. Собрание мудрых не только разделилось во мнении на сей счет, но и предвидело, что, какое бы толкование они ни решили бы принять, его всё равно будет опасно открыто сообщать Раване, так как любое из них прямо или косвенно указывало на его гибель. Для решения этой дилеммы они искали совета Ананты.

«О мудрые», скромно сказал Ананта, внимательно выслушав их обращение. «После рассказа царя о своем сне я глубоко медитировал о его значении и, стремясь по обыкновению не к случайному индивидуальному приложению его символизма, а к поиску универсального и вечного смысла, я обнаружил, что в этом уникальном сне сокрыт ряд глубочайших духовных истин, чудесным образом применимых к нынешнему положению Раваны; если бы они нашли путь к его сердцу, то немедленно заставили бы его вернуть Ситу и тем самым проложить конец злополучной войне, а также сохранить собственную жизнь и свое царство. Если вы повелите мне, я приму на себя и, возможно, отклоню первый удар его неистового характера своим аллегорическим толкованием. Хорошо, если он извлечет из него должный урок; в противном же случае оно по крайней мере позволит вам выиграть достаточно времени, чтобы после дальнейшей консультации с досточтимым Маричей спокойно принять решение относительно формы и пределов пророческого толкования, а также чтобы подготовиться к разумному его выражению его устами».

Предложение риши Ананты было принято с восторгом. Оно могло освободить их от необходимости давать ответ и уж во всяком случае отводило непосредственную опасность и давало возможность выиграть время, что было весьма немаловажно с учетом темперамента правителя ракшасов.

Был соответственно сформирован круг для торжественного произнесения заявления мудреца, так как киртаны, или обычные религиозные оратории, в которых проповедники, называемые харидасами и рамадасами в зависимости от преобладания у них элементов преданности конкретно Кришне (Хари) или Раме, сочетают этические и религиозные наставления с музыкой, лирической поэзией, мифическими повествованиями и, время от времени, с популярной мудростью и забавными анекдотами.

Риши встали напротив трона широким полукругом, в центре которого, слегка выступив вперед, стояли главные ораторы Ананта и Марича; на шее обоих висели длинные гирлянды цветов. Немного позади двух риши, маленьким полукругом за большим, расположился хор музыкантов, состоявший из исполнителя на вине, индийской лире, чтобы задавать тон (ораторы тоже из формальных соображений носили этот инструмент на левой руке); два исполнителя на мридангах, небольших барабанах с мягким звуком, и четыре молодых человека, державших в руках два маленьких вогнутых цимбала, или, скорее, две мелкие серебряные чаши, называемые тала, соединенные одной длинной струной, которой они мягко задавали ритм по ходу пения, ведя хор, к которому по обыкновению присоединялся весь большой полукруг риши.

Когда все были готовы, Марича послал своего ученика Ратнакару, чтобы уведомить царя; через несколько минут в зал совещаний вошла царственная процессия, и осталось только объявить о присутствии божеств и царственных особ под громкий звук фанфар и глубокие раскаты больших литавр.

Первым вошел Равана в сопровождении своего брата Бибхишаны, министров и военачальников; все заняли свои позиции слева от монаршего трона, кроме Бибхишаны, занявшего нижнее сидение по левую руку Раваны. Сразу за Бибхишаной встал фаворит Каматур; за ним придворный поэт Мадхави, он же Водяная Лилия. Министры и прочие начальники расположились полукругом слева. Затем появилась процессия царицы Мандодари, которая села на высокий трон справа от Раваны в окружение стоящих прислуживающих дам.

По правую руку Мандодари, на том же троне, расположилась прекрасноголовая благородная принцесса Сулочана, маленькая Гханта Патали уютно уселась на подушке между ними. Слева от нее стояла изящная остроумная Гупта. Толстая Маходари, визгливая Анунасики, тяжелая Панкамагня и прочие придворные дамы встали вокруг трона

Мандодари. Как старший риши, Марича окропил собравшихся водой, произнеся благословение «Кальянам бхавату!» — «Да посетит вас счастье!»

Мриданги мягко отмеряли ритм; серебряные колоколообразные цимбалы ненавязчиво звенели в качестве сигнала и прелюдии, и вот, среди глубочайшего безмолвия и внимания затаившего дыхание двора, окруженный лицами, выразившими серьезность, которая придавала оттенок печали даже нежному личику маленькой Гханты Патали и изгоняла привычную улыбку с лиц насмешливых Мадхави и Каматура, риши Ананта начал свою торжественную речь, положив начало Толкованию Сна.

VI

ТОЛКОВАНИЕ СНА

О титан! Все события и эпизоды, представленные последовательностью видений — ибо сон твой образован чередой таких видений — предвещают и представляют реальные события, хранимые во чреве далекого будущего, далеко за пределами твоей нынешней жизни. Однако их картина туманна и неотчетлива; она нарисована причудливыми линиями и цветами, образующими иероглифический язык фантазии, на который обычно должны быть переведены события этого внешнего, плотного мира, прежде чем они смогут быть либо показаны, либо воспроизведены в призрачной сфере сновидений.

Постигни, о титан, истинную природу человека и разнообразные условия бытия, в которых он существует, а также сознания, в котором он их воспринимает.

Они изложены нам в системе Веданты в трех различных аспектах, которые, тем не менее, по существу, заключают в себе одну и ту же мысль, либо выраженную более сжато, либо развитую более полно.

С первой, более общей точки зрения, человек представляет собой двойственность, он объемлет два модуса бытия: естественный и обратный ему. Первичным, нормальным, истинным модусом бытия, который по этой причине обозначается термином Сварупа, или собственной формой, является состояние духа (атма-даша): в нем субстанция, или бытие, обусловлено совокупностью Бытия-Разума-Блаженства сат-чит-ананда-гхана). Это вечная Турья, или восторг. Противоположный ему, или обратный модус бытия — это состояние жизни (джива-деша), объемлющее тонкое внутренне тело, или душу, и плотное внешнее материальное тело, пребывающие в двух состояниях: сна и бодрствования. Между этими двумя состояниями лежит пропасть Леты, полного отсутствия сознания — глубокий сон без сновидений.

Эта идея развивается во второй системе, изложенной в работе «Таттва Бодха» и многих других: в ней человек представлен как призматическое триединство, рассматриваемое как скрывающее первозданное единство света, — плотное внешнее тело; тонкое внутреннее тело, или душа; сущность, не являющуюся ни тем, ни другим, а представляющую собой полное забвение себя, называемое каузальным телом, так как оно является первородным грехом незнания своей истинной природы, отправившим его из сферы духа в состояние жизни. Все эти три тела, существующие в состояниях бодрствования, сновидения и [глубокого] сна, известны и видимы духу, который стоит за ними и отдельно от них, пребывая в состоянии недремлющей бдительности и созерцания экстаза, или духовного бодрствования.

Это готовит и подводит нас к полному и совершенному взгляду на человека как на четверицу, для объяснения которой мы должны пройти еще раз тем путем, который мы один раз уже прошли, но более внимательно и осознанно.

Четыре состояния и обители человека

Существуют четыре сферы бытия, вложенные одна в другую: самая внутренняя сфера Турья, в которой индивидуальный дух живет экстатической жизнью; переходная сфера, или Лета, в которой дух, погруженный в океан аджняны, или полной бессознательности, в полном забвении своего «Я» подвергается изменению гностической направленности (полярности?) и по ту сторону пределов Леты пробуждается к ложному, или искаженному, знанию вещей (випарита джняна) под влиянием иллюзорной праджни, или веры во внешнее знание; он полностью доверяет этому заблуждению и стремится осознать его, в то

время как истинное знание, которым он обладал в состоянии туры, или экстатической жизни, в которой он интуитивно знал и воспринимал всё, находится внутри него самого.

Из сферы праджни, или внешнего знания, из борьбы за достижение и восстановление вне самого себя всего того, чем он некогда обладал внутри себя и что утратил, — обретение взамен утраченной интуиции объективного знания посредством органов чувств и понимания, в котором дух становится разумом, — из этой сферы он переходит в третью сферу, сферу сновидений, в которой он верит в существование вселенной света и тени, в которой всё бытие есть путь абхасы, или призрака. Там он воображает себя в мире линга-дехи, психики, или тонкой, полуматериальной эфирной души, состоящей из вибрирующей, или познающей, пентады и дышащей, или волнообразно колеблющейся, пентады.

Вибрирующая, или познающая, пентада состоит из простого сознания, излучающегося в четыре различные формы знания: самость, или сознание «я»; изменчивый, хитрый, желающий ум, воображение, или фантазию; в способность мыслить, рассуждать и помнить и в постигающее и принимающее решения понимание, или суждение. Дышащая, или колеблющаяся пентада содержит пять жизненных аур, а именно: дыхание жизни и четыре нервных эфира, вызывающих ощущение, движение и прочие явления жизни.

В должное время из этой тонкой, призрачной сферы персонификации он переходит в четвертую, или самую внешнюю сферу, где доминируют материя и внешние чувства, где вселенная представляется твердой реальностью, где все вещи существуют в виде акары, или субстантной формы и где то, что последовательно забывало себя, удалялось от духа в абсолютную бессознательность, пробуждалось по эту сторону границы забвения к разуму, борющемуся, прокладывая свой путь; что силой воображения переносило себя из этого борющегося разума в сознательную, чувствующую, дышащую нервную душу, подготовленную к принятию следующей оболочки, теперь из души реализует себя во внешнем теле, с его пятью чувствами, или органами восприятия, и пятью органами действия, приспособлявая его для познания и проявления во внешнем мире, который дух когда-то содержал в себе, но теперь проявил из себя вовне.

Первым, или духовным, состоянием был экстаз; из этого состояния дух погрузился, забыв себя, в глубокий сон; из глубокого сна он пробудился в бессознательность, но всё еще внутри себя, во внутренний мир сновидений; из мира сновидений он в конце концов перешел в полностью пробужденное состояние, во внешний мир чувств. Каждое состояние располагает собственным способом воплощения идей, или собственным языком. Универсальные, вечные, всегда присутствующие интуиции, вечно пребывающие с духом в

первом состоянии, на время полностью забываются во втором, и затем вновь появляются перевернутыми, ограниченными и переведенными в последовательные разрозненные идеи — скорее, группы активных и неорганизованных идей, связанных с местом и временем и внешним историческим миром, который он ищет, но не может сразу осознать вне самого себя. В третьем состоянии творческая фантазия превращает их в призраки личностей, вещей и событий, в мир света и тени внутри нас, который видим, даже когда наши глаза опечатаны дремотным сном, и который является пророчеством и отбрасывает тень будущего плотного мира. В четвёртом внешняя форма, или объективность, достигает завершения. Идеи воплощаются чувствами в плотную внешнюю реальность окружающего нас мира.

Тот древний провидец (Кави Пурана), о котором Гита и Махабхарата говорят, что он обитает в груди каждого из нас, сначала предстает поэтом и пророком; затем он засыпает и пробуждается логиком и историком с завязанными глазами, не располагающим материалом для размышления, или миром событий, но пытающимся обнаружить его ощупью. Затем он становится художником, который при этом слышит также призрачную внутреннюю музыку; в заключение он становится скульптором, ваяющим наш плотный, осязаемый мир. По этой причине в мире сновидений совершенно невозможно предсказать или представить предстоящие события с абсолютной точностью: их необходимо перевести на призрачный живописный язык.

Однако помимо этого неясного пророческого элемента, относящегося к отдельным событиям во времени, твой сон имеет также и более универсальное значение, поскольку он предлагает серию ярких символов, множество духовных истин и аллегорий, которые вечно истинны для человеческой души. Мне не дано читать пророческие иероглифы.

Возможно, это окажется по силам Марице, так как он ходит трудными и опасными путями магии и осмеливается с риском заглянуть в ужасное будущее. Я же ограничусь тем, что открою тебе, о царь, символическое и этическое истолкование твоего видения, которое, если тебе достанет мудрости, будет иметь для тебя более глубокий, по причине своего более непреходящего значения, интерес, нежели простое предсказание мимолетных событий.

Безмолвная пустынная земля

Та пустынная земля, где ты, о ракшаса, бродил со своей очаровательной таинственной спутницей, где в пустынях стоят безмолвные города, где не шевельнется ни одно живое существо и на улицах не слышно ни одного голоса, где всё только смерть и запустение; где всякая жизнь застыла среди гигантских развалин, где колоссальные формы давно умолкнувшей жизни, несущие отпечаток вечной торжественной красоты, смотрели на тебя из камня, издавая стон при появлении первых лучей солнца, являет истинный облик этого скорбного мира. Ибо, воистину, что такое наша земля, как не бескрайние руины, груды развалин — земля смерти и запустения, пустыня, усеянная осколками ушедшего прошлого?

Если мы посмотрим на внешний природный мир, мы обнаружим в нем удивительные горные цепи, гигантские вулканы, уходящие высоко в небо; увидим разбросанные по ней группами и поодиночке массивы отвесных скал, горные плато и отдельные гигантские камни, далеко отстоящие от породивших их гор; колоссальные расселины, ущелья и долины — свидетельства чудовищных конвульсий минувших эпох. Вся земля производит впечатление колоссального скопления величественных руин.

Внимательно исследовав материал этих руин, мы обнаружим с изумлением, что они тоже образованы из других руин; мы повсеместно обнаружим следы исчезнувшего мира. Нас повсюду окружают останки гигантских величественно-прекрасных растений, а также разрушенные остатки творений живых существ, гигантских размерами, удивительных строением и страшных своей силой.

Со всех сторон на нас из камня взирают своей вечной печальной красотой мертвые лица вымерших существ, и скорбный плач исходит от всех тварей прошлого, приветствуя каждый новый луч восходящего солнца, напоминающего им об их прошлом существовании.

Хор

Так, Солнце, в вечной юности своей

Над нами ты когда-то восходило!

Пока мы были молоды и, тебе подобно,

Казалось, расцветали в силе.

Десятки тысяч лет и тысячи эпох

Ты будешь неизменно восходить,
Когда все те, кто ныне расцветают и живут,
Подобно нам уйдут!
Тогда они тебя приветствовать начнут
Прискорбно из келий каменных своих,
Как мы теперь, о Солнце,
О Солнце, вечно юное!

Если мы обратимся от внешней природы к тому, что мы называем живым миром, — продолжил риши, — мы будем тщетно искать жизнь. Смерть поджидает нас на каждом шагу. Повсюду господствует ужасный Яма. Вся тварь живая выходит на сцену только для того, чтобы погибнуть насильственной смертью того или иного рода. Стадам, мирно пасущимся на склонах холмов, Яма является в образе тигра; невинно блеющей овечке — в образе волка или гиены. Змея хватает лягушку и тащит её из влажного убежища в свою нору или в щель меж камней, сокрушая ее тело. Ястреб своим хищным клювом пронзает несчастного воробышка; в свою очередь воробей уносит червя. Птица охотится за птицей, рыба — за рыбой, как сказано в Махабхарате:

Рыба посильнее охотится за той, что послабее.

Таков наш образ жизни, от века данный нам.

Но самое страшное воплощение Ямы — сам человек. С дикой радостью он устремляется в заросли бамбука или сахарного тростника, чтобы затравить и убить кабана. Он преследует по равнине пугливую грациозную антилопу; скорость его стрел превосходит быстроту её бега, и усталое животное, которое только что изящно скакало на свободе, падает, рыдая, на землю и в муках умирает. Он уводит на бойню бессловесных терпеливых овец и беспомощных ягнят с пастбищ, где те блеяли радостно и беззаботно.

Взгляни на тех носильщиков, что в этот момент проходят через дворцовые ворота с корзинами на головах, полными прекрасных своим опереньем цейлонских петухов, собранных в деревнях острова; они спокойно сидят в корзинах, не ведая о своей грядущей судьбе. Человеческие празднества — сигнал смерти для более скромных земных существ: человек веселится или женится, а они гибнут как материал для его радости, жертвы его домашних божеств. Даже тех существ, плоть которых он пока не научился употреблять в пищу, он замучивает до смерти более продолжительными и болезненными способами.

Когда конь, в молодые годы свои носивший на себе человека в дни битв и пышных церемоний, стареет и утрачивает свой пыл, его отдают безжалостному вайшье, занимающемуся извозом, — и вот тысячи этих несчастных животных, тощих, израненных, задыхающихся, погоняемых через весь город фуриями, воплощенными в мужских телах, без отдыха от рассвета до полуночи, пока они наконец не падут в упряжке от изнеможения, оттаскивают куда-нибудь подальше, чтобы они сдохли там, никому не видимые и никем не оплаканные.

А собака, вернейший друг человека; а кошка, сама умывающая себя, игривая, капризная, уютная, пугливая, настороженная, скрытная, любящая дом, но всегда ласковая, если к ней хорошо относятся, друг и — не обижайся, добрая Мандодари, ибо ты знаешь их привязанность, — в некотором смысле женщина, товарищ детей по играм, домашнее божество, символ домашней жизни, — каков их удел? Кто видит их конец? В какие уединенные места, в какие углы и дыры они уползают, ведомые скорбным природным инстинктом, чтобы скрыть агонию и испустить дух?

Ах, как много трагедий агонии животных случается ежедневно вблизи жилищ человека, а он не знает о них или, зная, не принимает близко к сердцу, или же с презрением смеется над сочувствием к страданию животных. И тем не менее, Ману учит, что все существа обитают в том же величественном Духе, в котором живет человек, и что в них, как и в человеке, живет тот же Дух:

Сарвабхутешу чатманам, сарвабхутани чатмани

Саман пашьян

Во всех существах Дух и все существа в Духе

Равно созерцая.

Но взгляни на самого человека. Есть ли жизнь в его обителище? Увы, не является ли весь его путь от колыбели до кладбища, где его тело будет возложено на погребальный костер, одним долгим воплем страдания, одним долгим памятованием о смерти и предвкушением ее? Домохозяин в расцвете своей мужской силы и его хорошенькая цветущая жена, достигнув середины жизни, озираются на две юдоли скорби по обеим ее сторонам. В одной — дорогие воспоминания о любимых родителях; она рыдает по обожаемому отцу, он — по бедной ласковой матери. В другой — боготворимые тела их детей, безвременно вырванных из их рук и оплакиваемые обоими: ею — с громкими жалобными причитаниями и им — со сдавленными рыданиями и с тайной слезой. Мать умирает, давая жизнь своему младенцу, или живет, рыдая над его трупом. Болезнь преследует человека с момента его рождения.

Войди в великий город Ланки. На каждой улице мимо тебя пройдет похоронная процессия с красным порошком, с траурными венками, со скорбным завыванием; позади нее скорбящие женщины стоят кружком у дверей, бия себя в грудь. В каждом доме плач и траур: умирает старик; ребенок борется за жизнь; бьется в агонии крепкий мужчина; рыдает женщина; маленькая девочка с испуганным личиком в слезах. И, как если бы ужасный мститель Яма не наложил на человечество достаточную меру страдания и смерти, человек, украсив себя золотом, перьями и яркими одеяниями, идет сокрушать конечности, вышибать мозг и пронзать сердце и внутренности своего собрата, оставляя на поле брани ужасную картину, жуткие крики и отвратительный смрад смерти. А в городе плачут женщины, ломают свои браслеты, бреют голову и надевают грубые неотбеленные одежды, за что их считают дурным предзнаменованием.

О несчастный человек! Откуда столько смерти в твоей жизни? Увы, — поскольку повсеместно правит внутренняя моральная смерть, она должна иметь также и внешнее выражение. Рождаясь, души людей уже мертвы: эта жизнь — просто вскрытие трупа, делающее болезнь очевидной для всех. Один умирает, сходя с ума от гордости; другой — безумствуя в гневе; третий — от проказы чувственности; четвёртый — от лихорадки честолюбия; одни — от злобного яда мстительности; другие — от желтухи ревности; некоторые — снедаемые раком зависти; кто-то от избытка любви к себе, а кто-то — от паралича апатии. Разнообразны недуги, но смерть в этот мир — общий итог каждого из них.

Да, здесь торжествует смерть — физическая и моральная. Мертвые порождают мертвых: мертвые отправляют мертвых на погребальный костер; мертвые ходят по улицам, приветствуя друг друга, заключают сделки, покупают и продают, женятся, строят — и не подозревают, что они лишь призраки и фантомы! Земля безмолвия и теней, запустения и руин, скорби и смерти, в которую твоя душа, о ракшаса, проникла в сновидении, — это МИР, в котором твое мертвое тело не движется в бодрствующем состоянии. О царь, отрекись и уничтожь его аскезой и божественным знанием и тем самым вернись к настоящей жизни.

Три миража

Два миража из трех, которые привлекли твое внимание, когда ты впервые оказался в пустыне и затем опять, когда ты покинул пещеру диваров и углубился в безмолвную дикую местность, уже были истолкованы в твоем собственном описании. Голубая мрига-джала, или «оленья вода», которая издевается над усталым оленем и вводит в заблуждение человеческого путника в пустыне, воистину олицетворяет те ложные реки восторженности и обманчивых надежд на счастье, которые мир разливает далеко впереди на пути страждущего пилигрима, странствующего по этой пустыне, чтобы вовлечь его в вечный

поиск обманчивого удовлетворения и радости, но который всегда исчезает при приближении к ним, дразня усталую душу как раз в момент ожидаемого успеха.

Тот белый мираж, что построил в облаках прекрасные дворцы города гандхарвов, а затем растаял в воздухе, как туман, символизирует заблуждение, которое заставляет ослепленную душу, вместо того, чтобы оставаться дома и заниматься собой, ища удовлетворения в том единственном месте, где только и можно найти неизменный покой, в самой себе, стремясь познать себя и вновь обрести свою истинную связь с божественной сущностью и свою причастность к ней, — побуждает её вечно уходить далеко от самой себя, забывая себя и свое высокое право рождения и строить для собственного удовлетворения тщеславные далекие проекты — величественные сказочные воздушные замки в стране мечты, которые всегда тают, едва их построят, и оставляют разочарованную душу начинать всё заново.

Однако Кала Виварта, дрожащий черный мираж, или мираж Времени, имеет особое значение. Он осаждаёт тебя с самого начала, чтобы дать понять, что во всех событиях, которые последуют в твоём сновидении, всё, что было тебе показано, и всё, что ещё может быть представлено тебе в связи с ним,

— Время будет находиться в обратном отношении, последовательность событий может быть нарушена, а различительные признаки перепутаны.

Далекое будущее станет настоящим или прошлым, прошлое станет будущим, а настоящее будет представлено как предстоящее или давно прошедшее. Все различия и последовательности будут забыты в вечном настоящем. Без этого указания со стороны черного миража ни сам сон, ни его толкование, не будут иметь смысла.

Однако эта путаница и полное изменение порядка отношений были бы невозможны, если бы эти различия были реальны и вечны в своей собственной сущности; здесь мы, наконец, приближаемся к более глубокому и постоянному значению этих миражей, которое ты, о ракшаса, по всей видимости, едва ли пока готов принять.

Белый мираж, действующий в пространстве и изменяющий пространственные отношения, вследствие чего озеро сначала кажется расположенным поблизости, а затем уносится вдаль, — этот мираж, вечно обманывающий глаз постоянно меняющимися воображаемыми расстояниями, олицетворяет временную, обманчивую, иллюзорную природу самого Пространства. Для Духа Пространство не обладает реальным существованием. Это всего лишь порядок, в котором Дух, будучи скован рамками интеллекта, заключен в камеру души и крепко и надежно заперт в темнице тела, вынужден созерцать Истинное Бытие, сущностно единое, по частям, множеством разнообразных, фрагментарных, сменяющих друг друга способов. Пространство — это всего лишь КАК, а вовсе не ЧТО. Это способ анализа, делящий на фрагменты и задающий границы, чтобы

обеспечить последовательное индивидуальное восприятие многочисленных фигур, посредством коих интеллект вынужден по отдельности выражать единое целое, которое, по причине своей фрагментарной природы, он не способен созерцать в единстве.

Время также КАК, а не ЧТО; это метод анализа, делящий на фрагменты и задающий границы, который разум использует для того, чтобы последовательно созерцать части одной вечной божественной Мысли, разделенной на последовательные дробные идеи, а также одного вечного божественного Чувства, когда оно раскрыто ограниченным натурам в истории, или в последовательности изолированных событий. Именно на это указывает черный мираж, а именно, что для Духа Время не обладает реальным существованием. Поскольку оно лишь метод, или инструмент, ограниченного интеллекта.

То, на что указывает голубой мираж в отношении Пространства, а черный мираж — в отношении Времени, белый мираж, с его воздушными замками города гандхарвов, непрестанно меняющими форму и растворяющимися в ничто, олицетворяет в отношении многочисленных и разнообразных форм Материи во вселенной. Они не имеют истинного бытия.

Это многочисленные преходящие феномены, разбрасываемые в пространстве и времени тем, что вечно едино, постоянно, неизменно и существует по ту сторону и независимо как от Пространства, так и от Времени, объемля и то, и другое, а именно, беглое иероглифическое письмо, в котором Единое проявляет себя и только в котором его может прочесть Дух, павший в конечный разум, потеряв свое изначальное достоинство и чистоту природы.

Та же доктрина приложима к отдельным личностям, которые, подобно волнам, поднимаются и опять погружаются в бесконечный безличный океан Бытия. Однако ты, о ракшаса, еще не готов к созерцанию этой тайны; кроме того, оно не отражается в тех трех образах, что олицетворяют только Пространство, Время и разнообразные формы разделенной материи. Истинное Бытие универсально, однородно, постоянно, неизменно и вечно; оно называется Сат-Чит-Ананда-Гхана, единые Бытие, Мысль, Радость. Бытие кульминирует в сознании; сознательная Мысль возвращается в Бытие с вечной Радостью. Бытие вечно действует в глубинах, но не знает себя; Мысль, порожденная в вечном центре, издает Великое Слово, возглашая: Я есмь Бримх. Так Бытие открывает себе себя в Мысли, и вечная Радость возникает между Мыслью и Бытием, и тогда эти три образуют одну Гхану, или единство вечной жизни, наполняющей всё и, тем не менее, оставаясь меньше мельчайшего атома. Это истинная Джнея, или объект познания, о котором Кришна говорит в Гите (Урок VIII):

Хор поет об объекте познания

Безначальный, высший, самотождественный Бримх,

И не не-сущий, и не сущий,

Сплошь из рук и ног, лиц, голов и глаз,

Сплошь из ушей, он восседает в центре мира,

Обладая Целым. Без тела,

Он свет, что сияет в каждом теле.

Содержит всё — ни с чем не связан;

Без качеств — причастен каждому;

Снаружи и внутри, подвижен и недвижим;

Всё наполняет, но Непостижим

Он крайней малостью частей.

На расстоянии он, но рядом.

Неразделим, но разделен во всех вещах

И всех вещей правитель.

Всё разрушает и всё воссоздает,

Свет светов — от всякой тьмы свободен;

Знание, цель знания и плод,

И правит в каждом сердце, — ТО!

Это непостижимое Бытие следующим образом описано Мукунда Раджей в «Вивека синдху», Лекция III. Отметив сначала двойственность Души и Бога:

В небе СВАРУПЫ (Истинного Бытия), в том, что лишено качеств, произнесено «ДЖИВЕШВАРА», «Живая тварь и Господь» (или «Душа и Бог»). Устранить это двойственное высказывание из этого места единства ты можешь только самоосознанием.

А затем указав, что экстатическая концентрация является замечательным средством от недуга, называемого жизнью:

Поскольку САМАДХИ, или КОНЦЕНТРАЦИЯ НА СЕБЕ, является божественным деревом исцеления для тех, кто страдает недугом существования, оно кладет конец боли и страданию, присущих удовольствию в объектах восприятия.

Он переходит к описанию Истинного Бытия, источника существования:

Хор воспевает источник существования

Знай, что то, что, будучи отличным от Колес Силы (или Сфер Силы), является всемыслом, лишенным частей, что эта чистая Благодать — ни что иное как Пара-Бримх, или высший Бримх.

Знай, что то, в чем исчезает это триединство, или тройственная связь: видящий, объект видения и (средство, или процесс) видения — это высший Бримх, лишенный оппозиций.

Знай, сын мой, что то, в чем не существует это трио: познающий, (средство, или процесс) познания и объект познания, — это высший Бримх, лишенный двойственности.

Если мы назовем это знанием, то в нем нет знания; если мы назовем это незнанием, то в нем нет незнания; если мы назовем это не-сущим, то, смотри: это чудесное сокровище, безначальное, даже от вечности.

Не-сущее есть ничто. Порочно мнение тех, кто утверждает, что (Бримх) — ничто. Блаженны те, кто это понимает в этом мире, знающие Бримх.

Если мы скажем, что он есть, как мы представим его? Если скажем, что нет, как нам от него избавиться? Словом, пусть знают, кому он принадлежит.

Это тот, кто тормозит спящего, кто пробуждает того, кого тормозят, кто заставляет пробужденного чувствовать (удовольствие или боль), но сам не действует.

Подобно тому, как хрусталь представляет собой непрерывную массу, так и высший Бримх является одной целой массой сознания.

В то же время он весь пуст, как эфирное пространство; пронизаем, и в то же время не связан с пронизаемостью; сам по себе сияет собственным прекрасным светом!

Когда Брахма, Вишну и Махешвара устают каждый от своих трудов (созидания, сохранения и разрушения), они удаляются в дом покоя, а именно в БРИМХ. (Т. е. эти активные энергии более не действуют, удаляясь в Бримх, пассивную форму Божественного Бытия, в которой нет движения).

Знай, что тот, в ком нет ни знания, ни незнания; кто не может быть сравним ни с каким другим существом; кто познаваем лишь для самого себя, — тот ЕСТЬ божественное знание, высший Бримх, СВАРУПА.

Даже Сарвешвара, или сам Всевадыка, если захочет познать⁴¹, — даже он не узнает самых отдаленных пределов этой СВАРУПЫ.

Поскольку самость и воображение там исчезают, только Бримх постигает собственное самоосознание.

После того как охвачены и наполнены тысячи вселенных внутри и вовне. Высший Бримх Сварупа полностью завершен, без остатка (или недостатка), а также без промежутков (или деления частей).⁴²

Как облака тают и исчезают в эфирном пространстве, так (исчезает) в Сварупе пелена Майи: когда она растворена, остается только целый Бримх (или абсолют).

Возвращаясь в 5-м Уроке к двойственности Души и Бога, на которую разделяется первозданное единство, он называет первую ТЫ, а второго ТО в этом разделении, и следующим образом описывает божественный принцип, называемый им ТО:

Хор воспекает вечное То

Без слова ТО, Господа, слово Ты (индивидуальная душа) не имеет бытия; слушай же опять относительно слова ТО.

Тот, кто является Параматмой, или Высшим Духом; Махан Вишну, или Великим Всепроникающим; Ади Пурушей, или Первозданной Душой; Бхагаваном, или Великолепным; Сат-Чит-Ананда-Гханой, или единством Бытия, Мысли и Радости, — Тот был явлен тебе,

Тот, кто является Всеобщим Духом, Всеобщим Свидетелем, Вседержителем, кто присутствует в сердце каждого существа, кто никогда не равнодушен к своим служителям;

Тот Бог, безначальный, непостижимый и неисповедимый, который проявляет эту вселенную, не являясь ею; который скрывает её, как если бы она исчезла, но в то же время остается на своем месте;

Кто слышит без ушей, видит без глаз, чувствует любой вкус без языка;

Кто ходит повсюду, не имея ног; берет и дает, не имея рук; кто освобождает душу одной только волей;

Кто поблизости, будучи удален; далеко отстоит, но пребывает в самой душе; чьей силой активируются органы для выполнения своих функций;

Как солнце светит в каждой стране, так и Высший Дух озаряет каждую тварь, ее жизнь, или душу.

Это едва уловимое слово ТО является телом чистого разума — без формы, пронизывающее всё; тем не менее, принимающее внешние очертания ради почитающих его.

Там КОГДА является вечным СЕЙЧАС.

ГДЕ является вечным ЗДЕСЬ.

ЧТО и КТО едины. — Универсальное «Я есмь ТО» (Со-Хам) — безличное сливается с личным, личное возвращается в безличное, чувствуя свое тождество с ним.

Однако Истинное Бытие преломляется призмой Майи во множество феноменальных событий, и только тогда оно может быть созерцаемо Духом, который сам стал дробным и совершил падение в ограниченный интеллект. Как пела девственная поэтесса из Аланди:

Перемена, мираж, возникает в Истинном Бытии;

Из ЕДИНОВОГО развивается многое.

В этой чисто феноменальной эволюции зерно прорастает тысячью корней и побегов; монада света преломляется в десятки тысяч лучей. Сфера раскручивается в бесконечную нить; золотой слиток разбивается на десятки миллионов драгоценностей в бесконечном многообразии форм и узоров.

САТ, Бытие, или субстанция Первичной Триады, расширяется, превращаясь в явления бесконечных материальных вселенных.

Центральное ЧИТ, или Сознание, становится бесконечными личностями и жизнями.

Единство «Я есмь ТО» (Со-Хам), опыт первичного сознания, становится ограниченным последовательным познанием, научными, философскими и литературными системами.

АНАНДА, или гармоничная Радость, становится бесконечным разнообразием оттенков чувства и страсти, приводящему к трагизму истории.

Бесконечное Здесь разворачивается в пространство.

Вечное точечное Сейчас разворачивается в последовательное время.

Вечная божественная завершенная жизнь Истинного Бытия становится развивающейся и протяженной и как бы разворачивается в последовательность исторических событий.

А сама призматическая Майя, — однако я боюсь, — сказал риши, видя растерянные лица слушающих и чувствуя, что он выходит за пределы их понимания, — что я начинаю

говорить непонятно». Равана промолчал. Он был окончательно заморочен и озадаченно пытался решить собственную проблему, а именно: было ли у него десять голов, всего одна, или же на его плечах — если у него были плечи — вообще не было ни одной головы.

«Хотела бы я знать, является ли Мадхави Панза КАК или ЧТО», — тихим голосом сказала лукавая Гупта, как бы разговаривая сама с собой, но при этом достаточно громко, чтобы, согласно ее замыслу, ее услышал весь круг собравшихся

«По правде говоря, добрый риши, я не понимаю, о чем ты говоришь. Мне вообще не понятно, что ты имеешь в виду под Истинным Бытием, развертывающимся в пространство и историю. Разве я, к примеру, не истинное бытие? Однако, как бы я ни старалась, я никак не могу представить себя развертывающейся в какую-нибудь историю, а также в пространство или время, не исчезнув при этом полностью и окончательно», сказала простодушная толстуха Мандодари с прямолинейной откровенностью.

«О трансцендентный Эзамана!» — почтительно молвила Сулочана. «Все эти вещи недоступны пониманию бедных женщин. Объясни нам лучше, о добрый риши, видение Зингарели. Поскольку она женщина, мы, может быть, лучше поймем ее, чем такие тонкости как Время и Пространство».

«О да, дорогой Учитель», воскликнула Гханта Патали, восхищенно хлопая своими крошечными ладонями. «Расскажи нам об этой бедной милой Зингарели, об ужасном аллигаторе и об очаровательной крошечной сирене».

Риши не был огорчен этим отступлением. Возможно, он сам почувствовал, что, по правде говоря, запутался в собственной мудрости и даже переставал понимать сам себя. Во всяком случае, подумал он, аллегория — более прочное и надежное основание, нежели трансцендентная метафизика Веданты. По крайней мере, мораль будет понятнее женщинам; он знал об их влиянии на историю, даже когда они, подобно доброй Мандодари, отказывались лично участвовать в развертывании в неё.

Ссылки на «жизненный воздух», «Ветер», «трубчатые сосуды», «лунный флюид бессмертия», «палаты тела» и прочее в том же роде могут оказаться непонятными материалисту, не знакомому с иносказательной терминологией мистиков, однако тот, кто хотя бы на один шаг продвинулся по пути саморазвития в направлении духовности, достаточно легко поймет, что скрывается за этими терминами.

The Theosophist, январь 1880 г.

Е. П. Блаватская

Примечания и комментарии

Печатается по: The Dream of Ravan: a Mystery. — London—Santa Barbara—New York: «Concord Grove Press» / Institute of World Culture, 1983. Написание и транскрипция имен и понятий дана в соответствии с указанным изданием.

Относительно авторства Мэри Нэфф отмечает, что многие известные теософы утверждали, что Учитель К. Х. был студентом Дублинского Университета и во время учёбы там написал книгу «Сон Раваны», опубликованную в четырёх номерах Дублинского университетского журнала; впоследствии эта книга вышла отдельным изданием, предисловие к которому составил Дж. Р. С. Мид. — Прим. ред.

1. Мюллер Макс (Фридрих Макс) (1823—1900) — английский филолог, специалист по общему языкознанию, индологии, мифологии. Профессор Оксфордского университета (1854—76). Перевёл и издал «Ригведу» (6 тт., 1849—1874), издавал серию «Священные книги Востока» (55 тт., 1879—1924).

2. Дойсен Пауль (1845—1919) — английский индолог и философ.

3. Равана (от «ревуший») — в индуистской мифологии царь ракшасов и антагонист главного героя Рамы в эпосе «Рамаяна». Он наделён чертами мифологического дракона: имеет десять голов, способен передвигаться по воздуху на своей колеснице Пушпаке, живёт среди вод на острове Ланка, разоряет земли, пожирает живые существа, похищает женщин. Согласно «Рамаяне», Равана десять тысяч лет предавался суровому подвижничеству, чтобы умиловить Брахму (одного из трех верховных богов индуизма, бога-творца и отца других богов, Прародителя небожителей, демонов и смертных, хранителя космического и мирового порядка), и за это Брахма наградил его даром неуязвимости для богов и демонов. В силу этого дара Равана получил власть над трилокой (тремя мирами); он изгнал своего сводного брата Куберу (бог богатства, повелитель якшей; изображается как уродливый карлик с тремя ногами и одним глазом, тесно связан с Шивой) с Ланки и основал там царство ракшасов, победил Индру (главное божество пантеона «Ригведы», бог-громовержец и змееборец, возглавляющий богов в их противостоянии асурам), заставил богов прислуживать себе в своём доме (Агни, бог огня, был его поваром; один из самых древних и значительных богов ведийского пантеона Варуна, блюститель космического и нравственного закона, доставлял ему воду; Кубера доставлял пропитание; Ваю, древнее божество ветра, мёл пол и т. д.).

Чтобы избавиться от тирании Раваны, боги попросили Вишну (младший соратник Индры в битвах с демонами, спаситель людей в бедствии и охранитель мироздания) родиться в облике смертного человека — Рамы. Рама убил Равану в битве под Ланкой, поразив его в сердце стрелой Брахмы (до этого Рама тщетно отсекал у Раваны голову за головой, но они мгновенно вырастали снова). Значение имени Раваны разъясняется легендой о его соперничестве с Шивой (Рамаяна, VII.16): однажды Равана попытался сокрушить гору Кайласа, на которой покоились Шива и Парвати. Но Шива прижал к земле гору (а вместе с ней и Равану) большим пальцем своей ноги; от боли Равана издал рёв, сотрясший миры, и Шива, который спустя некоторое время отпустил Равану, прозвал его «Ревущий». Главной супругой Раваны была Мандодари. Она вместе с другими его жёнами сожгла себя по обычаю сати на погребальном костре мужа.

4. Лакшмана — букв. «счастливый», сын царя Дашаратхи, брат и сподвижник Рамы.

5. Ракшаса — злой демон, ракшаси — демоница.

6. Муни — букв. «святой мудрец», определение, которое часто применяется к создателям сутр; также употреблялось в значении «тот, кто впустую не проронит ни звука», «тот, чье каждое слово веско и глубоко».

7. Рагху — царь Солнечной династии, прапрадед Рамы.

8. Другое название Годавари.

9. Айодхья — название одного из семи священных городов, расположенных на реке Сараю. Столица царей Солнечной династии, правителей Косалы.

10. Яма — сын Вивасвата, первый человек, умерший на земле и ставший царем загробного мира.

11. Все эти имена значимы. «Кхара» значит «грубый», «Триширас» — «трехголовый», «Душана» — «преступление».

12. Употребленные здесь слова, а также комментарий, не оставляют сомнений в том, что здесь описано, как Сита нисходящими месмерическими пасами полностью исцелила раны и увечья, нанесенные ракшасами. Примечательны слова комментария

Shastra Vranani marjita rudhirani purna gartani

Satya-Sankalpach — Chaka — etyarthaha.

«Вот смысл: протирая кровоточащие раны от оружия, она заполнила пустоты волеием чистого намерения».

«Потирание» указывает на месмерическую силу; «заполнение пустот» — совершенное исцеление ран; «волеие чистого намерения» — сильная воля и чистое намерение, указанные Дю Потэ и прочими как столь необходимые для успеха месмерических операций.

13. Асура — демонические существа, противопоставляемые богам. Разделяются на два рода: дайтьи и данавы, сыновья Дити и Дану, старших жен (вместе с Адити) Кашьяпы, породителя богов, асуров и других сверхъестественных существ.

14. Паньчавати.

15. Гандхарвы — разряд добрых полубогов — небесные певцы и музыканты.

16. Небесное царство Вишну, или Хари.

17. Риши — мудрец, отшельник, а также автор и певец священных гимнов.

18. Вальтасар — сын последнего царя Вавилона Набонида. Погиб в 539 до н. э. при взятии Вавилона персами. В Библии содержится описание пира Вальтасара («Вальтасаров пир») и пророчество его гибели.

19. Шлегель Фридрих (1772—1829) — немецкий критик, филолог, философ-идеалист, писатель, теоретик романтизма, один из основоположников немецкой санскритологии и сравнительного языкознания. В многочисленных фрагментах и афоризмах выдвинул утопический идеал новой, универсальной поэзии и культуры, эстетически преобразующей мир, устремленной к «бесконечной полноте универсума», находящейся в непрестанном процессе творческого становления, принципиально незавершённой, постоянно рефлектирующей по поводу себя и своих созданий, сливающей воедино искусство, философию, науку и религию.

Прообраз такого слияния Шлегель видел в древней мифологии и мечтал о новой мифологии, зачатки которой усматривал в новейшем естествознании и послекантовской идеалистической философии. С этим связано учение об иронии как выражении незамкнутой динамики мира и познания, «чувства целого», побуждающего художника к постоянному самовозвышению над ограниченностью своего «Я», изображаемого материала и средств изображения. Критикуя различные философские системы, особенно немецкий классический идеализм, как формы «расколотого сознания», предпосылкой подлинной «философии жизни», основанной на принципах христианского «спиритуализма», считал восстановление внутренней целостности человеческого сознания в единстве всех душевных способностей (разума, фантазии, воли и т. д.).

20. Альфонсо Мария ди Лигуори (1696—1787) — Учитель Церкви, богослов, основатель ордена редемптористов, юрист и проповедник. Альфонсо Лигурийский был популярным адвокатом, однако проиграл в 1723 г. важный процесс и перешел в духовное сословие.

21. Френология — основанное Францем-Иосифом Галлем (1758—1828) учение о том, что по внешнему устройству черепа возможно судить об умственных способностях человека.

22. Банджо — струнный музыкальный инструмент.

23. Ману — букв. «мудрый», «человек», родоначальник человеческого рода, а также каждый из четырнадцати последующих прародителей человеческого рода и правителей земли.

Ману Вайвасвата — сын Солнца, считался первым царем, родоначальником Солнечной и Лунной династий, прекратившим хаос и установившим на Земле законность (дхарму).

24. Семь риши — (см. риши) означает семь звезд Большой Медведицы.

25. Су-лочана — прекрасноокая.

26. Этот гимн, вложенный в уста Сатьявраты в рассказе о потопе, содержащемся в Бхагавате (скандха VIII, адхьяя 24) представляет собой весьма примечательный текст. Он доказывает, что в самом сердце дичайшей и наивнейшей части индуистской мифологии наличествует глубокий живой мистицизм и стремление к соединению с Богом, которое вряд ли может быть бесплодным.

Слово, переведенное здесь как «человечество» и «человек», — в оригинале «лока», что можно перевести также как «мир». Эта станса очень близка словам Св. Иоанна: «В нем была жизнь, жизнь была свет человеков.

27. Шака — название кочевых племен — скифов.

28. Ашвины — два божества утренней и вечерней зари, сыновья бога солнца.

29. Грантха Нагари — букв. «с городом связанный».

30. Дайтхи и данавы — асуры, демоны-великаны, враги богов, сыновья Дити и Дану и мудреца Кашьяпы.

31. Якша (якши, якшини) — мифические существа, божества низшего разряда, хранители царства бога богатства Куберы; преимущественно безвредны, но могут быть вовлечены в действия злых сил.

32. Бхута — злой дух, демон.

33. На санскрите рамана значит «муж», «любовник», «игрок», «акробат». Рамани значит «жена», «возлюбленная», «игрунья», «танцовщица»; от корня рам (резвиться, играть,

развлекаться). Это слово, несомненно, истинный источник цыганского термина романи, которое цыгане используют для обозначения как цыгана, так и мужа. Их язык, включающий значительную примесь заимствований из современных индийских диалектов, содержит также немало чисто санскритских слов, например, шака (овощ), кашта (дерево) и др.

34. Рамаяна, Ади канда, сарга XXIX, под ред. Шлегеля; XXX, под ред. Горресию.

35. Или «Опьяняющая».

36. В переводе Шлегеля: «за руку каждую взяв» (Singulus mano prehensens).

37. Ниже приводятся весьма примечательные слова оригинала:

Guru-patnim samasino Vipulaha sa mahatapaha

Upasimam-anindyangim yatbarthe samal obhayat.

Netrabhyam netrayorasya, rashnim sanyojya rashmibhihi,

Vivesha Vipulaha kayam-akasham pavanoyatha,

Lakshanam lakshane naiva, vadanam vadanenacha.

38. Даса, что означает раба или преданного почитателя, является также именем автора. По-видимому, желтый, или золотой, цвет в этом гимне имеет как мистический, так и описательный смысл, так как Джнянадэва, описывая последовательные стадии достижения созерцания райского блаженства, располагает желтый цвет в середине:

Красный, белый, серый и синий;

Шафранный же в центре.

39. В этом отрывке встречается множество фраз, постоянно употребляемых в связи с Кришной, иногда в двойном смысле. Так Ванамали («носящий лесную гирлянду»), Мегха Шама («темно-синяя грозовая туча»), Яду раджа, или царь Яду, то есть глава племени, носящего это название; Канха, Канхоба (юноша) — обычные заменители его имени. Термин Атмарама («успокаивающий душу», или «душа души»), употребленный во второй строке второго стиха, имеет, помимо прямого, еще и мистическое значение, которое должно быть подсказано нежными высказываниями Яшоды (приемная мать Кришны — прим. ред.), в этом контексте выражение «душа моей души» эквивалентно «душе

мироздания, живущей и пребывающей в моей душе». Слово сагуна, переведенное как «исполненный совершенств» в третьем и пятом стихе, имеет двойной мистический смысл, именно, божество, проявленное в полноте совершенств, или атрибутов, в противоположность той высшей и недостижимой глубине божественного бытия, в которой нет ни формы, ни страсти, ни атрибутов (в этом последнем отношении согласуясь любопытным образом с некоторыми европейскими мистиками, о которых говорится в работах Боссюэ) и которая, соответственно, называется ниракара (лишенная формы), ниргуна (лишенная качеств, или атрибутов) и нирвикара (неизменная или бесстрастная). Гермин, использованный в последнем стихе для обозначения Владыки Жизни (Дживана Сута), указывает также на имя автора в силу двусмысленности, нередко встречающейся в этой поэме.

40. Эта сверхъестественная сила, иначе именуемая «Матерью Мира», «Вместилищем Высшего Духа», технически называется Кундалини, что можно перевести как «змеиная» или «кольцевидная».

41. Иными словами, если Бримх станет Сарвешварой; если он выйдет за пределы бесконечного безличного всеознания, в котором нет ни знания, ни незнания, он становится познающей индивидуальностью, следовательно, самостным личным богом, Все-владыкой, и в качестве такового он не знает, и не может знать, пределов той сущности, из которой он вышел, из СВАРУПЫ, которая есть чистый Бримх.

42. «Распространяется, не разделяясь, действует, не расходуясь». — А. Поуп.

«Это работа поэта и провидца одновременно.

Она содержит элементы веселой фантазии.

Но даже фантазия – завеса, за которой можно

обнаружить истинное видение. Ее должны

прочитать все, кто стремится к рождению нового

сознания и нового человека, от которого зависит

будущее мира».